Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 5

2019

СОДЕРЖАНИЕ:

НАСИМИ 650

Сергей ИВАНОВ. **Имадеддин Насими.** *Отрывок из поэмы* 35
Марат ШАФИЕВ. «**Я в смерти канул без следа…**» 39
Галина УДАЛЫХ. «**В меня вместятся оба мира, но в этот мир я не вмещусь…**» 40
Михаил САЛЬМАН. *Стихи* 43

ПРОЗА

Саули НИИНИСТЁ. (Финляндия) *Рассказы* 3
Рашид НАГИЕВ. (Израиль) **Остров неоплаченных долгов.** *Рассказ* 17
Октай МИРГАСЫМ. **Закон равновесия.** *Повесть* 44
Эрих ГАУЗЕР. ***Работа роботов.*** *Рассказ* 92
ПАРВИН. *Рассказы* 107
Лейла БЕГИМ. **Выстрел.** *Юмореска* 130

ПОЭЗИЯ

Александр ГЛАДКОВ. (Россия) *Стихи* 12
Гусейн САФАРОВ. *Стихи* 82
Азер ЭФЕНДИ. *Стихи* 121

ПУБЛИЦИСТИКА

Александр ХАКИМОВ. **Трансляция? Мораль без морализаторства** 85
Гюлюш АГАМАМЕДОВА. **Личный контроль** 124
Алла АХУНДОВА. **Азер – сын своей страны Азербайджана** 127

Главный редактор – **Солмаз ИБРАГИМОВА**

Зам.главного редактора – **Елизавета КАСУМОВА**
Ответственный секретарь – **Эльдар ШАРИФОВ-СЕЙШЕЛЬСКИЙ**
Отдел прозы – **Надир АГАСИЕВ**
Отдел поэзии – **Алина ТАЛЫБОВА**
Отдел подписки и рекламы – **Джамиля ШАРИФОВА тел: (055) 846-98-49**
Литсотрудники – **Ниджат МАМЕДОВ, Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА**
Корректор – **Анна КУЗЁМКИНА**

Редакционная коллегия: ***Почетный аксакал «Л.А.» Сиявуш МАМЕДЗАДЕ,***
Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос-Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ

Литконсультант – **Натиг РАСУЛЗАДЕ**

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com
Тел: 493-75-81; 493-86-04

Сдано в печать 17.04.2019г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»NKPT MMC
Тел.: 497-36-23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»NKPT MMC

© «Литературный Азербайджан», 2019 г.

САУЛИ НИИНИСТЁ

Р А С С К А З Ы

Перевод Таиры ДЖАФАРОВОЙ

Саули Вяйнамо Ниинистё – 12-ый президент Финляндии. Приступил к должности 1 марта 2012 года, в 2018-м избран на второй строк. Государственный деятель, политик, юрист по образованию. В 1995–1996 годах – министр юстиции, в 1996–1999 – министр финансов, затем заместитель главного директора Европейского инвестиционного банка.

Ниинистё владеет многими иностранными языками, из них в совершенстве – английским, шведским и русским. Русский он изучал специально, так как считает, что знание языка соседней страны является «вопросом вежливости». На встречах с Путиным он разговаривает по-русски и не раз высказывался за здоровые отношения с Россией.

Президент был дважды женат. Первая его жена погибла в автокатастрофе в 1995 году. От первого брака у него два сына. 3 января 2009 года он женился на известной поэтессе Енни Хаукио. 2 февраля 2018 года у них родился сын. Рождение ребенка у действующего президента Финляндии произошло впервые за всю историю страны. О сильном характере Ниинистё говорит такой случай: в 2004 году, находясь с сыном Матиасом на отдыхе в Таиланде, он сумел спастись во время цунами, забравшись вместе с сыном на телеграфный столб.

Мало кто из финнов знает, что увлечение президента – литература и искусство, и что он автор двух книг прозы. Представляемые здесь рассказы входят в сборник «История тихих» («Hiljaisten historia»), изданный в Хельсинки в 2007 году.

Будучи президентом, Ниинистё не оставил своего увлечения, он много читает, в курсе всех литературных новинок. В 2017 году он пригласил в Хельсинки своего любимого американского писателя Пола Остера. Встреча с автором происходила в Академкниге Стокмана. Причем президент сам вел встречу и задавал гостю вопросы по-английски. А начал с того, что сказал: «Здесь собралось столько народу. Это оттого, что вас в Финляндии хорошо знают». На что писатель ответил: «Я думаю, что вас здесь знают не меньше». В заключение, благодаря публику за теплую встречу, Пол Остер заявил: «Я рад, что у вас читающий президент».

Потерянные дни

Сейчас 05.23 и наступает время принять решение по моему личному делу. А в личных делах я не умею принимать хороших решений. Решение имеет важнейшее значение для моего ближайшего будущего. Но сейчас, во-первых, надо выяснить – утро это или вечер. Если бы был вечер, который лишь незаметно затянулся, нужно было бы идти и ложиться спать. Но если это время рассматривать как утро, нужно собираться и приступать к приготовлению кофе и другим хлопотам. Предстоящая проблема не какая-то особенная, перед многими она наверняка возникала.

Мне на память приходит более серьезный случай. Это произошло несколько лет назад. Перед светофором на пешеходном перекрестке в Хельсинки, в 8 утра, я и еще один человек ожидаем, когда красный свет сменится на зеленый. В его одежде всё, на первый взгляд, пристойно, но тем не менее что-то в его внешнем виде меня смущает. Осень, прохладно и пока еще темно. Он приближается ко мне с вежливой робостью:

– Простите, господин, можно вас потревожить?

Он делает паузу, ожидая ответа. Я собираюсь порыться в карманах, ибо такое подчеркнуто вежливое начало может означать только одно: просьбу денег. Хотя мужчина передо мной чуть старше среднего возраста, на нем костюм и галстук, что-то мне подсказывает, что у него не все в порядке. Похоже, в этом костюме он и спал, предполагаю я, а до того карманы его неожиданно опустели. Один его ботинок был не зашнурован.

– Ничего, ничего. Чем могу вам помочь? – ответил я, как бы и торопя, и ободряя стеснительного мужчину.

– Который сейчас может быть час?

Оказывается, все просто. Не глядя на часы, я отвечаю ему, что уже восемь. И я опять опаздываю на собрание, что меня нервирует и огорчает в это осеннее утро. Странно, что мужчина спрашивает о времени, у него же часы на запястье, – замечаю я. – Но может быть, они стоят?

– Да, – говорит он, – но... – Наступает молчание, он о чем-то напряженно думает, потом продолжает: – Но... восемь утра или вечера?

Действительно, этого он не мог решить даже с часами на руке. Нет, костюм, видимо, был на нем не одну ночь, машинально делаю я вывод. Но проблема у него, наверное, серьезная, и я с радостью сообщаю, что сейчас утро, что впереди еще весь день.

– Сегодня четверг, 12-е число, – добавляю я для убедительности.

Но сообщение доставляет мужчине явное огорчение, он морщит лоб, и голос его звучит глухо, гаснет.

– Да, так, вроде, и должно быть, – бормочет он.

Интересно, может, его бы больше устроило, если бы он услышал, что сейчас вечер? И если да, то какой вечер? Или его расстроило, что уже наступил четверг? А нужно ли было называть еще и месяц?

Нет, костюм все-таки был на нем не так долго. И кто-то ждал его дома. Судя хотя бы по обручальному кольцу. Это хорошо, думаю я, ну, а если его ждут семейные неприятности, и он уже обратился в суд, затевая развод? Если у него есть дети, то наверняка они уже закончили школу. А возможно, он уже дедушка, и внуки жаждут увидеть его и поболтать с ним…

– Всякое случается, – пытаюсь я начать сочувственный разговор.

– Всего и не упомнишь,– мужчина опускает взгляд в землю.

– Все же ничего особенно плохого с вами не произошло? Я не любопытен, но может быть, вам надо излить душу, высказаться?

– У меня портфель пропал. Черный, кожаный.

– Помогает, если вспомнить, когда в последний раз вы его держали в руках. – Всегда, когда пытаешься человеку посочувствовать и открываешь рот, чтобы сказать что-то разумное, то, как правило, и вылетают такие дурацкие советы.

– В начале недели он еще был у меня.

Значит, два дня, как портфель пропал. Для его возраста два потерянных дня относительно небольшой срок, имелось у него в запасе немало. Но потерянный портфель – это другое дело. Интересно, что в нем такое было?

– Вместе с портфелем пропали мои труды многих лет.

Он сказал это совершенно спокойно, как бы читая мои мысли, словно бы догадывался, о чем я думаю. Говорил он так искренне, что я сразу ему поверил.

Что, если в портфеле лежали деньги, заработанные им за многие годы? А кто он такой, этот мужчина?

Может быть, предприниматель, который вел бизнес наличными, чтобы избежать налогов, лишних накладных и чеков, а тут вдруг касса-портфель с наличностью исчезла?

Или, может, он игрок? Допустим, хотя бы в лото? Это ему, вроде, подходит. Но «труды многих лет» – как-то не вяжется с игрой в лото. Разве только, если предположить, что прежние его проигрыши были вложением в будущий супер-выигрыш? И вложенные деньги теперь никогда не вернуться, совсем пропали.

А что, если он изобретатель? Они всегда своеобразные, странные и каждый на свой лад. И теперь пропали все уникальные чертежи.

А вдруг он писатель? С ними, писателями, вполне может такое случиться, – остался без единственного экземпляра рукописи. Но нет, писатели одеваются не так. Писатели – богема, они не носят таких простецких, обычных костюмов.

– Там, на портфеле, все же замок имеется, – произнес он таким голосом, в котором слышалось отчаяние, словно бы его оставили даже самые робкие надежды.

Нет, скорее всего, он юрист, хранивший под замком в портфеле важнейшие бумаги. Хотя, разве хлипкий замок убережет документы? А может, он взломщик? Они любят замки, только совсем по иной причине, чем юристы. Но и среди юристов тоже есть паршивые овцы. Когда я работал в надворном суде, один коллега юрист потерял пачку деловых бумаг во время похода в ресторан. Больше суд не доверял ему документы. Вылетел со службы, уволили. «Ну и досталась мне работенка – получить новые документы из суда первой инстанции, а также от всех участников дела. И особенно стыдно было признаться, что прежние бумаги исчезли из надворного суда необъяснимым путем, хотя можно догадаться, почему», – рассказывал другой коллега, который заметал следы. Думаю, он свалил всю вину на уборщицу. Конечно, это был скандал, не только оскорбление для всего профсоюза уборщиц, но и вообще плохое объяснение. Если уборщица сумела выбросить одни бумаги, то почему бы ей не смести в Лету и еще какие-то. От подобных историй доверие к надворному суду пошатнулось бы. С другой стороны, и правда ничуть не лучше. Если у одного исполнителя судебные документы пропадают в ресторанном загуле, то почему бы они и у другого не упорхнули с той же легкостью? Так не осталось бы веры даже в то, что дела, к которым относились эти бумаги, не только тщательно хранятся, но и что они правильно ведутся. Вот и у этого юриста с перекрестка вполне мог пропасть, например, подписанный подлинник завещания. Это было бы очень неприятным делом. Нового завещания уже не составить, поскольку наступило время выполнить последнюю волю подписавшего.

Как же он выкрутится? – продолжал я свои размышления. – Разумеется, начнет разыскивать портфель. Но прогноз неутешительный: если пропаже несколько дней, то в тех местах, где он побывал с портфелем, уже ничего не найдешь, и спросить некого. Ищи ветра в поле. Остается упорно восстанавливать утерянные документы. Но и это дело почти пропащее. Самое главное, очевидно, потеряно навсегда.

Огни светофора наконец переключаются, и я собираюсь сказать нечто утешительное стоящему рядом мужчине, переходя дорогу, но он вдруг поворачивает не на ту улицу, какой следую я. Мы расходимся. Я оборачиваюсь: он уже опять ждет зеленого сигнала светофора, только на другой стороне перекрестка. То ли он решил переменить направление, то ли у него вообще не было никакого направления, не знаю. На перекрестке можно оказаться всегда, куда бы ты ни шел, красный свет может перед тобой гореть бесконечно, стоит только переходить через определенные промежутки времени в ту сторону, где он зажигается. Кто-то стоит, терпеливо ожидая смены света, кто-то так же терпеливо где-то дожидается его самого. Успеваю еще заметить, что

мужчина разговаривает с другим ждущим у светофора. Что бы это значило? Может, ему непонятно еще и то, где он находится, но он постеснялся у меня спросить? Если время уже упущено, то, конечно, и в месте нет никакой уверенности. Я начинаю раскаиваться: вполне мог бы и не спрашивая об этом напрямую, ввернуть сведение о месте. Например, сказать, что я очень спешу к зданию парламента, до которого всего несколько кварталов, или еще каким-нибудь образом обозначить место, где мы находимся. Хотя бы выразить недовольство тем, что здесь, в Тееле, много лишних светофоров, и тогда, пусть приблизительно, прояснилось бы и местонахождение.

Позади на перекрестке резко заскрипели тормоза. Отсюда, издали, не очень-то видно, что там, между нами прохожие. Но не вылетел ли на улицу одинокий ботинок? Похоже на то. Уж не тот ли это незашнурованный ботинок? Но портфелем это точно не было.

В поисках лучшего художника

Я в галерее Маурицхейс в Гааге уже в третий раз. Во второй раз я пришел сюда оттого, что в первый раз и в мыслях не было: какого рожна мы здесь делаем? В первый раз я только удивлялся: «Господи, эти типы, эти художники намного лучше понимали жизнь, чем мы понимаем, и картины их понять тоже не так-то просто».

Посещение вышло поспешным, впечатления путанными, но в первый раз это было необходимо, входило в программу поездки, а во второй – случайность. Просто выдалось полчаса свободного времени. Но третий визит – специально запланированный. Пришел ради искусства, нет, если точнее, ради красоты. Некрасивыми мне показались лишь представленные здесь, несмотря на лучшие побуждения музейщиков, автопортреты Рембрандта, которых он нарисовал много, да еще и в разных ракурсах. Музей этот теперь переживает период одного бренда: «Девушка с жемчужной сережкой» Вермеера играет красками и светится глазами со всех плакатов, буклетов и открыток во всей красе грациозного поворота головы.

Группа туристов более, чем из 30 человек именно сейчас детально изучает эту картину, и гид выкладывается, как может. Картина меньше своей славы и даже меньше половины квадратного метра. Один из туристов вслух замечает это несоответствие с вопросительной недоверчивостью. Но бдительный гид, который уже слышал такое, готов ко всему и веско заявляет, что дело не в размере полотна.

– В ее глазах тот же блеск, что и в жемчужной сережке, вы заметили? – гид умело отводит интерес посетителей от скользкого вопроса.

В наше время из этой девушки сделали просто культ. И это через четыреста лет после ее возможного рождения! Сама картина пылилась в забвении в запасниках почти четыре столетия! А теперь о ней даже написана имевшая успех книга, часть которой ее автор Трэси Шевалье посвятила и самому художнику – Яну Вермееру. Но ведь может быть, что Вермеер просто выдумал эту девушку, а потом изобразил ее. Поэтому большой вопрос: существовал ли вообще сам предмет нашего культа. Книга о ней, во всяком случае, в основном, фикция, сплошные домыслы. Сам Вермеер, безусловно, тогда существовал, почти четыреста лет тому назад. Но на сегодня от них обоих осталось всего лишь изображение головы девушки. А в книге даже имя девушки приводится – Грет. Выходит, что кто-то, кого никогда не было, теперь оказался реальнее, чем тот, который существовал, но которого сейчас больше нет. Вот что невольно приходит мне на ум!

Ох, уж эти художники! Многие их них наверняка исчезают без следа во тьме забвения. Мало кто из них, забытый в свое время, позже оказался отыскан снова. Еще меньше тех, которые никогда не исчезали, ни в свое время, ни позже, те, кого и сейчас вспоминают и считают великими мастерами. Ну, а любитель может и о них сказать все, что в голову взбредет.

Но по мне средняя группа, то есть вначале забытых, а потом воскрешенных из забвения, интереснее всех. Может, те, что исчезли навеки, на самом деле еще интереснее, просто о них мы ничего не знаем. Наверняка в их числе были мастера живописи, которые попросту уничтожили свои полотна, или же, и такое бывает, не смогли продать ни одной своей картины. Об этом можно только гадать. Это касается не только живописи, но и вообще всех видов искусства – все зависит от способов оценки, что и почему красивее, и от того, кто эти оценщики. Мой тезис такой: мир еще не знает, кто лучший художник. Возможно, потому, что мир в свое время отверг его, или же наоборот – он отверг мир. Причина не имеет значения. Его картина, лучшая и красивейшая из всех существующих, может быть, еще рядом с нами, пылится где-то на чердаке или висит на виду, на стене, в доме мелкого буржуа. Она передавалась из поколения в поколение, хотя ее автор неизвестен, и висит картина скорее из уважения к предкам: разумеется, мы храним картину в память о них. И вдруг внезапно прозреваем и осознаем: вот она! Дело было лишь в глазах, до сих пор на нее смотревших, но главного не видевших. Мы поняли: здесь, у нас на стене, лучший художник мира и его лучшая картина!

Первое же возражение очевидно: лучшего художника мира еще не существует, он еще не родился, потому вся эта спекуляция и поиски в прошлом напрасны. Ведь уровень развития и способности человека растут все время, они измеряются с точностью – в секундах, километрах, битах, хотя бы в достижениях техники и спорта. И будут художники еще лучше прежних, и картины красивее самых прекрасных – это эволюция, развитие человека.

А вот какова эта эволюция, придется нам поразмышлять. Ясно, что человек меняется в соответствии с требованиями окружающей среды. Вот только бы не получилось наоборот, как бы человек не изменил окружающую среду раньше, чем себя. Для этого надо, чтобы развитие техники прошло мимо нежелательных последствий. Эволюция не идет вровень со своим временем. Сейчас, например, она запаздывает, несмотря на то, что вокруг спешка. И почему получается так, что из всех новейших историй, всех новых оскароносных фильмов и премированных бестселлеров проглядывают сюжеты античных мифов? Сказание о Ромео и Джульетте повторялось и повторяется множество раз во все новых версиях. И выходит, что нет никакой уверенности в том, что изобразительные способности человека разовьются. И кроме того, довольно много тем уже успели освоить. Трудно вообразить, что, например, в морских пейзажах синь воды может еще получить оттенки цвета изумительнее уже воспроизведенных – зеленые, серо-серебристые, охристые или даже багровые и алые. По этой причине есть резон обратиться назад, к тому предположению, что, возможно, лучший старый мастер и его произведения остались еще неопознанными или непризнанными.

Где они могут быть – бывшее до сих пор в полной неизвестности произведение и его автор? Начнем задавать вопросы, обдумывая, где бы географически мог найтись неизвестный мастер. Ответ простой: он отыщется там, где искусство когда-либо процветало. Может, было столь много выдающихся живописцев, они предлагали

столько прекрасных картин, что наш мастер именно в решающий момент подрастерялся, счел все тщетным и укрылся в своей келье-мастерской. Попробуем перенести его в «золотой век» Голландии. Звучит заманчиво, но все голландские чердаки наверняка уже много раз обшарены, и лучший живописный холст давно был бы уже найден, если бы находился там. Во Франции и Италии почти такая же ситуация, разве что, плотность населения не так высока, как в Голландии. К тому же, можно предположить, что еще не все старые помещения снесены или перестроены для нового употребления. Тем не менее, надо полагать, что в старых культурных странах, которые густо населены, прекрасная картина давно могла попасться на глаза какому-нибудь чужестранцу-любителю. И он, несомненно, должен был разглядеть, что она представляет интерес, тем более, что речь идет о лучшей в мире картине. Эта его зоркость далее заставляет предположить, что любитель, пусть и не знаток, не стал выбрасывать попавшуюся ему картину, а повесил на стену, а там уже ее заприметил еще более продвинутый ценитель искусства, заполучил, а далее – найденное творение, пройдя всю эту цепочку, наконец, попало на стену Лувра.

Ну, а может быть, поиск надо направить по иному руслу. Не туда, где было изобилие предложений живописных холстов, а туда, где менее всего можно предполагать рождение шедевра. В место, о котором все привычно думают, что там никогда никакого искусства не созидалось, а если и появлялось что-нибудь, то ничего значительного. Именно там-то и могло сокровище наше затеряться очень надолго, а тот, кто случайно его увидел, стал бы пленником своего скептицизма, так как в подобных местах, по общему представлению, ничего значительного не создавали, значит, его там и близко нет, хотя глаза его и пытались предположить другое.

Европейские альбомы по искусству из произведений мастеров мира содержат обычно лишь работы европейских художников. Таким образом, весь другой мир, по европейским меркам, это территория, где великого искусства, что общепризнано, искать не стоит. Значит, остается географически необъятная территория. Чтобы ее можно было как-то очертить, надо вначале выбрать отправную точку. А именно, осознать, что на арт-рынках до сих пор верховодят вкусы и симпатии западноевропейской культуры. Поэтому было бы справедливо сосредоточить поиски на тех областях, где она распространилась рано, принесенная завоевателями или переселенцами. Все западное побережье Северной Америки, в особенности области, населенные выходцами из Франции и Голландии, а также испаноязычные центральные и южные страны приходят на ум первыми. Но нельзя забывать и о маленьких отдаленных областях, например, Нидерландских Антильских островах, которые могут оказаться самым благодатным объектом наших поисков.

Исключить надо Юго-Восток: британцы повезли туда, в свои колонии, образцы управления, но не оказали влияния на представления об искусстве. Злые языки говорят, что им в этом плане нечего было предложить. В Африке бельгийцы интересовались совсем другим, а не распространением культуры в подвластных им странах.

Каким же в жизни чудаком-человеком был искомый нами мастер ? Возьмем первый приходящий на ум типаж. Наверняка мы знаем больше о его смерти, чем о жизни. Ясно нам лишь то, что он умер в нищете и забвении. Если взять во внимание наши географические выводы, то, вероятнее всего, в молодости он орудовал своей кистью в Европе, а затем, возможно, свернул свои дела и написанные холсты и, проскользнув в порту Роттердама, Гавра или Порто на корабль, решил попытать счастья в одной из колониальных стран. Жизнь мастера там не была легкой. Переселенцы –

народ хваткий и близкий к земле. И понятно, что когда ты горбишься день и ночь с мотыгой в руках, никакое искусство не идет на ум. Размахивающего кистью чудака принято считать маляром не от мира сего. С другой стороны, он, возможно, сошелся с аборигенами, которые наверняка заинтересовались его яркими красками, и он получил от них множество советов, как смесью трав составить еще один такой синий цвет, которого никто доныне не использовал в акварели. И, следовательно, товарным знаком нашего мастера должна быть экзотическая насыщенность цвета. Недаром гид музея Маурицхейс сказал, что портрет попал сюда именно из-за колорита:

– Обратите внимание на сочетание синего и золотого цвета тюрбана девушки, может ли быть изысканней!

Отлично, значит, и специалист того же мнения, что цвет имеет большое значение, – это поддерживает нашу теорию. Но затем он произносит такое, что начинает бередить сознание:

– Несомненно, в истории мировой живописи лучшими образцами остаются изображения этих двух женщин – Моны Лизы и девушки Яна Вермеера. С обеих написаны не имеющие сравнения бесподобные картины. Лучшие в мире, можно сказать.

Чем-то эти его слова врезались в слух: «лучшие образцы, две женщины, Мона Лиза и Грет, лучшие картины». А главное, женщины! Так может, и искомый нами мастер был женщиной? В этой галерее не встретилось пока ни одной картины женщины-художницы. Да и не вспоминается, чтобы в истории искусств была бы представлена хоть одна женщина – живописец старого времени. Но совершенно очевидно, что женщины уже тогда, столетия тому назад, тоже рисовали. У них только не было никакой возможности прославиться, этому препятствовало женское имя. А может быть, были женщины, которые писали картины под именем мужа? И в то время, как Вермеер опрокидывал джин-эйры, его жена стояла за мольбертом и рисовала девушку и ее жемчужные серьги? Согласно книге Шевалье, Грет была служанкой Вермееров. Или взять автопортреты Рембрандта, которые, несмотря на сам несимпатичный образец, все-таки чем-то красивы, будто к холстам имели отношение женские руки.

Так или иначе, ясно, что поиски лучшего мастера мировой живописи надо теперь начинать заново совсем с другой стороны...

Мишень из 1200 фазанов

– Только на охоте узнаешь настоящего мужчину. Сегодня мы застрелили 1200 фазанов.

– Что-о? На земле?

– Нет, что вы! Нет, нет, черт побери! Мужчина не стреляет в птиц на земле, всех подстрелили в воздухе, на лету.

Мы явно сделали ошибку, задав такой вопрос опытному охотнику на фазанов, думая, что фазаны уже не летают, когда их жизнь завершается. Мы даже осмелились посомневаться: не застрелили ли их на огороженных территориях. С другой стороны, мы, любители и новички, в них никогда еще не стреляли и знали только, что фазаны – упитанные птицы куриной породы и обычно проводят свою жизнь, по крайней мере, ее 99 процентов, топоча лапами по земной поверхности. А бегают эти пернатые быстро, и охотнее, чем летают. Поэтому было вполне естественно думать, что и конечная точка фазаньего жизненного пути настигает их во время переваливания по полянам, а не во время одной сотой своего жизненного полета. Но жизнь и у фазанов не зависит от выдуманной нами действительности, в особенности ее конец.

Но другого мы не могли и предположить, услышав об этой фазаньей охоте. А такое большое количество фазанов подстрелили разом не иначе, как осуществляя массовое наказание провинившихся птиц. Видимо, на пороге готовой могилы, со связанными крыльями, и за то, что они всей стаей сделали что-то непростительное, неискупимое. А именно – то, что родились для подобной охоты? Нам пришло на ум предположение, что, по мнению опытных стрелков, от животных надо отделываться независимо от того, с крыльями они или нет. Сперва заведем им крылья за спину, раз уж такие мы все ангелы.

Да мы и не могли полагать, особенно поначалу, о каком охотничьем задании шла речь, хотя узнали, что стрелков было всего с десяток.

– Ну, мне досталось немногим больше двухсот от всей добычи. Надо стараться быть скромным охотником на фазанов.

«Наверняка это было нелегко», – поддержали мы выдающегося охотника, настоящего мужчину, явно подшучивая. Но скрыли эту легкую иронию, задавая наши вопросы с совершенно серьезными физиономиями. А во время этих расспросов нам вспоминались домашние фазаны мальчишеских времен. Пухлые, откормленные, лениво передвигающиеся. Они были «священными коровами» усадьбы, как и все, что к ней относилось, не только ее живность. Это было нечто вроде смеси страха и уважения: усадьба и ее владения были как бы другой страной. Мы легко могли пострелять в усадебных фазанов из рогаток, если бы отважились, или если бы нам вдруг захотелось птичьего мяса. Но нужды убивать красивых, в цветастом оперении птиц у нас не было. Хотя нужда в хорошем жарком в нашей семье, может быть, и была. Но это нам и в голову не приходило. Даже мысли не возникало. Из рогаток подстрелили нескольких белок, так как они потрошили птичьи гнезда, как объяснил всезнающий главарь нашего тогдашнего мальчишеского охотничьего отряда. Его звали Матти Рантио, из него впоследствии получился хороший электрик и отец семейства, то есть настоящий столп финского общества. Кроме белок мы недолюбливали еще и других зверьков, которые преследовали маленьких и важничали, что, как нам объяснил Матти, несправедливо. Но я так и не заразился охотничьим азартом, не научился беспощадно отстреливать птиц и зверей, хотя я ничего против этого не имел.

На охотнике на фазанов были надеты бриджи. Неужто бриджи? Бриджи! На нем и вправду бриджи и, придя в себя от потрясения, я уже не был уверен, но думаю, что на нем были натянуты также и красные гольфы, доходившие до самых клетчатых бриджей, а затем, поверх всего, тоже клетчатая охотничья куртка. Но и у нас ведь тогда, в детстве, были бриджи! Помню нашу мальчишескую уверенность, что мы, охотники, устанавливаем справедливость в зверином царстве. Правда, носков мы не носили, но лишь только потому, что и башмаков не надевали.

Я, конечно, помню и Антти. Еще юноша, он тогда был отчаянным охотником. Отчего-то казалось вполне нормальным, что он частенько добывал заячье жаркое для своего стола, и беличьи шкурки, чтоб немного заработать! Работал он на ферме, где разводили лисиц и норок, в чем, по нашему мальчишечьему разумению, не было ничего предосудительного. Наоборот, когда у него, случалось, убегала из клетки лисица, мы тоже участвовали в ее поимке, с криками загоняя ее в капканы, замаскированные хворостом по углам загородок фермы. Отношения Антти и животных казались нам вполне естественными, хотя для последних, надо прямо сказать, были несколько мучительными. Но Антти надо было жить, и вполне понятно, что он кормился от своих зверей.

Но этот, в бриджах, и его 200 фазанов! Как-то стыдно было слушать его рас-

сказ именно сейчас, после того, как всего мгновение назад мы вполне разумно, находя общий язык, вели с ним разговоры об экономике и мировой политике. И вот вдруг с этим загоном и убийством фазанов мы переместились в такое измерение, где я совсем не врубаюсь, что это? Я совершенно не понимаю, с чего бы эти неутомимые загонщики взяли такой разгон. Падают сейчас не только тысячи фазанов с небес, но еще и в большом количестве подстреленные морянки – маленькие птички на Аландских островах. Убийство лосей стало совсем будничным делом, ну, а медведь – так это просто король отстрела. Количество и величина, размер подстреленных кажется доказательством охотничьих достоинств. Но почему-то у меня в связи с этим возникает совсем другое чувство, чем было, когда мы узнавали о результатах стрельбы Антти, хотя и Антти в ту пору с удовольствием рассказывал о своих трофеях.

Что же это, в самом деле? Очень хочется понять. А если тут та же самая безотчетная страсть, что и в наших забавах, когда мы набираем скорость и захватываем города, гоняя на роликах? Ведь это кому-то тоже может показаться странным. И в этом мы добиваемся победы над чем-то или над кем-то. Наверное, над собой и над теми, кто катается рядом, или, в лучшем случае, над велосипедистами, которых хотелось догнать и перегнать. Да, можно, конечно, побеждать животных, зверей и птиц, но зачем же в таком случае выбирать в качестве жертвы полубеспомощных фазанов? Если бы Антти в свое время делал нечто подобное, то мы, ярые защитники маленьких зверьков и птичек, наверняка бы обратили наши рогатки против него самого. Наверняка многие охотятся, как Антти, чтобы добыть знатное жаркое. Охотники за дичью рассказывают, что они специально содержат и выращивают ее, что дает затем право поохотиться. И объясняют, что свободно растущее среди природы животное получает до начала охотничьего сезона полнокровную жизнь.

Другое дело – промышленное производство животных. Тут не может не возникнуть интересный вопрос, хотя бы касающийся этих тысяч фазанов. Возьмем их как крайний пример. Фазанята выводятся из яиц, за ними ухаживают и выращивают для охотничьей забавы. Если бы никто не хотел на них охотится, их вообще бы не было, не разводили бы. Итак, выигрывает ли фазан оттого, что ему дают возможность родиться, полетать одну сотую часть жизни, а остальное время потаскаться, вихляя длинным хвостом, по земным дорогам и весям? И кричать «квох-квох», а иногда, может быть, даже успеть продолжить свой род? Хотя жизнь потом все равно кончается раньше времени, от выстрела. Да, но им все-таки удается хоть немного порадоваться этой жизни. Выбор невелик – можно вообще не родится. Но состояние небытия оценить трудно, тем более сравнить хотя бы и с недолгой фазаньей жизнью. Была бы ли для фазана лучшей такая участь? А что, если примириться с тем, что убитый фазан возвращается в то же состояние, где он пребывал до явления в мир. То бишь, в состояние небытия, однако при этом богаче на один опыт короткой птичьей жизни.

И без Гамлета рассуждение заканчивается гамлетовским вопросом: «Быть ли одно мгновение или не быть совсем?»

– А ты охотишься, Саули? Умеешь стрелять?

Я пробуждаюсь от своих рассуждений и отвечаю совсем невпопад:

– На учебных стрельбах в армии я выбивал почти одни десятки. Но с тех пор много воды утекло.

Зависает тишина, мы оба молчим, а затем продолжаем разговор об экономике и политике.

АЛЕКСАНДР ГЛАДКОВ

(Россия)

Город

Над городом повисли облака,
И тянется дымок трубы фабричной.
Я в городе – как в неводах река,
Как вор на рынке,
пойманный с поличным.
О, город, что ты сделал?
Ты зачем
Опутал сетью долга и соблазнов,
Лишил меня моих стихов, поэм,
Спокойных слов и образов прекрасных?
Ты мрачный властелин, жестокий царь
Над помыслами, чувствами, делами.
Но дань мы платим нынче, как и встарь,
Усталой кровью, скорбными сердцами.
Я пленник твой, я слабый человек.
Я проклят лесом, полем, половодьем.
На мне клеймо забытых мною рек,
Любимых мною в отпускном бесплодии.
Ты, город, прав,
поскольку ты силен.
Но ты ущербен в гордой этой правде.
Я вижу – на балконе вырос клен...
А ты – пятно на скверной школьной карте.

В ноябре

Паршивая погода
Стояла на дворе,
Паршивая погода
В паршивом ноябре.

На улице паршивой
Паршивый лаял пес,
И человек плешивый
Тоскливо водку нес.

И перхали машины
В грязи и в маете.
И транспарант фальшивый
Метался на шесте.

Паршивая погода,
Плешивый человек,
Убитая природа,
Несовершенный век.

Болгарские мотивы

1

Над заливом повис парашют,
Словно ангел спустился с небес...
Или это скучающий бес
Создает нам лукавый уют

Из томления бронзовых тел,
Разномастных наречий и лиц,
Вдалеке от привычных границ,
Суеты и докучливых дел?..

Праздник лени, триумф естества.
Бьет о берег шальная волна,
И насмешливо смотрит луна
На нетрезвые торжества.

Это море и этот прибой,
Как прогулка за грань,
в райский сад.
Или ждет притаившийся ад
Компенсаций за лень и покой?

Самолет в небе высветит след,
Унося в хладном чреве своем
В мир забот, обязательств и бед
Лепет роз, плеск волны за кормой.

2

Над заливом парит парашют
Как привет от грядущей судьбы.
Наш домашний, привычный уют –
Воплощение тихой борьбы

За ленивую, сладкую жизнь.
Дольче вита с бокалом вина...
Эй, злодейка-судьба, отвяжись!
В мире властвует тишина.

Ни к чему здесь вселенская грусть,
Суете городской грош цена.
В голубую купель окунусь,
Приласкает шальная волна.

Чайки мечутся. Солнца котёл
Изливает потоки тепла.
Души лечатся. И неспеша
Жизнь течет,
безмятежно светла.

Святой Влас, июль 2017 г.

Быть иль не быть

Быть иль не быть?..
Вопрос весьма занятный.
Жить – или слыть?
Вписаться аккуратно
В чреду событий, дел.
Кто смел, тот и успел
Удачно отхватить краюшку жития.
(В метафизическом,
конечно, выраженьи).
Цель не ясна,
но мир всегда в движеньи.
Колотит нас о стенки бытия.
Послушай-ка,
остановись, мгновенье.
Позволь осмыслить бешеный процесс.
Хочу понять невнятный код творенья,
Увидеть истинный прогресс.
Ответа нет. И только в полусне
Усмешка Гамлета мелькнула в тишине.

Полковнику никто не пишет

Полковнику никто не пишет.
И не дождаться спелых вишен,
И не надеяться на чудо,
Привычней «*было*» вместо «*буду*».

А где-то в прошлом, в лейтенантах –
Избыток силы и таланта,
Вишнёвы щеки дев румяных,
Лукавый взгляд и запах пряный...

Бурлила жизнь – родник желаний,
Страстей и клятв, и заклинаний,
Мечта, любовь, игра, забава,
А не тоскливая отрава

Угрюмых, беспокойных мыслей,
Что в ночь приходят словно рыси.
Когтистой лапой теребят,
Зрачками желтыми сверлят.

Полковнику никто не пишет.
Он был герой, теперь он бывший...
Проходит мимо почтальон.
В обед – текила и бульон.

Мечта о скрипке

Я хотел бы стать скрипачом,
Чтобы скрипка звенела: слушай!
И своим беспокойным смычком
Молодые пронзала души.
Я хотел бы музыкой плыть
По волнам беспричинной боли,
Я хотел бы по-бабьи завыть
О людской бестолковой доле.
Я хотел бы разоблачить
В беспричинности первопричину.
Я хотел бы,
момент улучив,
Раскрутиться кольцами дыма.

Молитва

Скучно. Огнем Валтасара горит на стене
Неизбывное слово «скука».
Скучно. И чувства дрожат в полусне,
Словно побитая сука.
Имеется в виду собака, вовсе не дама.
Мама,
Роди меня обратно.
Неприятно.
Можно по-светски наплевать свысока.
Подумаешь, штука.
Можно зашвырнуть эту сволочь
за облака.
Сверху обрушится та же скука.
Можно повеситься. Это идея.
Висишь, не думаешь, –
суровый болванчик.
Можно надраться до отупения.
Был пай-мальчик,
стал как хрустальный стаканчик.
О-сто-чер-тело.
Славно рифмуется – тело.
Тоже было, держали в объятиях.
Надержались до невосприятия.
Все было.
Судью – на мыло.
Судьбу – на мыло.
Постыло.
Только где-то над Москвой
Самолетик вьется.
Он сольется с синевой
Или разобьется...
Господи! Научи,
Как не думать, не слышать,
Как выжить.

Дождь

Дождь идет по траве,
По дрожащей листве,
Как стежок по канве,
По Москве, по Москве.
Словно кто-то большой
Разрыдался навзрыд,
Обнаженной душой
Зацепился за быт.
Или кто-то забыт,
Потерялся, убит,
Или кто-то о милых ушедших скорбит.
Я лицо подниму.
Ты поплачь – я пойму.
Пусть смешаются слезы мои и твои.
Мы сильны,
Мы найдем утешенье в любви.
Ты меня задержал.
Пустяки, я прощу.
Ничего не поняв, пешеходы бегут.
Я стою под дождем –
По щекам, по плащу
То ли струйки воды, то ли слезы текут.

Утренний этюд

Гудят стихи — каприз стихии,
Как по наброску мастихином.
Удар, другой — и вот картина.
Что в ней?

Полночный шепот уст влюбленных,
Признаний отзвук потаенных,
Слеза обиды не прощенной,
Игра теней.

Печальный взгляд перед разлукой:
– Вернусь, и честь моя порукой...
Ах, Боже мой, какая скука
Прощальных дней!..

Тревожна ночь, не отступает.
Душа впотьмах как льдинка тает.
Но солнце розой расцветает,
Жизнь – вместе с ней.

РАШИД НАГИЕВ

(Израиль)

Родился в Баку в 1954 году. Окончил операторский факультет ВГИКа. Работал в кино и на телевидении. Член Союза кинематографистов СССР. Лауреат Государственной премии Азербайджанской республики. В Израиле с 1993 года. Работал оператором на различных каналах израильского телевидения. Опубликовал четыре книги рассказов и новелл. Член Союза писателей Израиля. Живет в городе Ашдод.

Остров неоплаченных долгов

1

Внезапно начавшаяся гроза разбудила Марка Этингера. Он лежал на просторной кровати в номере люкс мотеля «Ариранг» и смотрел в большое квадратное окно. Это был ещё крепкий мужчина шестидесяти лет, среднего роста, обычного телосложения, с застывшей на лице печалью. Миндалевидный разрез глаз, нос с горбинкой и седые курчавые волосы выдавали его еврейское происхождение.

Цветные плотные шторы были полностью раздвинуты, и мужчина хорошо видел серые тучи различных оттенков. Они медленно двигались, меняя свои очертания, а яркие молнии разрезали их по всем направлениям. Марк не был полностью уверен в точности своих наблюдений и в правильности выводов, но с некоторых пор он стал замечать, что грозы преследуют его. Они с большой вероятностью возникали там, куда Марк приходил или приезжал. Какого-либо разумного объяснения происходящему у него не было. Марк подошёл к окну, чтобы полюбоваться полноводным ливнем над зелёными холмами острова Чиндо, над бирюзовой лагуной с её опустевшим пляжем, над двухэтажным мотелем «Ариранг», где они остановились. Хотя Марк Этингер находился здесь, на южной оконечности Корейского полуострова, совсем не для того, чтобы любоваться здешней природой. Он был владельцем двенадцатого канала израильского телевидения и прибыл сюда вместе с большой группой своих сотрудников, чтобы заснять для еженедельной передачи «Неизвестная планета» сюжет о фантастическом явлении, происходящем между материковой частью суши и островами Чиндо и Модо. Ежегодно тысячи туристов со всего мира приезжали на эти острова в Восточно-Китайском море, чтобы самим увидеть это чудесное событие. Местные жители, а также специалисты-астрономы утверждали, что всё должно произойти со дня на день, потому что Земля, Солнце и Луна на своих орбитах уже выстроились в одну линию, многократно увеличив силу взаимного притяжения. Но вот уже пятый день телевизионщики почти круглосуточно наблюдали за этим живописным участком Восточно-Китайского моря, но ничего не происходило. Поэтому Марк Этингер, будучи руководителем группы, созвал техническое совещание, чтобы определиться с дальнейшими действиями.Телевизионщики должны были собраться к одиннадцати часам в фойе гостиницы. А пока, стоя у окна, Марк наблюдал за грозой. Он неожиданно вспомнил такой же дождливый день в одном из посёлков недалеко от Баку.

2

Та гроза сорокалетней давности оставила глубокий шрам в его памяти и загадочный след на киноплёнке, чему так и не нашлось логического объяснения. Сорок лет назад, будучи студентом Института кинематографии, Марк вместе со студентом с параллельного режиссёрского факультета снимал очередную курсовую работу. Согласно сюжету, съёмки проходили в небольшом посёлке недалеко от Баку. В середине рабочего дня внезапно началась гроза с ливнем. Решили объявить перерыв в работе, а заодно и перекусить, пока не прошёл дождь. Администратор съездил на ближайший рынок и привёз для всех сочные кутабы с мясом и зеленью, а также разнообразные салаты из овощей и воду. Актёры, техники, осветители, гримёры и костюмеры пообедали прямо в студийном автобусе, где имелся раздвижной столик для полевых условий. Марк с юности был человеком аккуратным и ответственным и потому не мог оставить мусор в автобусе, на котором перевозил съёмочную технику. Он нашёл большой бумажный пакет и собрал в него остатки еды, бутылки, салфетки и одноразовые тарелки со стаканами. Но, выйдя из автобуса, Марк не увидел поблизости ни одного мусорного бака. На улице крутилось несколько молодых зевак, с интересом наблюдавших за съёмкой кино. Марк пошёл по дороге в сторону заброшенной мечети, надеясь найти там место для мусора. Мечеть была небольшой, с серебристым покосившимся куполом и с одним минаретом, а несущие стены – в нескольких местах серьёзно повреждены. Марк обошёл мечеть с обратной стороны и через пролом в стене шагнул в полумрак внутреннего зала. Сквозь глубокую трещину в куполе в мечеть проникал тусклый свет, пахло сыростью и запустением. Штукатурка на стенах почти полностью осыпалась и почернела, лишь кое-где проглядывали островки былого цветного орнамента. Весь пол был в кучах мусора, и несколько бездомных кошек искали в самой большой куче что-то съедобное. Недолго думая, Марк бросил свой мусор в эту зловонную кучу и вышел из мечети.

Вскоре ливень закончился. Студенты смогли продолжить съёмки курсового фильма, но на других объектах. К вечеру всё было снято. А через неделю пришло время возвращаться в Москву, в родной институт. Марк без промедления сдал снятую киноплёнку в лабораторию на проявку и печать позитива.

Уже через два дня оба студента сидели за монтажным столом перед экраном и внимательно просматривали снятый материал. И тут Марк понял, что впервые в жизни столкнулся с необъяснимым явлением – всё, что было снято на объектах, никак не связанных с посёлком и с разрушенной мечетью, получилось очень хорошо. А там, где эта мечеть оказывалась в кадре, либо действие происходило на её фоне, по всему изображению на плёнке словно прошлись электрические разряды молний. Показывать такое кому-либо было невозможно. Отдел технического контроля написал акт о заводском браке киноплёнки в количестве двухсот сорока метров. Имея на руках такой документ, студенты получали возможность переснять бракованный материал. Но Марк впервые подумал о том, что дело совсем не в киноплёнке, а в нём самом и в его поведении там, в мечети. Поэтому теперь некие силы вершат справедливое возмездие. Именно тогда впервые в его сознании пошатнулась непоколебимая ранее материалистическая модель мира. Марк даже хотел поговорить о своих сомнениях с преподавателем по научному атеизму, но потом правильно рассудил, что убеждённый коммунист не поймёт его и ничем не поможет. А вот на экзаменах вполне даже сможет понизить ему оценку за сомнения в таком важном вопросе, как борьба материализма с идеализмом.

Бедный студент не мог позволить себе остаться без стипендии из-за этой непонятной борьбы. К тому же молодость казалась бесконечной, и идти на костёр ради сомнительных истин ему совсем не хотелось. Парень решил ни с кем не откровенничать на эту тему. Впереди была вся жизнь, пусть даже в стране победившего атеизма.

3

Гроза за окном внезапно прекратилась, как и поток его воспоминаний. Мужчина отошёл от окна и начал одеваться – джинсы, белые кроссовки, полосатая футболка с какой-то надписью на английском. Потом он вышел из своего номера и по лестнице спустился на первый этаж в вестибюль гостиницы. Всего несколько туристов стояли возле регистрационной стойки и беседовали с двумя кореянками. По всему вестибюлю были расставлены низкие столики, кресла и стулья. На столах – высокие вазочки с декоративными корейскими растениями. Сквозь большое окно виднелось бирюзовое море. Телевизионная съёмочная группа, состоящая из пяти человек, в ожидании босса устроилась в дальнем укромном углу на двух диванах, между которыми стоял журнальный столик. Марк подошёл к своим ребятам, поздоровался, потом придвинул свободный стул к журнальному столику и устроился поудобнее.

– Ситуация складывается не лучшим образом, – начал свою речь Марк, – мы находимся здесь уже пятый день, но никакого обещанного чуда не происходит. Возможно, всё это лишь приманка для туристов. В любом случае через два дня мы должны вернуться в Израиль, но не с пустыми руками. Ставлю задачу – за эти два дня надо снять подробный репортаж об острове Чиндо и его жителях. Их здесь, кстати, тридцать пять тысяч человек. Далее мне нужны красивые морские пейзажи, ухоженные пляжи и великолепные парки для семейного отдыха. Хорошо бы показать оригинальный современный мост, соединивший остров с материком.

– По моим сведениям, – вмешался в разговор режиссёр Кирилл Силаев, – на соседнем острове Модо имеется смотровая площадка, с которой можно быстро снять всю красоту здешних мест.

– Замечательно, – ответил Марк, – и вот ещё что: надо рассказать нашим зрителям о знаменитой охотничьей породе собак, которая так и называется, Чиндо, и обитает только на этом острове. А в финале репортажа по традиции желательно приготовить какое-нибудь популярное национальное блюдо.

– Из этой самой собаки, – шутливо произнёс режиссёр.

– Слишком чёрный юмор. Не ожидала от тебя, – возмутилась Мария Пагудина, одновременно и редактор, и ведущая программы путешествий.

– Мы же в Корее, – оправдывался Кирилл.

– У меня технический вопрос, – поменял направление разговора оператор Виталий Рабинович. – Пока мы будем всё это снимать и разъезжать по объектам, вдруг что-то начнётся на море, а нас не будет рядом.

– На этот случай, – ответил босс, – ты оставишь мне наш квадрокоптер. Если на море что-то произойдёт, я, по старой памяти, подниму его в небо и всё сниму сверху. Будет даже интереснее с высоты птичьего полёта. Если вопросов больше нет, то можете ехать, а я прослежу за морем отсюда.

Телевизионщики поднялись и вышли из гостиницы на автостоянку к своему микроавтобусу. Марк проводил их взглядом, потом поднялся на второй этаж и вышел на широкую веранду, с которой открывалась живописная панорама на зеркальную

гладь моря, раскинувшуюся между материковым пляжем и двумя зеленеющими островами. На пляже острова Чиндо тоже было много туристов, и стайки чаек спокойно отдыхали на воде в этот тёплый безветренный день. Марка удивило, что на веранде в огромных вазонах с землёй росли настоящие деревья. Их густая листва накрывала естественной тенью почти всю площадь веранды. Находиться в этой тени было приятнее, чем рядом с кондиционером. Марк с удовольствием сел за столик и машинально открыл меню, лежащее перед ним. Сразу же подошла официантка. Марк на ломаном английском заказал себе большую чашку кофе с молоком и пирожное. Только теперь Марк заметил, что в дальнем углу веранды рядом с перилами сидит женщина, повернувшись лицом к морю.

Женщина была в белом платье с голубым поясом, выгодно подчёркивающим талию, и в белой широкополой шляпе, прикрывавшей половину её лица. Массивные солнцезащитные очки тоже мешали разглядеть её. Марк много лет не видел эту женщину, но узнал бы её всегда и везде.

4

Это была Валерия, его первая любовь. Круглые щёчки, пухлые губы, короткая стрижка и хитрые прищуренные глаза придавали её лицу откровенно детское выражение. А фигура – как всегда идеальна, даже сейчас, спустя сорок лет. Возможно, за эти годы она немного поправилась, но из-за этой лёгкой полноты Валерия выглядела ещё привлекательнее. Марк даже подумал, что многие женщины сэкономили бы на косметологах, диетологах и хирургах, если бы кто-нибудь смог донести до прекрасных дам, что большинство мужчин предпочитает полненьких и вкусненьких, а не костлявых и кислых.

Словно почувствовав на себе чей-то взгляд, Валерия повернулась и увидела Марка. К нему подошла официантка и аккуратно разложила на столе его заказ. Мужчина никак не отреагировал на девушку, продолжая смотреть на Валерию. И на этой веранде только для двоих остановилось время, а затем покатилось вспять.

Они полюбили друг друга ещё в школе, в девятом классе. На выпускном вечере влюбленные до утра гуляли по бакинскому бульвару, держа друг друга за руки. Но жизнь не похожа на прямой и широкий бульвар – пришло время расстаться. Она поступила в Ленинградский институт, а он – в Московский. Однако на свете есть каникулы и друзья. Когда у молодых совпадали даты возвращения в Баку, друзья помогали влюблённым уединиться на несколько дней. Родители с обеих сторон не препятствовали их встречам, логично полагая, что дети после института поженятся. Однажды во время зимних каникул они провели вместе три дня в освободившейся квартире родственников. Это был их последний вечер. Утром он должен был ехать в аэропорт, чтобы вернуться в Москву. Марк так любил идеальное тело девушки, что решился попросить её сняться обнажённой. Ему хотелось навечно зафиксировать эту красоту. Валерия, преодолев застенчивость, согласилась.

Марк начал фотографировать её в лёгком распахнутом халатике на голое тело. Потом он попросил её подняться на табуретку в центре комнаты.

– Ты хочешь, чтобы я ещё и стишок прочла с табуретки? – улыбнулась Валерия.

– Нет, – ответил Марк, – я хочу, чтобы ты чуть приоткрыла халат до середины груди.

Валерия старалась точно выполнять указания фотографа. Вскоре халатик окончательно упал к её ногам, и уже ничто не мешало восхищаться её формами.

Марк часто менял освещение, ракурс, крупность плана и фон, осыпая при этом любимую искренними комплиментами.

Валерия быстро освоилась с ролью фотомодели и, сойдя с табуретки, сама предложила несколько смелых эротических композиций. Это окончательно возбудило Марка, и он, отложив в сторону камеру, подошёл к девушке, обнял её обеими руками за талию и жадно поцеловал в губы.

Потом они стояли, обнявшись, посреди комнаты, и Валерия вдруг сказала тоном заботливой мамы:

– Ты увлёкся съёмками. Отдохни немного. Знаешь, после Москвы ты мне кажешься каким-то уставшим и похудевшим.

– Видимо, после солнечного Баку в пасмурной Москве мне не хватает витамина «Д», – пошутил парень.

– Как ты думаешь, – спросила Валерия, – женщина – это какой витамин?

– Наверно, «Л».

– А мужчина в таком случае?

– «Е», – предположил Марк, и ему самому стало смешно.

– Ты неисправимый маньяк, – улыбнулась девушка и повела его в соседнюю комнату. Но прежде чем нырнуть под одеяло и обменяться витаминами, влюблённые зашли в душевую. Валерия достала из шкафчика большую губчатую мочалку и обильно намылила ею своего мужчину, как маленького мальчика. Марк стоял посреди душевой комнаты с закрытыми от удовольствия глазами и лишь иногда мурлыкал. Он думал о том, что это и есть счастье.

Они проснулись в восемь утра почти одновременно.

– Во сколько у тебя такси? – спросила Валерия.

– В десять, – ответил Марк.

– Я приготовлю завтрак, а ты можешь ещё поваляться. У тебя сегодня длинный день. Девушка хотела встать с кровати, но Марк взял её за руку:

– Погоди, родная. Я хочу предупредить тебя заранее. На летние каникулы я не смогу приехать в Баку. Наш курс на всё лето отправляют на преддипломную практику. Мы с Володей будем практиковаться на «Ленфильме», а жить в гостинице при студии. Я надеюсь, ты сможешь навещать меня?

– Конечно, дорогой, я приеду к тебе в гости. Потом погуляем по Ленинграду, я покажу тебе наш город, – пообещала Валерия, – вот только остаться с тобой на всё лето не смогу – я обещала маме обязательно приехать домой.

– Понимаю, – ответил Марк.

5

Большая группа туристов с маленькими детьми заглянула на веранду. Они говорили на незнакомом языке и постоянно смеялись. А воспоминания не приходят туда, где шумно.

Поэтому реальность вернула его на веранду, за столик с чашкой кофе. Валерия тоже узнала Марка и теперь неотрывно смотрела в его сторону. Когда-то он не хотел о ней даже слышать, но, видимо, пришло время вынуть из сердца эту колючку.

Марк решительно поднялся и пошёл к её столику. Не спрашивая разрешения, он сел рядом на свободный стул.

– Здравствуй, Валерия, – сказал Марк. – Теперь я верю, что мир тесен. Каким же ветром тебя занесло на этот остров?

– В Сеуле проходит международный симпозиум по психологии. А его участников привезли вчера вечером сюда на экскурсию. Говорят, что на море должно произойти что-то невероятное.

– Какая удача встретить здесь не просто знакомую женщину, а ещё и психолога, – шутливо сказал Марк. – Может, теперь поможешь мне разобраться, почему у нас ничего не получилось, и жизнь пошла под откос?

– Но ты не производишь впечатления пострадавшего человека, – ответила Валерия. – В наших новостях писали, что ты даже стал владельцем телевизионного канала.

– Это правда, – ответил Марк. – Человечество в борьбе со скукой придумало себе много разных игрушек. Но, как и миллион лет назад, человеку нужен только человек. А я в свои шестьдесят всё так же одинок, как и в тот день сорок лет назад, когда прочитал твою предательскую записку.

Видимо, упрёк попал в цель, потому что в глазах женщины заблестели слезинки, и она ответила:

– Жаль, что ты так поздно решил разобраться с этим, когда прошла уже целая жизнь. Пойми, я тоже не родилась сразу профессором и доктором наук. Когда-то я была молодой студенткой и совершила глупость. Ты к моей глупости добавил свою, и это недоразумение так раздулось, что мы с ним уже не справились.

Веранда продолжала заполняться отдыхающими. Здесь стало очень шумно и суетливо. Марк понял, что невозможно продолжать серьёзный разговор в таких условиях, и предложил Валерии спуститься к скалистому берегу, туда, где не было многолюдного пляжа, и только несколько местных рыбаков возились со своими лодками. Женщина сняла босоножки на тонком каблуке и с удовольствием пошла по тёплому песку босиком. А бирюзовая гладь воды манила своей чистотой и спокойствием. Они молча шли по берегу, не нарушая разговорами естественную тишину.

Марк вспомнил тот роковой день, когда вместе со своим другом и однокурсником Володей Климовым он поселился в номере гостиницы при киностудии «Ленфильм». Так начиналась их преддипломная практика и его личная драма. К двум часам дня, как и было обещано, к ним в гости зашла Валерия. Марк познакомил свою девушку с другом, потом они все вместе приготовили лёгкий ужин. Кто-то открыл бутылку сухого вина и поставил на стол. К семи часам вечера Володя объяснил, что ему необходимо встретиться в городе с армейским товарищем. Он быстро переоделся и перед уходом сказал:

– Я переночую у родственников. Отдыхайте спокойно.

Было понятно, что деликатный друг не хотел мешать влюблённым. А вино заметно развеселило Валерию. Улыбаясь, она подошла к Марку, обняла его и сказала с закрытыми глазами:

– Сегодня ночью я заберу у тебя весь твой витамин «Е». Ты готов?

– Как пионер, – ответил студент…

…Марк проснулся в девять утра и понял, что в комнате, кроме него самого, никого нет. Ему уже не надо было ходить на лекции, а у Валерии начались экзамены, и поэтому ранним утром она ушла в институт. Марк неспеша умылся, оделся и спустился на первый этаж, чтобы позавтракать в какой-нибудь ближайшей кафешке. В фойе гостиницы на видном месте стоял прямоугольный стол, на котором все проживающие оставляли записки, письма, телеграммы, поздравления и сообщения. Марк вдруг увидел своё имя на вчетверо сложенном листке бумаги. Кто-то написал и ему. Марк достал эту записку из общей кучи корреспонденций и прочитал:

Милый мальчик! Я не хочу тебя обманывать, поэтому признаюсь сразу – мне очень понравился твой друг Владимир: высокий, культурный, умный и деликатный. Думаю, это именно мой мужчина. Я постараюсь с ним встретиться. Не обижайся, а пожелай мне удачи. Валерия.

Не веря своим глазам, Марк три раза перечитал записку и с каждым разом всё сильнее закипал от злости. Особенно его возмутило словосочетание «милый мальчик». И всё это после великолепной ночи любви! Такое коварство девушки никак не укладывалось в его любящем и доверчивом сердце. Однако вызов судьбы требовал ответа. Недолго думая, Марк поднялся к себе в номер, быстро собрал вещи и заказал такси до вокзала. Потом он купил билет на ближайший поезд до Москвы и к вечеру уже стоял в родном деканате с просьбой о переводе на любую другую студию. Марк был отличником, и в деканате пошли ему навстречу. А девушку по имени Валерия и парня по имени Владимир он навсегда вычеркнул из своей жизни и даже не попытался разобраться в случившемся. Теперь, спустя сорок лет, он шёл с этой женщиной по берегу Восточно-Китайского моря, не понимая, зачем и куда. Вероятно, это была всего лишь мимолётная и бессмысленная встреча с молодостью.

6

Большая надувная лодка с прикреплёнными белыми вёслами лежала на песке у самой кромки суши. Поблизости не было ни одного человека, лишь бирюзовая гладь сливалась на горизонте с белыми облаками. Валерия босиком забралась в лодку и уселась на деревянную скамью рядом с кормой.

– Давай немного отдохнём и будем уже возвращаться в гостиницу, – сказала женщина.

Но мужчину, видимо, потянуло на приключения – он обеими руками толкнул лодку в море, и она, легко заскользив по песку, вошла в воду.

– Ты с ума сошёл. Это же чужая лодка, – удивилась Валерия.

– Не беспокойся, – ответил Марк, – пять минут покатаемся и вернёмся.

Он тоже запрыгнул в лодку и сел на центральную скамью, поближе к вёслам.

– А если придёт хозяин? – не унималась женщина.

– Я куплю у него эту лодку, – уверенно ответил Марк.

– Ах, да, я забыла. Ты же теперь у нас акула капитализма. Интересно, ты – жестокий эксплуататор или всё же с человеческим лицом?

– Скажем так, акула с человеческим лицом, – отшутился Марк, продолжая неторопливо грести вёслами. Лодка медленно отходила от берега. А солнце стояло ещё высоко, разбрасывая по морю свои обжигающие лучи. Но белая шляпа и тёмные очки как нельзя лучше оберегали женщину от коварных лучей. Марк решил передохнуть и отпустил вёсла. Лодка остановилась в ста метрах от берега – плыть дальше не было смысла. Марк посмотрел на Валерию и подумал:

«А ведь прошло уже двадцать пять лет, как он в Израиле. Давно выучил древний язык предков и работал на телевидении. Купил квартиру, машину, загородный домик у моря, недавно стал владельцем успешного канала. Любимые дочки давно выросли, получили высшее образование и удачно вышли замуж. Однако у айсберга всегда есть подводная часть…»

Валерия будто читала его мысли и спросила:

– И всё-таки, колись, как же тебе удалось разбогатеть? Может, по старой дружбе поделишься секретом успеха?

– Я просто расскажу тебе одну историю, – ответил Марк, – и ты всё поймёшь. Однажды на студии мы снимали концерт восточной музыки пятью мультикамерами. За одной из камер стоял я. Вдруг в моих наушниках раздался недовольный голос режиссёра программы, он сказал буквально следующее:

– Послушай, Марк, ты что, вчера много выпил, или в Израиле началось землетрясение?

– А в чём дело? – удивился я.

– Посмотри на свой монитор, – сердито ответил режиссёр.

Я посмотрел и всё понял – моя правая рука, удерживающая ручку штатива, бесконтрольно затряслась. И тряска передалась камере. А это – недопустимый брак в прямом эфире. Я немедленно перехватил штатив здоровой рукой и, благодаря огромному опыту, завершил съёмку без всяких замечаний. Но как профессионал я понимал, что так продолжаться не может. У нас часто происходят съёмки, где обе руки просто необходимы. Поэтому утром следующего дня я уже был на приёме у врача-невропатолога. Доктор провёл все необходимые тесты. А меня интересовал лишь один вопрос: когда правая рука вернётся в нормальное состояние? Доктор ответил коротко и честно: «Никогда». Медицина ещё не выяснила причину этой напасти, её скрытый механизм. Поэтому нет и противоядия. Я понял – это тот самый случай, когда горько шутят: «Финиш подкрался незаметно». Значит, лучше уйти раньше, не дожидаясь чьих-то замечаний, насмешек или жалости.

На следующий день я не пошёл на работу, а пошёл в магазин за главным утешителем всех времён и народов – за бутылкой водки. Полдня я пил, вкусно закусывал и не отвечал на телефонные звонки, хотя знал, что согласно графику работ у меня сегодня съёмка актуальной программы во втором павильоне. Наконец раздался очередной звонок, но какой-то громкий и сердитый, словно в моём аппарате кто-то поменял мелодию входящего вызова. Что-то подсказывало мне – этот звонок нельзя игнорировать, и я ответил, с трудом выдавив из себя короткое: «Я слушаю». Приятный женский голос на другом конце линии поздоровался со мной и, строго по-деловому сообщил, что Лев Ефремович будет ждать меня сегодня в офисе в пять часов вечера. Опаздывать категорически нельзя.

Я сразу начал приводить себя в порядок, ведь не каждый день бриллиантовый миллионер приглашает на встречу. А Лев Этингер – настоящий миллионер и по совместительству мой родной дядя. Кроме меня, из родных людей на этой земле у него лишь жена Рахель. Излишне говорить, что эта бездетная пара меня опекает и относится ко мне как к родному сыну. Офис дяди Лёвы находится в одном из небоскрёбов Тель-Авивской бриллиантовой биржи, на сорок первом этаже. Почему именно на этом этаже? Потому что «Сорок первый» – его любимый фильм, несмотря на ненависть к большевикам. Что касается внешности, то дядя всегда элегантен: в дорогом чёрном костюме, в белоснежной сорочке без галстука и в чёрной шляпе с широкими полями. Шляпой ему удобнее всего прикрывать свою гладкую лысину, поэтому он её почти не снимает. Борода белая, длинная, но некрасивая, потому что реденькая. Волосы на ней растут отдельными островками. Но самое замечательное в его внешности – глаза. Если существует на свете взгляд мудреца, от которого ничего не утаить, то это оно.

Когда-то в молодости дядя купил свои первые бриллианты, потом удачно их продал. С этой успешной сделки и началась его бриллиантовая империя. Теперь его часто просят открыть секрет финансового успеха. Дядя с удовольствием объясняет,

что у него нет никаких секретов: главное – не скупиться и помогать людям; дайте человеку двадцать шекелей, и вам вернётся сорок, дайте человеку пятьдесят шекелей, и вам вернётся сто. Хотя мой жизненный опыт говорит об обратном: чем больше отдаёшь, тем больше от тебя хотят получить. Возвращать какую-либо сумму никто не торопится. Но дядя, видимо, имеет дело с другими людьми и с другими фирмами, а вероятнее всего, в каждом деле нужен свой талант и свои способности. Стал же он реальным миллионером в тех же условиях. Просто мой дядя – Эйнштейн в бизнесе, а этому нельзя научить. Хотя в молодости он не думал о миллионах, он хотел быть военным моряком.

После окончания бакинского Высшего военно-морского училища его отправили на Дальний Восток для дальнейшего прохождения службы в звании мичмана. После короткого курса переподготовки мичман Лев Этингер оказался в экипаже атомной подводной лодки. В одном из походов на борту лодки возник пожар с угрозой затопления. И только умелые и решительные действия мичмана Этингера спасли жизнь тридцати пяти морякам и сохранили лодку на плаву. За этот подвиг Лев Этингер был награждён орденом Красной Звезды. Хотя все понимали, что будь мичман любой другой национальности, он, несомненно, получил бы Звезду Героя Советского Союза. Утечка радиации во время пожара подкосила здоровье офицера. Он демобилизовался из флота и вернулся в родной Баку. Вскоре выяснилось, что радиация сделала его бесплодным. В семидесятые годы всеми правдами и неправдами Лев репатриировался в Израиль. Но и здесь, уже став успешным бизнесменом и глубоко верующим человеком, бывший офицер не изменил своим прежним традициям. Дважды в году – в День Победы и в День Военно-Морского флота – он привинчивает орден Красной Звезды к лацкану чёрного пиджака и ходит так весь день, ничего не боясь и никого не стесняясь. Когда же его спрашивают, как он позволяет себе совмещать несовместимое, дядя спокойно отвечает:

– Главная заповедь для еврея – спасти жизнь человека, независимо от его национальности. Я же спас тридцать пять жизней, значит, с лихвой выполнил главную заповедь, и мне в радость носить такую награду.

В этом уникальном человеке сошлось всё – и личная смелость, и мудрость, и вера, и талант бизнесмена, и готовность помочь слабому.

Но зачем дядя позвал меня к себе в тот день, я не мог предположить.

7

Представитель службы безопасности фирмы «Алмазы Израиля» провёл меня через несколько дверей с секретными кодами и вывел к центральному лифту, на котором мы доехали до сорок первого этажа. Там он проводил меня к секретарше, а сам вернулся к лифту.

– Лев Ефремович ждёт вас, – сказала секретарша.

Я открыл массивную полированную дверь цвета чёрного кофе. Дядя Лёва сидел в глубине огромного кабинета за письменным столом и что-то читал с экрана лэптопа. За его спиной сквозь огромные стёкла небоскрёба была видна грандиозная панорама Тель-Авива с высоты птичьего полёта. Казалось, что мы находимся в самолёте, который вот-вот пойдёт на посадку. Но пока мы были в воздухе, я поздоровался с дядей, потом быстро подошёл к нему и поцеловал в жиденькую бороду.

– Здравствуй, сынок, – ответил старик, -– присаживайся.

Я уже знал, что в богатом кабинете дяди найдётся всё, кроме стула. Хозяин фирмы «Алмазы Израиля» умышленно убрал из своего кабинета все стулья и кресла, чтобы ни у кого не возникло соблазна удобно расположиться в роскошном интерьере и болтать о том о сём и ни о чём. На работе надо работать, считает Лев Ефремович. Поэтому в кабинете у дяди вопросы решаются быстро, на ногах, без долгих совещаний и заседаний. Однако для меня помощники стул всё же принесли и поставили рядом с письменным столом хозяина.

– Можешь ничего не рассказывать, – сообщил дядя, – я всё уже знаю, даже знаю, какую ты пил водку с утра пораньше. Молодец, что не сел за руль, а приехал на такси. Ты спросишь, зачем я вызвал тебя, если уже всё знаю? Я просто хочу объявить о своём решении. Сегодня я приобрёл для тебя двенадцатый канал телевидения. Ты много лет проработал на этом канале, лично знаком с коллективом, знаешь всю производственную кухню. Теперь тебе не удержать камеру в руках, но чтобы руководить и владеть, у тебя есть вполне здоровая голова. Завтра же приступай к работе, – приказал дядя Лёва и протянул мне через стол договор о купле-продаже канала, заверенный нотариусом. Потом старик пояснил:

– Теперь от тебя будет зависеть положение дел на канале. Желаю удачи, сынок. Можешь идти.

Я никак не ожидал такого подарка, да и алкоголь ещё не выветрился, поэтому я с трудом произнёс в ответ всего несколько слов:

– Спасибо, дядя. Я сам не думал, что с рукой всё окажется более, чем серьёзно.

8

– Так я стал владельцем-капиталистом, и чтобы поднять рейтинг своего канала, я придумал вместе с редакторами несколько новых программ. Одна из них называется «Неизвестная планета» – о необычных природных явлениях. Эту программу мы и снимаем здесь, в Корее.

Марк закончил свой рассказ и посмотрел в сторону острова Чиндо, где находилась их гостиница. Мужчину удивило, что расстояние до берега так быстро увеличилось в два раза. Стало очевидно, что подводное течение незаметно уносит их дальше в море. А лёгкая качка, свежий ветерок и ласковые лучи предвечернего солнца явно усыпили бдительность катающихся.

– Интересная история, – сонно сказала Валерия и тут же спросила: – А как это мы оказались так далеко от берега?

– Течение, – объяснил Марк и взялся за вёсла, – ничего, мы быстро вернёмся.

Лодка развернулась носом к берегу и медленно пошла вперёд. Марк торопливо работал вёслами и уже понимал: в этом райском уголке что-то основательно изменилось. Сначала куда-то разлетелись птицы, целыми стаями отдыхавшие на спокойной воде. Затем сама вода из прозрачно-бирюзовой превратилась в грязно-серую. Пыльная дымка заволокла небо, но самое неприятное было в том, что проснулся ветер и задул в сторону моря. Сразу же образовались волны, и с усилением ветра они становились всё круче. Отдельные брызги стали долетать до Валерии. Местные жители, видимо, знали особенности здешней переменчивой погоды, потому и не было поблизости ни одной другой лодки. У Марка нашлись силы грести быстрее, чтобы преодолеть сопротивление ветра и течения. Лодка хоть и медленно, но двигалась вперёд, к спасительному берегу, до которого было уже недалеко.

Но вдруг Марк услышал странный треск в правой уключине, в точке соединения весла с лодкой. Затем дюралевая трубка согнулась, а в следующее мгновение весло разломилось пополам, и половинка ушла под воду. Лодку резко развернуло вправо, теперь она стала неуправляемой. Марк от неожиданности замер и уставился на оставшуюся часть весла, не понимая, что делать дальше. Он машинально провёл рукой по всем карманам в надежде на чудо, хотя уже знал, что сегодня в очередной раз забыл свой мобильный телефон в номере гостиницы. Ещё никогда он не сожалел так сильно по поводу своей забывчивости, как в эту минуту.

Тем временем течение и ветер, как два хищника, свободно потащили свою добычу в море. Валерия сидела на скамье лицом к Марку и всё видела.

– Кто-то же нас найдёт? Мы же не одни в море, – осторожно предположила она.

– Найти-то найдут, весь вопрос – только когда? У нас ни еды, ни воды, ни тёплой одежды. Это я во всём виноват, – искренне сожалел Марк, – надо было раньше возвращаться на берег, а меня занесло с этими воспоминаниями.

– Мне было интересно, – возразила Валерия.

– Интересно будет теперь остаться ночью посреди моря, – сказал Марк.

Вдруг, как по заказу, на горизонте появилось какое-то большое судно. Оно двигалось по диагонали справа налево довольно быстро и вскоре оказалось на максимально близком расстоянии от надувной лодки с людьми. Марк снял свою полосатую футболку и стал размахивать ею, как флагом. Валерия тоже что-то выкрикивала, разглядев двух мужчин, стоявших на палубе и куривших. Один из них явно увидел лодку с путешественниками и даже помахал им рукой. Докурив, мужчины скрылись за дверью на палубе.Теперь Валерия была уверена, что судно вот-вот остановится и их спасут. Но проходили секунды, минуты, а судно, не сбавляя ход, вскоре скрылось из виду.

– Как же так? Нас же видели? Почему не остановились? – Валерия была искренне расстроена.

Марк не стал расстраивать её ещё больше и говорить о том, что он думает о человечестве в такие минуты. Мужчина просто протянул ей свою футболку и сказал:

– Надень, пожалуйста. Скоро будет холодно.

– А ты сам как же?

– Потерплю как-нибудь. Слава Богу, не зима, а середина июня.

Солнце необратимо двигалось к закату и вскоре скрылось за горизонтом. Как-то очень быстро потемнело, и на тёмно-синем небе появились первые звёзды. Но произошли изменения и к лучшему – ветер утих, и волнение заметно уменьшилось. Валерия очень устала и легла на пластиковое днище лодки, свернувшись калачиком. Марк тоже уселся на дно, но его голова оставалась выше надувных бортов лодки, чтобы видеть происходящее вокруг. Он надеялся выбраться из этой ситуации.

– Постарайся уснуть, а я подежурю, – предложил Марк женщине.

– Я не смогу. Мне холодно, – ответила Валерия.

Тем временем течение хоть и медленно, но продолжало уносить лодку неизвестно куда. Марк посмотрел на небо и удивился тому, что луна может быть такой яркой. В её голубом свете он хорошо видел слегка волнующееся бескрайнее море, силуэты каких-то далёких островов и даже линию горизонта со звёздным небом. И там, у горизонта, мрачные серые тучи, как по приказу, начали клубиться и скапливаться в одну страшную чёрную массу.

Марк понял, что это собирается очередная гроза по его душу. Теперь он в этом уже не сомневался. Только здесь, в открытом море, эта гроза может стать для него последней. Марк посмотрел на женщину и сказал:

– Ещё в гостинице я хотел спросить тебя, а как поживает мой бывший друг – Владимир? Наверно, сделал хорошую карьеру?

– Какой Владимир? – не поняла Валерия.

– О котором ты написала мне в записке.

– Эта записка, возможно, моя самая большая глупость в жизни. Таким способом я хотела подтолкнуть тебя на более решительные действия. Думала разжечь в тебе ревность, чтобы ты быстрее сделал мне предложение. А получилось всё наоборот. Всё разрушилось. Глупая была, молодая. Не зря же говорят: «Не буди лихо, пока оно тихо». Правда, потом я много раз пыталась поговорить с тобой и всё объяснить, но тебя словно подменили, словно вынули из тебя доброе сердце. Ты не хотел ни слушать, ни встречаться. Я даже приехала в Москву, к тебе в институт. Думала, встречу тебя в коридоре, и ты уже не сможешь уклониться от разговора. Так и вышло. В перерыве между лекциями ты стоял в коридоре и о чём-то говорил со стоявшей рядом девушкой. Я подошла и поздоровалась. Потом попросила у тебя немного времени, чтобы сказать нечто важное. Ты весело ответил, что мы сможем поговорить во время следующего большого перерыва между лекциями. А перед этим ты хочешь познакомить меня со своей невестой, Вероникой, с которой у вас через месяц свадьба. Стоявшая рядом девушка мило улыбнулась и сказала, что с удовольствием приглашает меня на ваше торжество. Я посмотрела тебе в лицо, в твои улыбающиеся глаза, потом молча повернулась и ушла. Признаюсь, так больно мне ещё никогда не было, но это не из-за свадьбы. Просто в твоих глазах я не увидела ни любви, ни сочувствия, значит, и говорить о чём-либо уже не было смысла. А твоего друга Владимира я больше не видела. Да и зачем? Я любила только тебя, возможно, поэтому так и осталась одна на белом свете.

9

Марк внимательно слушал женщину и смотрел на далёкий горизонт, где мрачные тучи продолжали скапливаться в огромный чёрный купол над морем. В один момент электрическое напряжение в этой чёрной дыре превысило некую критическую отметку, и от купола до моря прошла первая яркая молния. Через пару секунд до лодки докатились пока ещё слабые раскаты грома. Потом Марк увидел, как эта чёрная стена, наполненная огромной смертоносной энергией, двинулась в их сторону. Вероятно, ветер поменял своё направление, либо некто Всесильный хорошо знал своё дело и местоположение лодки. Валерия продолжала лежать на пластиковом днище и видела, как время от времени яркие вспышки озаряют тёмное небо.

– Что это? – спросила она.

– Начинается гроза, – ответил Марк.

– Иди ко мне. Я постараюсь немного согреть тебя руками.

Но Марк, как завороженный, не мог оторвать взгляда от этой чёрной массы, которая с каждой минутой становилась всё ближе, страшнее и уже перекрыла собой лунный свет. А её нескончаемые молнии били по воде всё точнее, словно кто-то умело направлял их. И вся эта жуткая картина сопровождалась невероятным грохотом после каждого удара молнии.

Марк понял, что им осталось не больше пяти минут.

Молния обязательно ударит в лодку и если они не погибнут сразу от электрического разряда, то непременно утонут. Он сполз на дно лодки и, крепко обняв Валерию, закрыл собой её дрожащее тело. Лицом он уткнулся в её нежную шею, чтобы, как в молодости, ощутить аромат волос. А Валерия обняла обеими руками его голую спину и спросила:

– Мы сейчас умрём?

– Да, – ответил Марк.

Он лежал с закрытыми глазами, щекой прижавшись к её щеке, и хорошо ощутил, как слезинка покатилась по лицу женщины, а усилившаяся дрожь волной пробежала по всему её телу.

После короткой паузы Валерия сказала абсолютно спокойным голосом:

– Я смотрю на это звёздное небо и ничего не боюсь. Теперь многое становится неважным, жаль только, что все эти долгие годы мы не были вместе. Я всегда любила тебя.

Теперь, находясь в плену у морской бесконечности, между жизнью и смертью, Марк понял, что всему виной была его неуёмная гордыня, проявившаяся когда-то в юношеском максимализме, в нежелании что-то понять, в чём-то разобраться и в неумении прощать досадные ошибки своим любимым. Для него всегда существовал лишь один принцип – всё или ничего. А ведь гордыня – первая в списке семи смертных грехов человечества. И, вероятно, поэтому молнии вершили сейчас очередное справедливое возмездие, как когда-то, много лет назад они оставили свой огненный след на студенческой киноплёнке. Только теперь эта гроза, очевидно, окажется прощальной. Марк захотел сказать своей женщине что-то очень важное и доброе напоследок, но его губы сами прошептали слова, идущие от сердца:

– Прости меня, любимая. Прости за всё.

В этот же миг совсем рядом с лодкой снова ударила молния, раздался невероятной силы грохот, и …сразу всё стихло. Мужчина и женщина оцепенели на несколько секунд, не понимая, что происходит и на каком они Свете. Потом Марк медленно приподнялся и огляделся вокруг. Тучи рассеялись. Лунный свет вернулся на морские просторы, и в этом свете Марк увидел нечто загадочное и невероятное – от носа лодки пролегла песчаная дорожка шириной примерно в три метра. Море расступилось, образовавшаяся длинная тропа уходила куда-то в сторону и терялась в темноте. Марк понял, что это то самое Чудо Моисея, из-за которого все они и приехали на эти острова. Мужчина перешагнул через надувной борт лодки и осторожно ступил на твёрдую поверхность. Он даже сделал несколько пробных шагов по этой тропе и вернулся к лодке. Под ногами был обыкновенный песок, такой же, как и на пляже рядом с гостиницей и, на удивление, такой же сухой, мелкий и рассыпчатый. Марк понял, что там, где происходит чудо, привычная логика отдыхает. Женщина продолжала лежать на твёрдом днище лодки в полуобморочном состоянии. Холод забирал её последние силы. Марк нагнулся к ней и сказал:

– Валерия, поднимайся, пожалуйста. Нам надо идти.

– Куда идти? Кругом вода. Ты в своём уме? – удивилась женщина.

– Послушай меня, Валерия, – Марк повысил голос, – это то самое чудо Моисея, из-за которого люди со всего мира и приезжают сюда. Но если мы сейчас не уйдём по открывшейся тропе, то не доживём до утра. У нас реально мало времени.

Валерия с трудом села на скамью, Марк помог ей подняться, перешагнуть через круглый борт лодки и встать босыми ногами на песок.

– Как это может быть? – удивилась женщина, – неужели море действительно расступилось?

– Об этом поговорим потом, сейчас надо быстрее идти, – повторил Марк.

Он взял её за руку, и они пошли, не имея понятия, куда ведёт эта морская дорожка. Песок под ногами был светло-серого цвета, хорошо отражал голубой свет луны, и поэтому тропинка легко просматривалась на несколько метров вперёд. Мужчина и женщина уверенно шли по ней и даже прибавили скорости. Марк смотрел на Валерию и не переставал думать о случившемся: почему Господь спас их в последнюю минуту? Вспомнились слова мудрого дяди о боли и прощении: «Твоя проблема, сынок, не наследственная, и даже не медицинская. Ты несправедливо причинил невыносимую боль какой-то женщине, и теперь, согласно Небесному Закону равновесия, эта жестокость вернулась к тебе болезнью. Но если тебя простят, появится реальный шанс на спасение. Будем надеяться, что Бог Сам выведет тебя на нужную дорогу, и ты снова встретишься с главной женщиной своей судьбы». Так значит, они с Валерией не случайно оказались на этом острове, в этой лодке, и Валерия – та самая женщина, у которой он должен был просить прощения за боль, обиду и годы одиночества, – продолжал размышлять Марк. – И он успел произнести эти магические слова, но не для того, чтобы спастись – просто этого действительно хотело его сердце.

А море тем временем, как хищник перед броском, замерло справа и слева от светлой дорожки в ожидании своего часа. В ночном небе красиво засиял Млечный Путь, его отдельные звёзды и планеты раздулись, как яблоки в урожайный год. Через двадцать минут интенсивной ходьбы Марк и Валерия увидели впереди силуэт какого-то острова. Именно туда и вела путешественников тропинка. Цель была уже близка, и надежда на спасение стала реальностью. Все здешние острова по вечерам утопали в свете разнообразных огней. А на этом острове еле просматривалось несколько слабых огоньков. Вероятно, это была глухая сторона острова, где не плавали и не причаливали яхты и катера. Поэтому никто не увидел, как течение унесло их в эту зону. Прошагав ещё двадцать минут, они оказались в ста метрах от спасительного берега, но под другим углом к острову. Отсюда они могли видеть старинный маяк в виде высокой круглой башни, на самом верху которой была установлена мощная лампа, вращающаяся на триста шестьдесят градусов и раздающая всем характерный фиолетовый свет. Марк сразу же узнал маяк острова Чиндо, только они подошли к острову с другой, менее обжитой стороны. Ещё через десять минут они уже стояли на песчаном берегу острова, и каждый мысленно благодарил Бога за спасение. Марк сел на песок, чтобы немного передохнуть после быстрой ходьбы. Валерия присела рядом, потом она сняла с себя мужскую футболку и вернула её Марку.

– А где твои босоножки? – спросил Марк, глядя на её босые ноги.

– Где-то в море, – улыбнулась женщина. – Я была уверена, что они мне больше не понадобятся. А который час?

– Без пяти одиннадцать, – ответил Марк.

– В шесть утра наш автобус возвращается в Сеул. Так я могу успеть? – спросила Валерия.

– Конечно, – подтвердил Марк, – мы сейчас выйдем на любую дорогу и попытаемся поймать такси. Наша гостиница на другой стороне острова.

– Такси в такое время? – удивилась женщина.

– У них много частных такси, работают круглосуточно. Я уже интересовался однажды. А как у тебя с английским?

– Хорошо, – ответила Валерия.

– Тогда пошли.

10

Какие-то каменные ступеньки вели с берега вверх. Они поднялись по этим ступенькам, прошли через рощу невысоких деревьев и оказались перед широкой асфальтированной дорогой. Решили идти по обочине налево, в сторону каких-то огней на невысоком холме. Вероятно, там были люди. Да и вся трасса хорошо освещалась фонарями на высоких столбах.

Вскоре проехал небольшой грузовичок, и водитель проводил пешеходов удивлённым взглядом. Это был первый человек, которого они увидели после морского плена. Потом на дороге появилась легковушка с голубым огоньком на крыше. Это действительно было такси – серебристая «Хендай Соната». Путешественники дружно замахали руками, и машина остановилась. Сквозь открытое окно Валерия поздоровалась и сообщила адрес. Увидев иностранцев, водитель сразу же назвал свою цену – двадцать долларов. Марк кивнул и открыл для Валерии дверцу автомобиля, затем сам сел рядом. Всю дорогу до гостиницы они ехали молча. В душе у каждого тревога медленно отступала, будто они возвращались к людям из мучительного плена. К двенадцати часам ночи такси остановилось у входа в мотель «Ариранг». Марк протянул водителю купюру в двадцать долларов и вышел из машины. Потом он помог выйти и Валерии, которая валилась с ног от усталости, но старалась держаться. У входа стоял швейцар в национальном корейском костюме. Вокруг крутились какие-то люди, в основном, иностранцы. Постоянно кто-то входил и выходил из мотеля. На веранде второго этажа были убраны все столы и стулья. Теперь там грохотала современная музыка и веселились танцующие. На первом этаже тоже играла музыка, но потише и помедленнее – там находился стриптиз-бар.

– Здорово, – сказала Валерия, – народ отрывается по полной программе. Вероятно, здесь и казино есть.

– А ты думала, что народ ищет тебя в океане? – усмехнулся Марк. – Дай Бог, если на третий день кто-нибудь здесь заметит, что нас нет. Можно сосчитать по пальцам одной руки тех, кому мы действительно нужны в этом мире.

Валерия крепко обняла Марка, поцеловала его в губы и сказала:

– Утром мы возвращаемся в Сеул, весь день работаем на симпозиуме, а вечером того же дня едем в аэропорт «Инчхон» и оттуда в Баку. Позвони мне, пожалуйста. У меня тот же номер и тот же адрес. Я буду ждать каждый день. И береги себя. Ты мне нужен.

– Я обязательно позвоню, как только вернусь в Тель-Авив, – пообещал Марк и отпустил её руки. Потом он проводил взглядом поднимающуюся по ступенькам Валерию, ещё окончательно не веря в их удивительное спасение. В надежде увидеть кого-нибудь из своей группы, Марк зашёл в бар. Там было темно, тесно и шумно. Играла музыка, и несколько молодых пар медленно танцевали в центре зала. У стойки бара действительно сидел режиссёр Кирилл Силаев и беседовал с девушкой. Марк подошёл к нему и сказал:

– Привет, Кирилл. Как успехи сегодня?

– Привет, шеф, – обрадовался режиссёр, – ты куда пропал? Я хотел посоветоваться с тобой, но так и не дозвонился. Короче, мы сняли все запланированные сюжеты, но Маша предлагает ещё снять коротенький сюжет о местных рыбаках…

Однако Марк не дал режиссёру договорить и категорично заявил:

– Больше никаких съёмок. Передай всем нашим, чтобы паковали оборудование. Завтра в девять утра мы выезжаем в аэропорт «Инчхон». Оттуда ближайшим рейсом в Тель-Авив.

– Не беспокойся, сообщу каждому, – сказал Кирилл и продолжил свой рассказ. – Час назад двое местных рыбаков трепались на пьяную голову, будто вечером на море разгулялась гроза невероятной силы. К счастью, она не докатилась до нашего берега. Потом, якобы, они нашли лодку, но без людей. Там были только женские босоножки, белая шляпа и очки. Интересное начало для какого-нибудь любовного романа, как по-твоему?

– По-моему, это не наша тема, – ответил Марк и заказал у бармена стакан русской водки – он очень хотел согреться.

11

Израиль встретил съёмочную группу обычной летней жарой. Марк поблагодарил всех за хорошую работу, попрощался и вышел из здания аэропорта. Потом автобус довёз его до стоянки, на которой он оставил свой «Опель» перед вылетом в Южную Корею. Но Марк не поехал к себе в Ашдод, а свернул на первую трассу, ведущую в Иерусалим. Он хотел, не откладывая, поблагодарить Бога за спасение и понять, как жить дальше. На площади у Стены Плача было, как всегда, многолюдно. Религиозные евреи в соответствующих костюмах усердно молились и проводили свои обряды и церемонии. Было шумно. Марк уже давно понял, что это уникальное место на Земле, где можно говорить со Всевышним обо всём и на любом языке, главное, чтобы слова шли от сердца. Нельзя было только подходить к стене с непокрытой головой. На проходе стояла корзина с одноразовыми кипами из тонкого картона. Марк вытащил одну, надел на голову и пошёл к Стене Плача. Он никогда не писал записок Богу и не заталкивал потом эти бумажки в образовавшиеся в стене щели. Он считал вполне достаточным закрыть глаза и опустить лоб на древние камни, чтобы Бог всё услышал и всё понял.

– Спасибо Тебе, Боже, за чудесное спасение, – прошептал Марк. – Но на душе всё ещё штормит, а в океане памяти ещё чернеет остров неоплаченных долгов и непрощённых поступков. Научи и подскажи, как искупить вину и заслужить прощение?

Из темноты закрытых глаз вдруг появился фиолетовый силуэт какого-то человека. Постепенно силуэт стал наполняться новыми деталями, и Марк понял, что это молодой парень, идущий куда-то. В руках он держал большой пакет с мусором. Ещё несколько новых штрихов, и в этом парне Марк узнал себя в молодости. Он приблизился к мечети, но остановился у входа и дальше с грязным пакетом уже не пошёл. Мечеть была новой, просторной и очень красивой, с голубым куполом и двумя высокими минаретами. А над ней в тёмно-синем небе ярко светил полумесяц и сияли звёзды. Марк открыл глаза и сказал:

– Я всё понял, Боже.

Огромный кабинет миллионера Льва Этингера всё так же парил над Тель-Авивом, а сам дядя Лёва всё так же управлял полётом, сидя за письменным столом. Но в этой картине появилось и нечто новое – на лацкане чёрного пиджака миллионера ярким красным пятном выделялся орден Красной Звезды. Марк, как обычно, поцеловал старика в жиденькую бороду и спросил:

– Ты сегодня при параде, дядя. В честь чего это?

– День Военно-Морского Флота, – отрапортовал бывший офицер и добавил, – присаживайся, сынок, и рассказывай, как съездил.

На этот раз стул уже стоял на месте. Марк устроился поудобнее и сказал:

– Предполагаю, ты всё уже знаешь.

– На этот раз я знаю только то, что вам не удалось снять Моисеево Чудо.

– Не удалось, к сожалению, – подтвердил Марк, – но ты был прав, дядя. Если Бог захочет, Он Сам приведёт нас туда, где мы должны быть или где нас ждут. Представь, там, на краю света, я вдруг встретил женщину, которую любил всю жизнь, но однажды глупо потерял.

– Значит, уже не зря съездил, – улыбнулся старик. – Ты хочешь привезти её сюда?

– Вот не знаю, дядя. И хочется, и колется. Я не уверен, что смогу изменить что-то в личной жизни. К тому же мне теперь предстоит поднимать новое дело с твоей подачи, а вся эта суета с переменами может только помешать моим планам

– А как её зовут? – спросил дядя

– Валерия.

– Красивое имя, – одобрил старик. Потом он снял массивные очки и посмотрел на племянника своим неповторимым пронизывающим взглядом. – Послушай меня, сынок. Я никогда не рассказывал тебе о своём, о личном, но теперь, думаю, ты меня поймёшь правильно. Я горжусь тем, что был офицером флота, горжусь боевым орденом за спасение людей, я очень рад, что мой бизнес успешно расширяется и даёт работу многим людям, я страшно доволен, что на моих счетах лежат миллионы, и у меня есть возможность помочь слабым. Но счастлив я не этим списком достижений, а только тем, что все эти годы всегда рядом со мной необыкновенная женщина по имени Рахель. Уверен, что без неё мне просто было бы неинтересно жить.

Марк ответил не сразу, и в разговоре родственников возникла лёгкая пауза, иногда необходимая, чтобы осмыслить и принять сказанное. Потом племянник уверенно произнёс:

– Я услышал тебя, дядя, и ещё раз подумаю обо всём. Вот умеешь ты найти правильные слова.

– Спасибо за комплимент, сынок, но лучше расскажи, зачем ты ходил вчера к Стене Плача? Наверное, накосячил в очередной раз?

– Скажем так, – Марк стал запинаться, – когда-то в молодости я повёл себя неинтеллигентно в одном святом доме. Теперь на душе царапина и частая бессонница. Я пошёл к Стене Плача, чтобы понять, возможно ли вернуть душевный покой и как этого добиться.

– И что же требуется для спасения этой души?

– Требуется ни много, ни мало – восстановить мечеть в посёлке недалеко от Баку.

– Это немаленькие деньги, – сказал Лев Ефремович, – я бы мог дать тебе эту сумму, но тогда получится, что это я восстанавливаю мечеть. Надо придумать что-то другое.

– Послушай, дядя Лёва, – решительно начал племянник, – не надо ничего придумывать. В конце-то концов, какое мы имеем отношение к мечети? Думаю, мы имеем полное право проигнорировать это требование.

Мудрый старик явно помрачнел и ответил:

– А тебя, сынок, не настораживает тот факт, что указание относительно мечети ты получил около нашей Стены Плача? Если Создатель всего сущего на свете один и тот же для всех, как мы верим, то бежать некуда и прятаться негде. Нет другого Бога, который поможет, защитит, прикроет и спасёт, а это значит, что придётся расплатиться с долгами совести. Или ты хочешь поспорить или поторговаться по-еврейски?

– Нет, пожалуй, я соглашусь с тобой, от греха подальше, – ответил Марк.

– А ты знаешь, сынок, сколько всего дней отпущено человеку на жизнь? Именно дней, а не лет, – неожиданно спросил миллионер.

– Не знаю, – ответил Марк, – как-то не думал об этом.

– Ну, скажи примерно, по своим ощущениям.

– Сто тысяч.

– Нет, сынок, всего двадцать девять тысяч дней, если принять за среднюю продолжительность жизни восемьдесят лет. Третья часть этих дней уходит на сон. Представляешь, как мало нам отпущено этой самой жизни? Поэтому, может быть, стоит хоть немного постараться, чтобы оставшееся время прожить со спокойной совестью, в согласии с собой и миром?

– Спасибо, дядя. Теперь я знаю, что делать. Я продам канал и восстановлю мечеть. Через неделю поеду в Баку на переговоры с администрацией посёлка.

– Правильное решение, – сказал дядя Лёва, – желаю удачи.

12

Через неделю «Боинг 737» азербайджанских авиалиний приземлился в международном аэропорту имени Гейдара Алиева. На его борту было сто сорок пассажиров, в том числе и бывший владелец двенадцатого канала израильского телевидения Марк Этингер. После получения багажа он направился через огромный зал для встречающих в сторону выхода. Валерия остановила мужчину на полпути. Она была в лёгком расклешённом голубом платье с ремешком, красиво обхватившим её талию, в босоножках на высоком каблуке, но без шляпы. Женщина молча обняла Марка, быстро поцеловала в губы и, взяв за руку, повела через зал. На сердце у мужчины было легко и спокойно, будто всё начиналось сначала, будто и не было глупой разлуки, горьких потерь и этих долгих лет одиночества.

– Поедем на такси? – спросил Марк.

– Зачем нам такси? – ответила Валерия. – У меня своя машина. Мы поедем домой.

– А что у нас с переговорами?

– Завтра, – сказала Валерия, – всё будет завтра.

СЕРГЕЙ ИВАНОВ

Имадеддин Насими

Отрывок из поэмы

...Гранат роняет лепестки,
Клубится дальняя дорога.
Опять ветра, опять пески –
Неумолимая тревога.

В пути прошёл десяток лет.
За перевалами, в тумане,
Немало встреч, побед и бед,
Сражений, разочарований.

Смотри, сеид, со всех концов
Через пески, через барханы
Под звон печальных бубенцов
Идут на запад караваны.

Везут огромные тюки
И гонят пленных, как баранов,
Из Хоросана, из Шеки,
Из разорённого Ширвана.

Ширван! Ты плачешь и горишь.
В крови, в золе родные реки,
Тебя кромсает Тохтамыш,
Терзают ханы, грабят беки.

Глотая пыль чужих дорог,
Хромой, в изношенной сутане,
Идёт изгнанник и пророк,
Идёт, тоскует о Ширване.

Ему курлычат журавли
С небес пятнадцатого века
О тяжких горестях земли,
О долгих муках человека.

На сердце – горсть родной земли,
Тоска и ненависть к тиранам.
Возьмите песню, журавли,
Несите песню до Ширвана.

Имадеддин, буди, зови
На грозный бой людские тыщи.
Скликай под знамя хуруфи
Дехкан, бродяг, воров и нищих.

Смотри, у ног дымится юг,
А горло схвачено рыданьем.
Так люди радость познают
Ценой жестокого страданья.

Последний вал. Поэт, взгляни:
Плывёт и вздрагивает небо.
Вдали, в дыму, горят огни
Чужого города Халеба.

...В темнице – мрак. Поэт глядит в окно.
Внизу – толпа. В окне воркует птаха.
Точь-в-точь Баку, тогда, давным-давно,
Когда казнили бога – Фазлуллаха.

Ты, исходивший множество дорог
И завершивший тяжкий путь в Халебе,
Ты всё познал. Что пред тобою бог,
Скучающий на выдуманном небе?

Сейчас придут. Уже готов помост,
И сам палач хлопочет на помосте.
Ты в жизни был хозяин, а не гость.
Ты был! А будешь – прах да кости.

На площадь! Вот захлопнулся засов.
Путь до помоста тягостен и долог.
Нахохлившись, как стая хищных сов,
Сидят владыки города и моллы.

На площади толпится нищий люд –
Арабы, греки, франки, иудеи.
Тревожный шум: – Гляди, ведут, ведут!
Прямей ступай! Но цепи режут шею.

Друзья в толпе, вон – грек, а вон – араб,
Они сберут посеянную жатву,
За ними в бой пойдёт голодный раб,
Пойдёт, клянясь их нерушимой клятвой.

Так улыбнись и выпрямись. Пора!
Смерть далека – тебя ещё помучат.
Где осень Хорасана, Гюльхара,
Туманы горя озаривший лучик?

Где юность? Джигитовка и стихи,
Высокий дом, лужайка у забора,
Сады благоуханной Шемахи,
В тумане лиловеющие горы...

Шумел апрель, и вторила струна
Громам, ветрам и стае журавлиной...
Ширван, Ширван, родимая страна,
Не забывай страдающего сына.

Палач шагнул. Железо впилось в лоб.
Мутнеет взор. О, лишь бы стало воли,
Чтоб устоять, не покачнувшись, чтоб
Не застонать, не зарычать от боли.

Толпа растёт, клубится, как волна.
Вон женщина – на мать она похожа.
Жива ли мать? Что делает она?
Аман, аман! – Палач сдирает кожу!

Я к материнской ласковой руке
Приникнуть на прощанье не сумею.
Родная, ты молчишь, ты вдалеке...
Смерть на чужбине – вдвое тяжелее.

Где отчий дом и первая любовь?
Свиданья у долины соловьиной...
Проклятие! Клокочет в горле кровь –
Мучители! Теперь взялись за спину!

Сулит – века, а дарит – только миг
Земное человеческое счастье.
Неправда! Нет! Он сдерживает крик,
Он верит, раздираемый на части,

В грядущее. Пускай клеймо на лбу
Горит огнём. Мы отомстим тиранам,
Насильникам, кто превратил судьбу
В одну сплошную ноющую рану.

Уже сдирают кожу и с груди.
Он слышит, как хохочет эфенди:
– Эй, Насими, ты хвастал: «Я – аллах»,
Аллах велик, ему неведом страх.

А ты дрожишь, ты побледнел, проклятый...
– Ты лжёшь, и солнце меркнет в час заката,
Но встанет вновь – и пламенем лучей
Сразит султанов, молл и палачей.

В толпе смятенье, выкрики и плач.
Вот эфенди взъярился на помосте:
– Да ты, несчастный, бредишь! Эй, палач,
Добей его, дроби гяуру кости!

В нём кровь шайтана. Потеснись, народ,
Назад – кто не желает быть погублен,
А если кровь шайтана попадёт
Хотя б на палец – будет он отрублен.

Палач, сопя, клещами ухо сжал.
Тихонько хрустнув, ухо оторвалось,
И капля крови – крохотный коралл –
Сверкнув, упала эфенди на палец.

Дрожа, вопя: – Всевышний, пощади! –
Рванулся вниз с помоста эфенди.

Зарокотал народ. Раскрыв глаза,
Над лужей крови тяжко подымаясь,
Поэт вдогонку: – Эй, святой Гамза,
Чего ты убегаешь, словно заяц?

Ханжа, ты отрекаешься от слов,
Чтобы спасти от палача мизинец.
А я за правду смерть принять готов.
А я на шаг – и то не отодвинусь!

Толпа гудит. Схватили эфенди
И волокут к помосту на расправу.
И вот уж кто-то крикнул впереди:
– Аман, аман, ему крошат суставы!

Скорей бы смерть!.. Ещё один рывок...
– Я – солнце незакатное. Я – бог.

Я возвещаю новую зарю.
Она придёт – заря земного рая.
Народ, запомни то, что говорю:
Имадеддин и в смерти побеждает!

В толпу ворвались конные войска,
Звенят подковы, сатанеют плети.
Закат погас. Наверно, ты близка,
Смерть, – самая желанная на свете...

Но слышишь – зачинается гроза,
Она гремит, круша основы мира.
И вдруг – удар. И в меркнущих глазах –
Холодный блеск зазубренной секиры.

Эпилог

Так пал поэт. С тех пор из года в год
Простую песню пестует народ.

...Наутро после казни был рассвет,
Невиданный за много сотен лет.

Очищенный полуночной грозой,
Мир озарился солнечной красой,

Роняли птицы перья с высоты
На кровли, на деревья, на цветы,

И в семь цветов оделся небосвод.
И распахнулось разом семь ворот;

Из тех ворот – внимай! – из всех семи,
Рванулся семиликий Насими;

Преодолев небытие и прах,
Рванулся, чтоб навеки жить в веках.

Сгибать лозу, покуда зелена,
По свету сеять правды семена.

МАРАТ ШАФИЕВ

«Я в смерти канул без следа...»

«Я в смерти канул без следа, я в вечность, словно след, пришёл», – так Сергей Степанович Иванов перевёл одну из строчек великого азербайджанского поэта Насими. Переводов было множество, они вошли во все антологии. Погружение в тему вдохновило Иванова и на создание в 1940 году собственной поэмы «Имадеддин Насими».

Поэма была опубликована отдельной книгой в 1973 году – страна праздновала 600-летие Насими. Эту книгу Сергею Иванову не суждено было увидеть – 26-летним он ушёл на Вторую мировую и, верный воинской присяге, пал смертью храбрых, как было сказано в полученном матерью извещении, в ноябре 1941 года под Ростовым.

Почему именно Насими? Все великие поэты, глубоко укоренившиеся в народной почве, благодаря (или вопреки) этому задевают и нерв мировой культуры.

Это тем более применительно к Насими, исповедовавшему мистическое учение хуруфизм – «всё сущее – одно».

Интересно, что Иванов вставил в поэму эпизод, заимствованный у Льва Толстого: Насими, подобно отцу Сергию, пытаясь устоять перед вожделением к женщине, отрубает себе палец. Эпизод, явно прошедший мимо взгляда редактора.

Кроме Насими, Иванов переводил ашугов («Песни ашугов», 1936 г.), азербайджанский эпос «Кёроглу»; в 1939 году он был принят в Союз писателей СССР за свои поэтические сборники: «Строят большевики», «Под небесами Родины» (1938), «Аид», «Клятва» (1938). Последняя книга: «В ночь на 24 июня» (1940).

«Откуда у хлопца испанская грусть?» – спрашивал Михаил Светлов в своей замечательной «Гренаде». Откуда у парнишки, родившегося (в 1915 г.) в средневолжском городке Хвалынске тяга к Востоку? Да, в Баку переехала мать-учительница, здесь он получил среднее образование (тогда это – девять классов) в школе № 21, но разве только в этих формальных обстоятельствах объяснение? По меньшей мере дважды он уезжал – сразу после окончания школы, а потом на службу в Красную Армию. Активный участник строительства совхоза в приволжском селе Чаадаевка, корреспондент златоустовской газеты «Пролетарская мысль» (1930 – 1934 г.) (иногда подписывался: Южный) – налаживалась жизнь, заводились отношения; при литературном объединении «Мартен» сплотилась весёлая компания, жадная до жизни и песен, потом всё резко обрывалось и вместо бучи, гущи исторических событий – снова окраина Империи.

С 1934 по 1938 годы – сотрудник газеты «Бакинский рабочий», в последний мирный год – заместитель редактора журнала «Литературный Азербайджан».

А потом уже известное: война и – ещё одна захлопнувшаяся дверь в будущее.

ГАЛИНА УДАЛЫХ

«В МЕНЯ ВМЕСТЯТСЯ ОБА МИРА, НО В ЭТОТ МИР Я НЕ ВМЕЩУСЬ…»

(Сиявуш Мамедзаде, «Алиф и Лам»)

В сентябре 2018 года в Баку и Москве при поддержке Фонда Гейдара Алиева прошел «Фестиваль поэзии, искусства и духовности – Насими», посвященный творчеству одного из гениальных поэтов и мыслителей Востока Имадеддина Насими (1369-1417).

Нынешний, 2019 год, по указанию Президента Азербайджана Ильхама Алиева объявлен Годом Насими.

Насими – великий поэт-гуманист, автор несравненных стихов, возвышающих и обожествляющих человека. Его богатое поэтическое наследие оставило глубокий след в обладающем многовековыми традициями художественном и философском творчестве азербайджанского народа. Начав свой поэтический путь с любовных стихов, Насими впоследствии, отталкиваясь от хуруфитских и суфийских воззрений на природу человека, создавал прекрасные произведения, посвященные общественным и нравственным проблемам. Жизнь его остается образцом человеческой стойкости, и сегодня занимает большое место в духовно-нравственном воспитании людей; его имя образно переосмысливается в современной художественной литературе: «…*Не зря ты взял себе такой псевдоним… Насими, «насм», «утренний ветер», «душа». Был ты легок, как утренний ветер, и тяжел, как мысли, им навеваемые, был ты с душой и сердцем, что бьется, как бабочка, прикрытая ладонью, ты много кричал, ты махал руками, ты подтверждал свое восточное происхождение словом и делом, уголками глаз и расшитой обувью, ты многого хотел, подолгу мечтал*» (С.Алиев. «Всей содранной кожей», журнал «Нева», 2014, №3).

Насими – многозначное имя: «Дыхание уст его (Устада)», ветерок – один из четырех элементов мироздания (земля, вода, огонь, воздух), отсюда Насими означает также «Дыхание Творца Вселенной». Кроме этого, «Нас» – означает «признак», отсюда Насими – «Признак Хакка». Математический шифр имени Насими: каждая его буква (хуруф) означает цифру, которая в сумме (н – 50, а – 1, с – 900, и – 10, м – 30, и – 10) дает «1001», что есть символ, означающий имя творца.

Наша статья посвящена рассказу известного азербайджанского писателя, поэта и переводчика Сиявуша Мамедзаде «Алиф и Лам», в котором представлено несколько эпизодов из последних дней жизни Насими. Автор повествует о том, как через пустыню движется усталый караван. Неторопливо идут через пески верблюды; в паланкинах дремлют купцы; рядом с верблюдами бредут паломники, слуги, глашатаи, дервиши. Отметим здесь стилизацию текста, восходящую в некоторых своих приемах к Библии. Это периодический повтор союза «и» в начале предложения, означающий вневременной характер событий: «*И после каждого перехода, сотворив утреннюю молитву, путники погружались в тяжелый сон. И снились им пестрые базары, черный камень Каабы, жены и дети, снились яростное солнце и раскаленные пески. И мир казался им караван-сараем, где нужно платить за постой, чтобы потом уйти в ночь небытия*». Постепенно проявляется динамика повествования. Путникам встречается полубезумный человек, с которым ведет разговор и оказывает ему посильную помощь один из дервишей. Имя его не называется, но с течением времени мы понимаем, что это Насими – образ возникает между строк: читатели погружаются в мир его раздумий. В рассказе поэт предстает перед нами в двух ипостасях: Ученик и Учитель (Пророк).

При описании внешности – «*высокий безбородый дервиш*» – автор несколько отступает от известного нам и официально признанного портрета поэта кисти азербайджанского художника Микаила Абдуллаева.

Образ Насими-дервиша: «*шерстяная власяница достигала колен, и жесткий ворс стрекотал его огрубевшее сильное тело*» создан в рассказе «Алиф и Лам» неслучайно. Мы знаем, что Насими был суфием, а странствующие дервиши проповедовали аскетизм и были наполнены мистическими настроениями. Дервиш воплощает путь к Богу: он был разделен в суфизме на несколько (чаще всего говорят о семи) стадий, или стоянок (*макамат*). Каждая из этих стадий сопровождается разными мистическими состояниями. На первом этапе мистического пути последователь суфизма должен был постигать религиозные и нравственные законы ислама. Второй этап, или тарикат, – это собственное прохождение стоянок суфийскими последователями.

В рассказе показан именно этот этап жизни Насими: «*Потому-то он и скрыл свое подлинное имя, сказавшись дервишем по имени Сеид, чтобы нести смысл тариката только тем, кто хочет постичь истину и возвыситься душой и разумом*».

Читатель погружается в пространство прошедших, настоящих и будущих событий в жизни дервиша: «*Приснились ему воды далекого Аракса<…>, а по берегу скакал конь, и на нем сидел Фазлуллах, живой и невредимый*»; «*вспомнил долгие дороги, по которым он шел, от ширванских степей до берегов Каспия, от анатолийских равнин до аравийских песков*»; «*вспоминал предсмертное письмо Фазлуллаха из Нахичевани, где устад велел ему покинуть Баку*». Сейчас дервиш с караваном направляется к стенам Алеппо. И если для путников, шедших с караваном, мир распадался на цветные сны о прошлом, и яростное солнце и раскаленные пески – в настоящем и будущем, то дервиша ждет трагическая бесконечность. Время для него остановится. А в нашей памяти из пропасти веков всплывает неистовый Насими, которого в сирийском городе ожидает страшная казнь…«*Исток предвечен мой, конец мой бесконечен,/Я в мире всемогущ, всемилостив, велик*» (И.Насими).

Описание в рассказе строится на противопоставлениях, например, реальности и иллюзии. Так, во сне дервиш увидел: «*за конем* (Фазлуллаха – **Г.У**) *волочится по земле чье-то бездыханное тело, привязанное к конскому хвосту. «Кто это, устад?»– вскрикнул дервиш во сне. «Это труп Мираншаха», – ответил Фазлуллах*». «*И тогда дервиш понял, что это его мстительные грезы, и в жизни все было иначе*».

Так в канву рассказа вплетаются имена исторических личностей. Это Фазлуллах (Фазл) ибн Мухаммед Наими Тебризи Астрабади (1339-1401), азербайджанский поэт и философ XIV века, учитель Имадеддина Насими, и Джалал-ад-дин Мираншах (1366-1408), третий сын Тимура, наместник Хорасана в 1380-1399 годах. По указу эмира Тимура Наими был арестован в городе Баку и находился в заточении в одной из тюрем Ширвана. Когда был издан указ о его казни, приговор привел в исполнение Мираншах в захваченной им крепости Алинджа гала (Нахчыван). Сообщают, что Мираншах привез Наими из Ширвана в эту крепость, повесил его перед защитниками, а затем, приказав привязать его труп к хвосту коня, велел, чтобы на глазах у всех поволокли его по городу. Названия этих городов, с которыми была связана большая часть жизни Фазлуллаха и по которым прошел Насими, введены в рассказ: Баку, Ширван, Нахчыван.

Дервиш, как странствующий проповедник-суфий, противопоставляется обычным паломникам, которые шли с караваном. Безумный человек, встреченный в пустыне, бежал от страшной жизни, а дервиш, наделенный умом и проницательностью, приближался к мучительной смерти. Мы не знаем, что разрушило душевный мир ширванца, но верим, что он будет уравновешен после встречи с дервишем: «*Успокойся, брат. Встань, встань и пойдем с нами, мы найдем исцеление твоим горестям*». Из темноты ночи дервиш зовет его к светлому утру: «*Занималась заря*».

Заря – это символ света, который «всегда был излюбленным понятием духовной терминологии. Он служил метафорой для знания. Свет указывает путь, он направляет, подобно мудрости и религиозному праву» (Роузентал Ф. Торжество знания. М., 1978. с.158).

Автором передается внутренний монолог героя: «*В этом мире все были братья, и все были сынами рода человеческого. Аллах – в самом человеке…*». В рассказе развернут мотив своеобразного поклонения дервиша звездам, «*таинственный язык которых навевал думы о вездесущем и всемогущем, незримом и запредельном*».

Истоки этого отношения к звездам восходят к сабеизму – доисламской религии: «Аравия создала законченный культ звездопоклонничества, или сабеизма, а потом, при торжестве ислама, сам учитель его клялся неоднократно небом и звездою» (Череванский В. Мир ислама и его пробуждение. СПб., 1901, ч.I.с.13). Автор показывает, как дервиш обращается к таинственному звездному небу, незримо устанавливая связь с Аллахом: «*И он чувствовал, как всей душой, всем существом своим окунается в божественную тайну мироздания, и осознавал себя частицей этой великой тайны, и казался себе сильным и непобедимым, как Аллах*». Звезда – традиционный символ божественности в исламе; 53-я сура в Коране называется «Звезда». Обращение к звездам свойственно восточной поэтике: «Арабская поэзия, – писал Вл.Череванский, – отвела у себя небесному куполу заглавное место, и если конь и женщина почтены также всеми блестками образной речи араба, то все же солнце, луна и звезды пленяют его воображение до степени религиозного экстаза (…)». Из повествования мы узнаем, что дервиш – поэт: в его скудной котомке «*лежали зашитые в ткань стихи устада и собственные, переписанные анатолийским каллиграфом на грубую бумагу*».

Заглавие рассказа для русского читателя (а он написан на русском языке) в некоторой степени загадочно. Смысл его можно «прочитать» в концовке рассказа. Алиф и лам – это буквы арабского алфавита, с одной стороны, выполняющие чисто графическую функцию, с другой стороны, насыщенные особым символическим значением в арабском языке. Буква алиф имеет следующее мистико-поэтическое значение: первая буква слова Аллах. Калам, тело, находящееся в вертикальном положении. Гласный звук, открывающий сердце. Прямая линия, являющаяся основой всех букв алфавита. Букве лам приписывались такие поэтические значения, как: середина. Посредник. Поклон в молитве. Божественные заповеди (Символика букв арабского алфавита).

Мистическая символика букв послужила С.Мамедзаде средством для художественного раскрытия философской проблемы совершенного Человека в учении хуруфитов; опираясь на эту символику, он подводит читателя к пониманию познания Божественного, явленного в самом человеке. Характерна символическая параллель, проведенная между графическим изображением этих букв и главными действующими лицами, точнее, их тенями, упавшими на песок. Алиф – буква прямая, характеризующая стойкость и непоколебимость характера; Лам – кривая по своему изображению буква, символизирующая сломленный дух: «*дервиш увидел две тени – свою, прямую, как алиф, и изломанную, как лам, – человека из Ширвана*». И дервиш (алиф) хочет видеть в испуганном соплеменнике-ширванце (лам) такую же стойкую личность: «*Боже, как трудно поднять человека», – подумал дервиш*.

Возможно и другое символическое прочтение заключительного эпизода рассказа. Дервиш (алиф) хочет поднять беглеца (лама), чтобы вместе с ним идти по пути познания Аллаха. Сочетание букв *лам* и *алиф* составляет слово ла, что означает «нет», с которого начинается символ веры мусульман: «Нет божества, кроме Бога (Аллаха), и Мухаммад его посланник». Арабский философ Ибн Араби (1165-1240) говорил: «*Так как буквы алиф и лам существуют вместе, каждая из них испытывает взаимное тяготение. Это тяготение одновременно есть взаимная любовь и взаимный интерес. Не видишь ли ты, как лам подкладывает под алиф свой цоколь, пытаясь обнять древко алифа и не дать ему ускольз-*

нуть? Подними свой алиф ото сна и развяжи узел твоего лама. В этом узле, который связывает алиф и лам, скрыт невыразимый секрет». (Бибикова О.П. Калам острее сабли// Восточная коллекция. 2005, № 1 (20).

Насими проникновенно писал: «Все тайны разгадал, в суть мира я проник, / Все буквы – тридцать две – вместил в себя мой лик», но сам поэт не вместился в тесные рамки времени, отпущенные ему судьбой, и переступил границы столетий.

МИХАИЛ САЛЬМАН

***

Поеду летом в Шемаху,
Где путешествие земное
Он к слову начал и стиху –
Всевечное, всевременнОе.
Пока ж к финалу перейду, –
Как ни был жуток он, кошмарен,
К земле Поэта припаду,
За всё, что есть в ней – благодарен...

...Да, жизнь к нему была свирепа,
Когда взглянуть туда – во тьму,
Где шёл он улицей Алеппо,
Он – равный Богу самому.
Где, называясь хуруфитом,
О человечестве скорбел,
Где неугоден был элитам
И притворяться не умел.
Где им писались рубаи
На языке родном, газели,
В которых строки о любви –
Прекрасней соловьиной трели.
Где это имя – «Насими» –
Звучало громом и набатом...
Но как же страшно, чёрт возьми,
Жить в этом мире жутковатом,
Когда велик ты до небес
И нет тебя нигде величей,
И власти надо, чтоб исчез,
Чтоб ты исчез – таков обычай.
И будет казнь сотворена,
Которой в свете нет жесточе,
А в чём была твоя вина? –
Ты был лишь светом в этой ночи.
Ты был лишь светом в этой мгле
Средневековых битв и боен, –
Но память вечна на земле,
О том, кто вечности достоин...

ОКТАЙ МИРГАСЫМ

ЗАКОН РАВНОВЕСИЯ

Повесть

Посвящается памяти Героев,
разгадавших Секрет Равновесия равенства,
Большого и Малого. Тем же, чья доля –
тщетные и вечные поиски,
остается лишь сохранить в своем
воображении их Светлый Лик…

Высота, где располагалась огневая позиция, была окружена бронетранспортерами. Медленно и натужно перекатываясь через валуны и кочки, они как бы сжимали в кольцо продолжавшую свое обреченное сопротивление окровавленную, изнуренную, почерневшую от гари кучку бойцов, вернее, все, что от нее осталось: чудом уцелевшего лейтенанта, который почти автоматически, в полусознании пытался добить зависший прямо над ним вражеский вертолет, изрыгавший клубы черного дыма, но не переставший при этом упрямо обрушивать на вершину Холма свой смертоносный град.

Одновременно лейтенант не забывал умирающих у его ног товарищей: кого-то из них он пытался напоить последними каплями воды, кому-то могло достаться лишь его прощальное рукопожатие… При этом он не выпускал из рук полуизломанный микрофон рации:

– Сейчас меня убьют!.. Я ничего не смог… Позвони моей жене!.. Поклянись, что позвонишь!.. Скажи …я не смог защитить… Никого… И ее тоже… Не смог… Я обещал… Я так хотел вернуться… Простите меня … простите…

…К первому вертолету присоединился еще один – свежий. Его пушки работали исправно, без запинки…

…В помещении службы связи радист записывал на магнитофон голос гибнущего на далеком боевом посту товарища и, беспомощно шамкая губами и озираясь по сторонам, что-то кричал в микрофон.

Последние слова лейтенанта потонули в грохоте канонады, и его голос утих навсегда…

* * *

«…не смог… Я обещал… Я так хотел вернуться… …Простите меня… Простите…»

…Грохот, свист пуль, рев мотора…

Это были звуки уже из другого мира. Они доносились из магнитофона, стоявшего на полу у кровати…

…Медина долго, очень долго лежала без движения, не смыкая глаз.

…Простите меня… Простите…

Одет он был в парадную форму, при аксельбантах, орденах и изящной инкрустированной шпаге, предназначенной для церемоний высочайшего ранга, и стоял, преклонив колена перед дамой, сидевшей в кресле с высокой спинкой, украшенной золоченым вензелем. На ней было длинное бархатное платье идеально черного цвета с пристегнутой бледно-розовой брошью. Она молчала, приложив к заплаканному лицу белоснежный кружевной платок.

– Простите меня, сударыня. Будьте милостивы, молю вас! – продолжал молодой лейтенант…

Аншлаг…

…Публика не дышала, взволнованная необыкновенным накалом чувств, живой пульс которых был почти осязаем.

…Содрогнувшись от накатившей на нее волны презрения к себе и к той постылой лжереальности, в которой она помимо воли своей прожила только что несколько мгновений, Медина застонала – тихо, бессильно, отчаянно: ибо мгновения эти содержали в себе насильственные, оскорбительные лоск, гармонию, надежду…

…Наступила темнота.

За окном зажглись огни.

…Лицо ее было искажено горем. Лоб в морщинах. Вокруг глаз – уродливые черные подтеки. Взгляд в «никуда»…

«Он стоял на коленях!.. Боже! Не дай сойти с ума!.. Боже!.. Помоги выжить…»

…Так прошла ночь. Плач проснувшегося ребенка был сперва не слышен – только какое-то смутное ощущение, вызвавшее лишь импульсивное подрагивание кончиков пальцев. На пару мгновений пропали картинки и звуки… И сразу же пронеслось ознобом по коже, вонзилось в уши: скрежет, грохот, вой… Месиво, каша, силуэты в тумане… Особенно раздражал вертолетный винт, назойливо мельтешащий перед глазами…

…Тикали часы с нереально активно бегущими по кругу стрелками… Под звуки ливня, колотившего по крышам и окнам, нехотя пробуждался совершенно опустевший, залитый потоками воды город.

…Материнский инстинкт победил горе. Медина поднялась, одела ребенка, покормила его молча, не глядя на него, может быть, из какого-то неуместного чувства страха.

…Открыла дверь няньке, автоматически передала ей ребенка из рук в руки, прошла к дивану, свалилась на него, села, уставившись в одну точку… Нянька хотела что-то спросить, но поняв, что произошло, затряслась в рыданиях…

…Над заброшенным Холмом, где не так давно гремели звуки неравного боя, кружили птицы, внимательно разглядывая все, что там оставалось: но обнаружить что-либо, кроме обломков подбитого вертолета, им едва ли удалось бы.

…Потом пошел снег… Все вокруг стало белым и нежным. Наступила нереальная тишина… Беззвучно, деловито шныряла в лесной чаще лисица, оставляя тёмные следы на мягком белоснежном «ковре».

Мальчуган лет двенадцати, деревенский пастушок, в сопровождении лохматого пса, стараясь оставаться невидимым для людей, могущих оказаться опасными врагами, осторожно двигался меж деревьев. Его привлекала вершина Холма, где недавно грохотал бой. Он остановился, щурясь от яркого солнца и сверкающей белизны снега, приложил козырьком ко лбу ладонь и, не мигая, смотрел вдаль: вперед – в пространство и время…

…Счистив снег с портрета над могилой, Медина положила на нее скромный букет с траурной ленточкой и отошла к людям, что стояли поодаль – офицер, пара друзей, кто-то из родственников. Молла читал молитву. Вокруг могилы мужа были такие же, воинские…

…А потом снег стал падать хлопьями.

…Медина сидела перед зеркалом с ножницами в руке. То ли свет так падал, то ли наступила пора седины, но волосы ее стали подстать зиме.

«Хырч… хырч…», и локоны ее медленно опускались под ноги, и обнажилась тонкая, длинная шея, и лицо странно вытянулось. Взгляд был строгим, губы шевелились, повторяя какие-то слова. Время от времени Медина, заглядывая в листы, разложенные перед ней на трюмо, снова вскидывала взгляд, повторяя, заучивая прочитанное:

– Профессор, на ваше имя поступила экстренная корреспонденция из Гонолулу, Аддис-Абебы, Рейкьявика и Махачкалы…

…Медина надела пальто, обулась, достала из сумки портмоне, открыла его, посмотрела пару секунд на фотографию мужа. Извлекла ее из прозрачного отделения, посмотрела еще – на этот раз дольше. Глаза ее наполнились влагой, губы задрожали. Она резко перевернула фото и вставила его на прежнее место, на этот раз – тыльной стороной, преодолев тем самым начавшийся было очередной приступ отчаяния…

Сомкнув глаза, она постояла без движения пару секунд, потом отворила дверь и вышла из своего дома.

На лестничной площадке к ней бросилась соседка, как будто поджидавшая ее там и готовая к общению:

– Какое горе! Господи, помилуй нас… Мы потрясены, буквально потрясены. Мы собирались с мужем зайти… Мы хотим помочь вам…

– Спасибо, я тронута… не надо беспокоиться… Спасибо…

– Да, ваш брат приходил, – оживилась соседка. – Мы его к вам и не пустили. Сами решили его проблемы, так сказать…

Она это говорила многозначительно, с нажимом. Медина нахмурилась, опустила глаза.

– Вам разве сейчас до него?.. – продолжила соседка. – Мы обязательно зайдем… И потом, надо же, наконец, решить наши общие… вопросы…

Медина вскинула взгляд на соседку, но промолчала…

* * *

Шел снег, и Медина среди людского уличного потока была лишь частью колеблющегося, по-своему гармоничного и столь же безликого туманного месива. Подобно бревнам, сплавляемым по реке, по мостовой медленно и индеферентно двигалась вереница машин, тускло освещая перед собой снежную завесу.

Улица вывела Медину к воротам, хрупкая фигурка ее, как призрак, прошла в какую-то арку, потом лицо ее «вынырнуло» из завихрившихся снежных хлопьев, а потом она словно растворилась в новой толпе, на этот раз безмолвно застывшей в ожидании чего-то. На крыльце стоял солдат с красной повязкой на руке и по очереди, проверяя бумаги, которые ему протягивали пришедшие сюда люди, пропускал одного за другим посетителей внутрь. Здесь были, в основном, старики и женщины.

* * *

…Текли ручьи по улицам старой части Города… На деревьях вздрагивали от дуновений воздуха веточки с набухающими почками… Большие и малые птицы перелетали, порхали и скакали, создавая всеобщий галдеж и поднимая настроение людей на улице. Медина с ребенком на руках стояла на балконе и молча, прищуриваясь от солнечного света, смотрела на море. Она проговаривала про себя какой-то текст, изредка заглядывая в листок, зажатый в пальцах…

* * *

… – Ах, дорогой! Ты говорил, что я растолстела?! Хм! Так посмотри вон на ту! Ха-ха-ха!…

Глядя перед собой, Медина считывала что-то глуповатое со «шпаргалки» в микрофон. Рядом сидел взъерошенный юноша, еще двое актеров. Все в наушниках. В большом звукоизоляционном стекле отражался монитор с идущим по нему эпизодом из непритязательной американской комедии… Странно чередовалось настроение Медины: мрачная в паузах она вмиг оживлялась, хихикала, жестикулировала, произнося свой текст. Остальные всего лишь «подыгрывали».

Режиссер, жевавший за пультом резинку, подпрыгнул, сделал знак обоими большими пальцами и беззвучно зааплодировал в знак восхищения.

В коридоре, куда она вышла, направляясь к лифту, ее догнал молодой человек с огромным баулом через плечо.

– Медина-ханым! Можно вас задержать на пару минут?

– Да… Я слушаю…

– Вы прекрасно выглядите… Я хотел передать вам проект… Это мюзикл… Шоу… Почти… По-моему, может вас заинтересовать… Придумано буквально под вас…

– А… Да?.. А кто вы?

Молодой человек смутился:

– Простите… Я Рахман Меликов… мы встречались с вами… Вы меня не помните… А я… помню… И вашу гениальную дипломную…

– Простите, – прервала его Медина, – спасибо за ваше предложение… Но…

Было очевидно, что Рахман ожидал восторженной или хотя бы заинтересованной реакции и был обескуражен, натолкнувшись на равнодушие Медины. Вспомнив что-то, он поспешно перестроился:

– Да, примите соболезнования… Я… э-э-… не учел, простите…

– Спасибо… Это… Что поделаешь…

Медина молча кивнула, продолжила путь, по дороге взглянув на часы.

– Я хотел бы позвонить вам… Можно узнать номер?..

Медина остановилась:

– Знаете, я… наверное, сейчас не совсем в форме… Простите… Может, позднее… Спасибо вам… Извините…

* * *

…Села в тронувшуюся уже было маршрутку.

…Успела впорхнуть в вагон метро.

…И в кабину лифта забежала последней.

В репетиционную комнату она вошла запыхавшаяся, когда все уже сидели за столом. Шла читка пьесы. Прервались. Посмотрели на Медину подчёркнуто осуж-

дающе, раздражённо. Она неуклюже присела на кривой и скрипучий стул, уронила с шумом сумку, долго доставала листы со своим текстом, добавив шороха и к тому же развеселив кого-то из молодежи. Что-то тихо пробормотала про транспорт и пробки на дорогах, обращаясь к сидящей рядом актрисе, но та не среагировала.

«Хозяйка» строго взглянула на хихикнувшего юношу, громко, демонстративно кашлянула, вздохнула, бросила с шумом на стол ручку. («Хозяйкой» здесь называли титулованную, властную, авторитетную театральную «примадонну», которая отличалась от окружающих, помимо всего, царственной «оболочкой»: на ней был вишневый бархатный наряд с аппликациями, а на голове не менее впечатляющий золотистый тюрбан). Безобидный, по сути, инцидент с опозданием Медины был, однако, достаточно продуктивно использован для типичной театральной интриги, склоки, дающей сладостную возможность кому-то, «взобравшись наверх», потоптать и унизить «попавших под ноги».

– Э-то-не-вы-но-си-мо!!! – равномерно повышая громкость звука и тональность, музыкально исполнила «Хозяйка». – Кому смешно? А? Кому весело?.. Все те же Образы!.. Что?! Регулярно!.. Попирается!.. Театральная этика!.. Классно, не так ли?!. Мышиная жизнь!.. Раздать всем часы!.. Понимаешь… Лучше в массовке – без текста.

«Хозяйка» встала и, вымеряя комнату нарочито утяжеленными шагами, закружила вокруг стола.

Главреж Асланов, демонстративно углубившись в текст пьесы, изображал свою полную непричастность к происходящему. Красотка Зита как бы безучастно любовалась своим маникюром, не умея, однако, скрыть удовольствие от происходящего.

– Что вы вообразили? Хм… О… О театре и о собственной фигуре, так сказать… Хм!.. Боже мой!.. У меня нет слов! Выражений и… предложений! Veni – Vidi – Vici!

«Хозяйка» развела руками, выразительно сверкнув глазами в сторону Медины.

– Так! Примите извинения! – воспользовавшись непродолжительной паузой, Медина встала, обращаясь сразу ко всем собравшимся. – Я искренне огорчена тем, что из-за моего опоздания пострадала… наша работа. Примите извинения…

Асланов замотал головой, оторвавшись от пьесы, брезгливо поморщился.

– Культурные слова?! Накручиваете?! Этого мало! – не успокаивалась «Хозяйка». – У всех проблемы! У всех кто-то умер!.. Скорбили…У всех!.. Талант – нет, не у всех… Ладно, закруглили… – И снова, взорвавшись, подняла руку: – А добреньких, культурненьких, мало не видели! Вот! Много видели!

Накинув на уши свои «элегантные» очки, «Хозяйка» сходу, без объявления, возобновила читку пьесы:

– … А где он запрятал мои бусы? Пусик! Пусик! Я не пойду никуда, пока ты не вернешь мне мои розовые бусы!.. Профессор, вызовите такси…

Все собравшиеся, как по команде, устремили свои взоры на текст, лежавший перед ними…

* * *

…Лифт не работал.

Медина нажала кнопку: раз… два… Вздохнула и стала подниматься по лестнице. В обеих руках ее были сумки с покупками, и потому идти было тяжеловато. По мере ее подъема сверху стал доноситься все более отчетливо голос, декламирующий нараспев какие-то лирические стихи. Медина взглянула вверх, резко выдохнула воздух, помотала головой, стала подниматься быстрее.

На своем этаже она увидела сидящего на каких-то пыльных коробках обросшего щетиной лохматого человека в очках. Это был Сабир, ее брат. Одет он был в очень старомодную, но явно когда-то давно считавшуюся стильной одежду, потертую и выцветшую. Вставая навстречу Медине, он закачался, пробурчал «Пардон!» и улыбнулся, обнажая беззубый рот. Сабир достал из кармана полуувядшую розу и протянул ее Медине:

– Вот… Краденая, конечно, но от души…

Медина розу не взяла. Сабир стоял с улыбкой на лице и протянутой розой, равномерно покачиваясь вперед и назад. Улыбка медленно сползла с его лица, уступив место плаксивой гримасе. Из его глаз брызнули слезы:

– Прости… прости, Мединочка… Я не могу пойти на кладбище – я боюсь туда ходить… Там молла читает молитву, а я ведь… Я ведь всегда пьян… Мне стыдно… Стыдно… Я ведь еще не совсем… потерял совесть…

– Почему ты сидел здесь? Ведь в доме няня с ребенком… Пошли, пошли…

– Нет-нет-нет-нет-нет!!! – Сабир захлопал себя по щекам, по лбу: – Нет! Я не могу… осквернять твой дом. В таком виде… Знаешь, сколько времени я не купался?.. И не надо, чтобы твой сын… знал… меня… Вообще, видел… Слушай, прости меня, прости… Мне немного денег … как всегда… Совсем немного…

– Пошли в дом…

– Нет-нет-нет…

Медина вздохнула, положила покупки на пол, открыла сумочку, достала деньги:

– Вот все, что у меня есть. Бери, сколько надо… – сказала она холодно и обреченно…

Лицо Сабира сморщилось, глаза наполнились слезами. Не поднимая взгляда, он осторожно, двумя пальцами, словно стараясь соблюсти максимальный этикет, взял поочерёдно несколько купюр.

– Вот… Мне нужно вообще-то больше, но… Да, еще вот это… – Сабир достал еще купюру, – ты отдай, пожалуйста, этим… – он кивнул в сторону соседской двери, – я у них занимал однажды… Спасибо им, однако, поверь старому бродяге: они… не очень!.. Опасные они люди…

* * *

…Одна, в большом репетиционном зале с зеркальными стенами, Медина кружилась под звуки музыки, вернее, некоего музыкального ритмического «скелета», раздававшиеся из магнитофона, стоящего в углу. Перебор вариантов, корректировка собственной работы… Остановка… Вытереть полотенцем лоб и шею… Продолжить поиски… Остановиться у зеркала, найти настроение при помощи мимики, пластики руки, кисти, пальцев… Отмотать музыку назад… Отойти к окну…

А на улице – каша из машин и пешеходов…

…А потом Медина под ту же музыку, но уже с некоторым развитием, репетировала разработанные ею в одиночестве танцевальные элементы с группой детей, одетых в строгие репетиционные костюмы… Репетировала вдохновенно, увлеченно…

…На перроне станции метро было людно… Вагоны поезда проходили, набирая скорость… Медина, устроившись в углу переполненного вагона, зазубривала какой-то явно комический текст. Двое парней, обративших внимание на ее более чем необычную мимику, в ужасе переглянулись. Перехватив их взгляды, Медина отвернулась к окну, помрачнела. Почти с отвращением взглянула на свое отражение…

* * *

На галерее официального учреждения тоже стояли и двигались в разных направлениях люди. Медина была среди них…

…Офицер прочел бумаги, лежавшие перед ним. Взглянул на Медину, снова на бумаги:

– Я понимаю все прекрасно, – сказал офицер. – Вы же знаете, я занимаюсь вашим вопросом э… вот уже сколько времени… Поверьте мне… правда… очень неприятно выглядеть бюрократом… Да упокоит Всевышний душу вашего…

Медина заморгала в страхе, пытливо глядя на офицера. Пауза оказалась, однако, очень недолгой.

– Простите, – поспешил исправиться офицер. – Э… вашего супруга… Он был герой…

Медина порывисто встала из-за стола, кивнула офицеру в знак вежливого прощания. Как бы защищаясь, офицер многозначительно хлопнул рукой по лежавшим перед ним на столе бумагам:

– К сожалению, от строгости законов никуда не убежишь… Слушайте! – оживился вдруг офицер. – Вы министру писали?

– Нет, – отвечала Медина. – Но если речь идет о строгости законов, то первым их должен соблюдать министр… Знаете, есть громадное количество людей – и военных, и штатских, которые могут подтвердить… Господи! Мне так стыдно, так стыдно, мне так тяжело, что я должна доказывать… Требовать признать то, что касается только меня и моего мужа… Да, мой муж и отец моего ребенка погиб… Нет!..Все это не то… Простите!..

Медина отвернулась, направилась к двери. Офицер встал вслед за ней:

– Давайте что-то придумаем… Простите… Я понимаю, как это важно для вас… Это льготы… И для ребенка…

Медина была уже за дверью.

* * *

Транспорт на улице не двигался. Водители, приподнявшись на подножках, пытались разглядеть что-то впереди, нервозно жестикулировали и переговаривались. Пешеходы зигзагами пробирались между машин.

…По приморскому бульвару горделиво, неспеша катились фаэтоны с самодовольными и безразличными к окружающему миру пассажирами.

…Вдоль берега мчался, подскакивая на волнах, быстроходный катер…

* * *

За большим служебным столом в офисе адвокатской конторы сидел, покручиваясь вправо и влево в своем очень удобном кресле, стильно одетый и аккуратно подстриженный юрист. В руке он теребил, перекатывал китайские шарики, издававшие нежный звон. Медина сидела перед ним за приставным столиком, а напротив расположился еще один элегантный человек, который ее достаточно корректно, но откровенно разглядывал со светской сдержанной улыбкой на лице.

– Я хотела бы изложить… – начала было Медина, но хозяин кабинета остановил ее вежливым, но несколько – самую малость – фамильярным жестом:

– Прошу прощения, это вы успеете… Кофе, чай?

– Спасибо, не хочу.

– Тогда кофе… – Он нажал на кнопку селектора. – Элла, пожалуйста, самый лучший кофе… Знаете, Медина-ханым, не каждый день к нам заглядывают такие уважаемые и… очаровательные посетители. Так позвольте нам как-то выразить наше э-э… ликование… Да! Недавно я видел вас в программе… этой, как ее, ну, Риад, подскажи…

Риад, его товарищ, сидевший напротив Медины, прищурившись, пытался что-то вспомнить. Медина молчала, не желая помочь высказаться о себе в лестной форме.

– Спасибо… Я бы хотела, если можно… – начала было Медина, но тот снова ее прервал:

– Да! Эта… ну… Господи! Да!.. Диалог о жанрах и стилях. Так примерно… Так вы там, ну, просто гениально показали пантомиму и, позвольте поздравить, очень толково оспорили одного профессора, театроведа… Я просто не могу забыть… Такая элегантная, яркая! Звезда жанра и – «Бац!» этого академика по башке! Все наши просто влюбились! Помнишь, да, Риад? – адвокат встал и попытался изобразить, как это было на экране телевизора: – Он сидел вначале в середине, вот тут… С указкой. И какие-то макеты показывал, а она… простите… Медина-ханым была с краю. Ха! А потом вот так это все развернулось, и ее… Простите… Вас только и стал режиссер показывать. В общем, браво!.. – адвокат с задумчивой улыбкой поглядел на Медину и добавил как бы про себя: – Потрясающая…

– Я не хотела бы отнимать у вас время. Суть моего вопроса… – опять начала Медина.

– Извините, Медина-ханым, я подробно просмотрел ваши бумаги и все очень ясно представляю. Все зависит в вашем деле, как, собственно, и во всяком, от трактовки, понимаете? Это, как говорится, наша забота, но у вас мало свидетельского материала – соседи, родственники, коллеги…

– Я бы как раз… Это в моем случае неприемлемо…

– Почему?.. – Адвокат мгновенно сообразил и, не дав паузе затянуться, продолжил: – Понимаю. И полностью одобряю… Тайна частной информации… Знаете, у вас очень нетипичный случай какой-то… Правда, Риад? Такая актриса, звезда… – Адвокат сделал выразительный поясняющий жест в воздухе. – И офицер… герой, погибший на войне… Нетипично… Несовременно, понимаете, не богемно, что ли…

Медина испытующе смотрела на адвоката, готовая встать и выйти из кабинета, и он, почувствовав это, поспешил исправиться:

– Я имею в виду, в их глазах. Они, знаете, инерционные люди, бюрократы… солдафоны… штабные крысы… В некоторых случаях небескорыстные… Они привыкли видеть таких… талантливых девушек, как вы, рядом с олигархами…

Медина встала.

– Спасибо. Мне пора, – сухо бросила она и направилась к выходу…

…Она поднималась по извилистой улочке в безлюдной части города, направляясь к стоящей на возвышении небольшой старинной мечети.

Во дворике мечети молла возился с растениями – разрыхлял землю, удалял пробивающиеся ростки сорняков. При этом он напевал себе под нос какую-то песенку, иногда переходя почему-то на шепот, хотя никого рядом не было, кроме нахохлившихся на пробуждающихся к жизни ветках тутовника воробьев. Вязаная шапка на голове и выцветший форменный китель. Молла выглядел странно…

Скрипнула калитка, и во двор заглянула Медина.

– Простите, сестра… – засуетился молла. – Я сейчас…

Он отряхнул руки, указал Медине, куда надо идти, и заторопился в подсобку, где висела его верхняя, «представительская» одежда…

Молла сильно прихрамывал, и лицо его было испещрено глубокими шрамами, делавшими его красивую от природы внешность несколько устрашающей…

…Они сидели в аккуратно, но небогато обставленном просторном помещении с высоким потолком, где гулким, но «нежным» эхом отзывались все звуки – шаги, речь, дребезжание оконных стекол…

– Я вас помню… – сказал молла. – Как поживаете?.. Как ваш супруг?..

И осекся, увидев появившееся и мгновенно закрепившееся на лице Медины выражение какого-то бесконечного одиночества и беспомощности. Да и черный платок, накинутый ею на голову, означал явно не только ее почтительное отношение к этому месту. Молла, к тому же, был, видимо, чувствительным человеком вообще. Это становилось ясно по тому, как он смотрел: какая-то особая сила пробивалась из-под его слегка нахмуренных бровей. Уже не сомневаясь в уместности своих слов, он сказал:

– Да упокоит Всевышний душу его…

Молла налил Медине чай, пододвинул к ней сахарницу, лимон… Вежливым жестом как бы пригласил ее к чаепитию.

– Я прочту молитву… Я помню, он был офицер… – Молла помолчал, покивал головой, наверное, вспоминая детали. Потом продолжил: – Он… погиб… там?..

Медина кивнула.

– Да, я вспоминаю его… – продолжал молла. – Жаль… Вы не взяли свои брачные бумаги, торопились, сказали, зайдете потом… Помню, он должен был возвращаться туда… На фронт… Спешил очень… Вы хотите взять свои документы о регистрации?..

Медина снова кивнула. Молла наклонил голову в задумчивости, потом встал и, уже проходя к шкафу, где хранились документы, сказал:

– Я понимаю… Требуется подтверждение официальности вашего… простите, брака… А гражданского оформления нет… И есть ребенок?

Медина опять молча кивнула. В глазах ее были слезы, но она смотрела на моллу с благодарностью и надеждой.

– Вы думаете, бумаги из мечети могут быть заменой? – спросил молла. – Дай Бог… Отнесите их, попробуйте… Да… Это все несправедливо… – Молла помолчал, потом, усмехнувшись, продолжал: – А ты, наверное, ищешь справедливость, да?.. Или ждешь ее чудесного проявления?.. Не теряй времени, сестра… Я не хотел бы быть назойливым и с умным видом цитировать известные слова пророков и мудрецов, выдавая себя за грамотея, но, воистину, тот возрадуется, кто живет по справедливости! А не ждет ее от других!

Он передал ей свернутый трубочкой документ с тесемкой и печатью, помолчал, потом вдруг улыбнулся и перешел почему-то на шепот:

– Между нами говоря, это моя собственная фраза. Ниоткуда я ее не вычитал! Понравилась?

Молла добродушно и дружелюбно подмигнул Медине. Она, принимая его теплый и корректный юмор, улыбнулась в ответ…Он вдруг посерьезнел и зашептал еще тише:

– Никому не говори, сестра, а то меня отовсюду выгонят, но справедливости нет во-об-ще! Я лично ее не видел… Но тоже искал одно время… Ты понимаешь, справедливость невозможно найти, поскольку их много, этих «Справедливостей»! У каждого – своя! И все разные…

* * *

…Ребенок плакал над развалившейся пирамидой из кубиков, а Медина пыталась успокоить его, разыгрывая нехитрую сценку с участием единственного персонажа – лохматого безухого медвежонка…

Малыш успокоился, заверещал, всхлипнул и… улыбнулся.

Заголосил чайник на кухне…

По телевизору торжественно объявили о начале нового шоу…

За окном послышались шум и крики: молодежь спешила куда-то с развевающимися флагами в руках…

Над высокими домами пронесся вертолет, разбрасывающий пестрые бумаги, рекламные плакаты…

* * *

– Вот! Это подлинник... Это – копия. Больше у меня нет ни одной справки для подтверждения того… что… так сказать… требуется…

Медина положила на стол бумаги, полученные в мечети, и продолжила:

– …Этого нет, потому что он спешил на фронт и не мог ждать… И никто не знал, чем все кончится… Он был не на прогулке, а на войне…

Офицер, занимавшийся документами, развел руками, пожал плечами, вздохнул несколько демонстративно…

* * *

…На сцене театра проходила генеральная репетиция.

«Хозяйка» в пышном платье и меховой горжетке восседала на возвышении с испанским веером в руке. Над ее головой под торжественную музыку вставало «солнце», и сцена заливалась светом. Из-за кулис появилась восторженная массовка с букетами, разноцветными лентами и надувными шарами.

В зале сидел главреж Асланов и еще несколько человек. Асланов блаженно улыбался, довольный эпическим подъемом и красочностью происходившего на сцене.

Из массовки, не без труда пробившись среди толпы на передний план и теряя по дороге детали своего сценического костюма, выступала Медина, олицетворявшая некий «глас народа», его, так сказать, «прогрессивную прослойку». При этом она достаточно суетливо подбирала по мере своего прохода какие-то части одежды, что спадали с нее, тем самым снижая пафос сцены. Статисты хихикали, Асланов раздраженно развёл руками, встал, снова плюхнулся в кресло… Музыка притихла… Медина начала свой монолог:

– Здесь, перед народом, перед всеми, кто ждет немедленного исполнения ваших обещаний уже не первый год, мы требуем, чтобы…

Взвизгнула фонограмма в динамиках, заглушив голоса.

Асланов, слушавший Медину с нескрываемым раздражением, прошептал что-то явно непечатное. Наступила снова тишина, и Медина продолжила свой монолог, стараясь при этом не дать окончательно развалиться своей одежде. Зита, находившаяся позади нее в толпе, планомерно стягивала, накручивая на руку, тесемки, поддерживающие костюм Медины, стараясь делать это незаметно. Стоявший рядом с Зитой молодой актер усмехнулся, заметив ее действия, и Зита подмигнула ему: по-заговорщицки, доверительно.

Медина не успела закончить монолог, поскольку, резко оборвав его эффектную концовку, вступила фонограмма, и началось круговое движение толпы в сопровождении хора.

Асланов, бормоча что-то себе под нос, бессмысленно перелистывал текст. Массовка дружно веселилась.

«Хозяйка» на своем троне нервозно замахала веером, сделала знаки Асланову, тот что-то выкрикнул, задергался…

Медина поспешила раствориться в массовке. Костюм ее еле держался, лишенный каких-то важных деталей, которые она нашла в углу на сваленных декорациях.

За кулисами, расталкивая ассистентов и снующих с костюмами и деталями оформления рабочих, «Хозяйка» пробивалась по направлению к своей гримерной.

– Театр убивает слабых! – выкрикивала она. – Он их ненавидит! Люто ненавидит! Не каждый способен выжить! Чистка идет, понятно! У-ух!!! Сила нужна!.. Мифы, сказки о каких-то там… когда-то там…талантах…Фу!.. Не проходят!.. Силы нет? До свидания!.. – проходя мимо Медины, «Хозяйка» повторила, подняв над головой кулак и задержавшись на мгновение: – У-ух, сила! Манная каша умирает! – потом она прошла вперед, демонстративно обернулась и закончила, ударив себя в грудь. – Театр – киллер! Меня тоже хотел убить! Но у меня бронежилет!

Эффектный выкрик насчет «бронежилета» был подпорчен аплодисментами Медины:

– Браво! Прекрасный военно-спортивный инструктаж! Прекрасная школа! Браво! Бои без правил… без чести, без…

«Хозяйка» внезапно обернувшись, вышла на свет из темноты и набросилась на Медину:

– Ты! Наглая! Да сожри ты свой закаканный юмор! Юмором?! На меня?! Бездарь! Всех уже довела! Вот как довела! Откуда она приползла?!. В наш театр?! Это…ничтожество?!.

Медина оторопело молчала. Не было в ней страха и даже ненависти. Только брезгливость и сожаление.

Это еще больше взбесило «Хозяйку». Не найдя ничего лучшего, она просто замахала кулаком перед носом Медины:

– Знаешь, что я сделаю?! Не знаешь?!. Ты сорвала нам репетицию! И еще выступаешь?!. Тварь!.. И что ты за насекомое существо, чтоб на меня …выпукливаться?!.

Медина молча смотрела на «Хозяйку». Вытесняя презрение и брезгливость, на лице её вдруг появились какие-то едва заметные, совершенно неуместные, недопустимые, сумасшедшие чёрточки любопытства… И сочувствия, может быть…

…Медина шла по безлюдному коридору, направляясь в его конец, где на большой дубовой двери едва заметно поблескивала бронзовая табличка, а по бокам располагались две одинаковые бутафорные пальмы. Одна из дверей по ходу Медины была приоткрыта, и из нее раздался голос:

– Привет! Постой, минуточку…

Вылетев из двери, Медину обняла молодая женщина, обвешанная телефонами, очками и пластиковыми табличками:

– Как ты? Воюешь, слышала…

Медина усмехнулась:

– Понимаю… Новая тема для любителей острых ощущений… Чепуха, не бери в голову…

– Ну, держись… Тут тебя искали… Я записала… Просили позвонить: раз, два… В общем, много… У тебя сотовый все время отключен…Вот, бери…

Рая протянула Медине несколько листков с именами.

– Спасибо, Рая… Я пошла… У тебя все хорошо?

Рая кивнула:

– Слава Богу… Да, еще тут тебя Фуад спрашивал: звонил, потом заходил, тебя искал…Ну, этот..бывший музредактор…

Медина нахмурилась, вспоминая что-то, вздохнула, пожимая плечами.

– Он такой респектабельный, – добавила Рая, улыбаясь. – Да ладно тебе…

Медина кивнула рассеянно, пыталась продолжить путь, но Рая снова ее остановила:

– Слушай. Медина… Что ты потеряла в этом зверинце, а? Ведь океан работы кругом… Океан! Выбирай на вкус… Ну, вот реклама тебя ищет… Ты везде свою копейку заработаешь… А здесь… Не дадут тебе они покоя… Здесь – так уж повелось. Такой нам… ну… номер выпал: правдоискателям, вроде тебя, здесь не место…

Медина улыбнулась в ответ и, подняв к потолку указательный палец, высокопарно процитировала:

– Воистину, тот возрадуется, кто живет по справедливости! А не ждет ее от других!.. Это не я придумала. Это… О-о!.. Вот так… – Медина многозначительно покивала головой, выразительно поджав губы, а потом вдруг рассмеялась: – А теперь пойдем искать справедливость…

Помахала рукой Рае. Та с улыбкой смотрела ей вслед. Медина прошла несколько шагов, остановилась и неожиданно, крутанувшись на месте, сделала экстравагантное комичное «па» из какого-то танцевального номера. Улыбнулась Рае. Потом, посерьезнев, сказала:

– Не все же звери. Есть, например, неплохие люди, вроде тебя. Как я могу их бросить? А?.. И ещё, знаешь, я боюсь в машину превратиться… – Помолчав, она добавила уже с некоторой горечью: – Знаешь, Рая, кроме всего прочего, я ведь люблю свою работу…И кое-что умею…

…Медина открыла дверь приемной, вошла в нее. Никого не обнаружив, подошла к двери с табличкой: «Асланов». Приоткрыла ее, заглянула внутрь: там было пусто и тихо – только какие-то шорохи. Медина кашлянула. И мгновенно в просветах между пальмами, где стоял диван, возникло оживленное движение: мелькнули торс Асланова, потом его разрумянившееся лицо и, наконец, дамские ноги в черных колготках. Раздался звон упавшего бокала.

– Я ре-пе-ти-рую! – проревел Асланов. – А вы дверь выламываете!

Медина, ни на секунду не задерживаясь, вышла из кабинета, резко захлопнув за собой дверь, и быстро направилась к выходу в коридор. Там она остановилась, опершись затылком о дверь, вздохнула, брезгливо поморщилась, снова вздохнула. Вернувшись в приемную, вынула из сумки лист бумаги, положила на стол секретарше…

…Медина торопливо спускалась по лестнице…

…Асланов «приводил себя в порядок» и ворчливо бубнил, обращаясь к молодой актрисе, сидевшей на диване:

– Я же сто раз говорил: вошла – запри дверь… Золотое правило… Кругом ведь столько недоброжелателей, интриганов…

* * *

…Медина взяла ребенка у няни, ожидавшей ее у своего подъезда…

…Прорвалась сквозь поток бесцеремонно пробивающихся в пробке машин…

…Влившись в колышущуюся толпу, вошла в метро…

…вышла из лифта на своем этаже…

…Поднялась, стала открывать дверь…

Соседка, в очередной раз поджидавшая ее у себя за дверью, вышла на площадку и бросилась с ней обниматься.

– Это вам, – соседка сунула Медине под мышку коробку конфет. – А это вашему чудесному малышу. Тю-тю-тю!.. Ты моя прелесть…

Игрушку ребенок взял и тут же уронил. Соседка, подбирая ее, спешила договориться с Мединой о встрече:

– Когда мы сможем зайти к вам?

– Спасибо… – рассеянно среагировала Медина, стараясь открыть второй замок, который не очень-то поддавался. – А… Да… Вы насчет этого… Так я же вам говорила… К тому же я так в последнее время занята, просто адски…

– Нам надо поговорить… Наконец всерьез и окончательно.

Медина непонимающе вскинула взгляд на соседку.

– Да, – продолжала та, – мы хотели бы… Впрочем, муж все вам расскажет. Вы только назначьте время…

– Пожалуйста, но мне ничего не надо, я не заинтересована…

– У нас новые идеи, так сказать… Можно зайти завтра утром?

Медина испытующе взглянула на соседку, пожала плечами:

– Ну… хорошо… Заходите…

…Ребенок возился на ковре с игрушками. Медина говорила по телефону, держа перед глазами листки, взятые у Раи:

– Я Медина. Меня просили позво… Да… А, да, я знаю… А когда?.. Ладно, я подумаю… Сколько?.. Нет, не мало, конечно… Просто я не планировала… в этом направлении… Хорошо, звоните…

Набрала новый номер:

– Добрый вечер. Я Медина. Меня про… А, это вы…

И снова:

– …Меня просили поз…

– …Да, можете звонить по тому же но…

– Я Медина…

…Ребенок спал, свернувшись калачиком и обняв своего медвежонка…

В открытое окно залетал ветерок, приводя в трепет занавески и вращая висящую на люстре картонную птицу.

С улицы доносились сонные гудки машин и частые, суетливые звуки пробивания в пробке: усталый рывок – торможение – рывок…

…Смена огня светофора – заколыхался тупой и беспомощный поток автомобилей: впереди – «свобода»…

– Я Медина…

Она стояла перед зеркалом:

– …Я Медина (строго).

– …Я Медина (добродушно).

– …Я Медина (дурашливо).

– …Я Ме-ди-и-на!!! (устрашающе).

– …Я Медина (плаксиво).

…Еще плаксивее… И еще более плаксиво… И заплакала: задрожали губы, затрясся подбородок… Из глаз хлынули слезы.

…Зажмурилась, закрыла лицо ладонями…И услышала откуда-то издалека барабанную дробь – робкую, нежную…

Перед глазами ярко и красочно возник Холм, покрытый маками. Красный-краснющий-алый. Ветер погнал на него туман, и он исчез в молочной дымке…

* * *

– Мы вам предоставим любую квартиру, которую вы только пожелаете… Лучшую, чем эта. Соглашайтесь… Мы должны купить рояль. Его некуда ставить. У нашей дочери хорошие данные. Вы заходите, послушайте ее и сами убедитесь, – говорила соседка. – Ну, не упрямьтесь… Хороший, теплый, дружеский разговор…

Соседка с мужем уговаривали Медину, сидя у нее за столом и не прикоснувшись к чаю, что стоял перед ними. Медина слушала их, опустив голову.

– Вы понимаете, что это всего лишь эгоизм, – говорил муж. – Знаете, дело даже не в рояле. Нам надо расширяться, у нас большая семья… И есть возможности… Хотите деньги – пожалуйста, обмен – тоже пожалуйста. Подберем что-то совсем недалеко от вашего театра. Соглашайтесь – выиграете. Откажете – ничего хорошего не обещаю.

– Мне нелегко, очень нелегко сделать то, что вы предлагаете… – отвечала Медина, не поднимая глаз, испытывая при этом смущение. – Я стараюсь вас понять, но… Я родилась и выросла здесь… Здесь я стала матерью… Здесь я видела ласку и любовь своих близких… Все, что у меня есть, это мой дом…

Сосед всплеснул руками:

– У вас какие-то пещерные аргументы, клянусь. Поверьте, люди переезжают на другой конец света и ничего, не страдают. Некоторых вынуждают, так сказать, обстоятельства…

Жена поспешила укрепить наступательную «логику»:

– Знаете, когда с соседями не уживаешься, жизнь превращается в ад. С соседями надо дружить…

– Вы мне угрожаете? – спросила Медина.

Сосед многозначительно помотал головой, вздохнул, встал из-за стола. Вслед за ним встала и его жена:

– Мы не угрожаем, дорогая, – с нажимом проговорила она. – Мы просто привыкли во всем доходить до конца.

* * *

…На очень перегруженном соединении нескольких улиц царили обычный хаос и гвалт. В центре перекрестка располагался сквер – чудом уцелевший крохотный «островок покоя», в котором также наблюдался перебор: мамаши, няни и дети теснили друг друга в борьбе за место для игры, сидения на скамеечке, рисования на асфальте, езды на роликах, велосипедах, колясках…

…Автомобили и автобусы-маршрутки шли на минимальном расстоянии друг от друга и потому сквер со всех сторон смотрелся будто через движущуюся, колышу-

щуюся сетку. Изредка в просветах между машинами возникала относительная тишина, и тогда на смену гудению и реву транспорта на какие-то мгновения доносились ласкающие ухо звуки: смех, детские голоса, пение, фрагменты музыки и, разумеется, обрывки мобильно-телефонных переговоров. Там и тут мелькали снующие, лениво восседающие, деловито жестикулирующие абоненты различных телефонных компаний. Голоса их, смешиваясь, составляли некий звуковой коктейль, нервозную путаницу слов, междометий и восклицаний, не несших определенной информации.

– Вот, наконец, дозвонился… Жду, как ты и сказала, в сквере… Я тебя увижу… Я ближе к углу…

Это был Фуад – человек лет сорока пяти, крепкого сложения, загорелый, одетый, скорее, по-фермерски, чем в городском стиле.

– Я уже иду… Да, спасибо… Простите, что опоздала… Понятно, это нормально… – отвечала ему Медина, спешившая на встречу в потоке пешеходов.

…Медина отыскала в сквере своего ребенка с няней, бросилась к нему, присела, обняла его. Малыш рассиялся, увидев мать.

Почувствовав на себе взгляд, Медина оглянулась, неторопливо встала и сдержанно улыбнулась Фуаду, который уже стоял за ее спиной.

Няня не без любопытства наблюдала за ними, собирая малыша.

…Надо было о чем-то говорить – молчание слишком затянулось.

– Как дела? – спросила Медина.

– Нормально. «Файн», – усмехнулся Фуад, оценивая некоторую натянутость ситуации.

Медина, окинув взглядом Фуада с ног до головы, вежливо заметила:

– Ваш облик изменился… Интересно… Наверное, вы, как говорится, поменяли род занятий?

– Ничего сверхдраматичного, пожалуй, не случилось… Я продолжаю чуть-чуть сочинять… нечасто, но сижу за инструментом… Книги читаю… Просто… нигде не служу, как это было раньше… Ты говоришь на «вы», чтобы подчеркнуть расстояние, что нас разделяет?

Ребенок позвал Медину, явно подталкиваемый няней.

– Извините, я должна взять ребенка… – проговорила Медина, забирая малыша у няни.

…Они ехали в машине Фуада по перегруженной улице города. Малыш выщипывал шерсть у мохнатого медвежонка, сидя на заднем сидении.

Преодолев очередную помеху, Фуад нашел более или менее свободный ряд, повел машину более спокойно.

– Расстояние между нами всегда было… Это расстояние имеет специальное название – «недоверие»… Общий психологический дефект эпохи… – После некоторой паузы Фуад продолжил: – Ты молчишь… намеренно… Чтобы загнать меня в тупик…

Проехали еще некоторое время молча.

– Ситуация простая, – вдруг оживился Фуад, припарковываясь у тротуара. – В свое время ты меня отвергла по причине отсутствия чувств… Твой муж погиб — искренне скорблю… был на похоронах, но ты меня не видела… Теперь расстояние между нами – всего лишь сорок один километр. Это очень немного… Вот мой телефон… Я фермер… И я могу стать счастливым фермером… Подумай… Я бываю в театре и вижу… Тебе там не место…

Фуад протянул Медине листок со своим телефоном. Собирался завести машину и ехать дальше, но Медина остановила его:

– Мы здесь сойдем… Спасибо… Я не знаю, смогу ли я позвонить. Но… я вам благодарна… Тебе благодарна…

– Можешь не звонить… Я сам приду.

* * *

…В студийной гримерной, где Медину готовили к фотопробам и последующим съемкам, продюсер в деловито-функциональной манере объяснял условия работы, расхаживая за спиной Медины и абсолютно не глядя на нее. Она же следила за его движениями через зеркало, в то время, как над ней трудились гримеры, и переводила при этом свой взгляд то вправо, то влево.

– …Рекламируем свадебные платья и аксессуары. Различные модели, различные социальные группы, различные ситуации, состояния, лейтмотивы, этно-региональные особенности, позы…

По мере того, как он говорил, Медина от очень заинтересованно-серьезного состояния постепенно переходила к комически-испуганному. При слове «позы» она вздрогнула и заморгала глазами. Гример улыбнулся, оценивая ее юмор.

Продюсер продолжал, не останавливаясь:

– Наиболее авторитетные компании, как-то: «Бутик-А», «Прима», «Эс-ай-клаб», «Космик чаршы» и другие. Два съемочных дня. Плата – пятьсот условных единиц. После грима – пробы. А – утверждение, Б – неутверждение. В случае утверждения – запись. Спасибо. Если есть вопросы, буду счастлив ответить.

– Ваффофоф меп! – не размыкая губ, поскольку гримирование на данной стадии не позволяло это сделать, ответила Медина. При нормальном произношении это означало бы «Вопросов нет!»

…Пока в павильоне устанавливали свет и съемочную аппаратуру, приводили в порядок декорацию, Медина сидела в «предбаннике» с Рахманом Меликовым, который принес очередной сценарий и читал ей куски из него. Медина была одета в подвенечное платье с пышной кружевной юбкой, белые перчатки до локтей, белые колготки и белые туфельки с колокольчиками на носках – эдакая невеста-клоунесса. Щеки ее были ярко накрашены румянами. Брови смыкались на переносице. На правой щеке красовалась черная родинка.

– Знаете, Рахман, мне очень неловко, но я не могу быть внимательной сейчас, в этом наряде и перед этой съемкой.

– У вас потрясающий вид… Им повезло… Простите за шутку, но я им завидую, – улыбнулся Рахман. – Вы позволите мне побыть здесь, с вами?

…Съемка проходила в бешеном темпе, без лишних дублей. Сменялись партнеры, сменялись костюмы, как и обещал продюсер: принцесса, восточная красавица, крестьянка, даже старушка, справляющая золотую свадьбу…

…По окончании съемки все быстро собирали аппаратуру, реквизит и костюмы и куда-то бегом уносили. Разгримировываться Медине пришлось самой. Выйдя из гримерной, она увидела лишь Рахмана, поджидавшего ее.

Она набрала несколько раз номера ассистентов, продюсера, но тщетно.

– Странно, – пожала плечами Медина.

– Что… странно? – спросил Рахман.

– Ничего не сказали… Когда будет следующая съемка… Ничего не понимаю…

– Какая… следующая? – пробормотал Рахман.

– Ну, они же сказали – два дня.

Рахман задумался, смущенно опустил голову. Потом взглянул на Медину и, набравшись смелости, сказал:

– Они тебя надули, Медина… По-моему…

– Что?!

– Они все уехали в аэропорт. У них билеты в Стамбул… И они все сняли. За один день… И ничего не заплатили, да?.. Я э… этого не знал, и ты мне не сказала… прости… Я, дурак, должен был догадаться… Теперь мне понятно, почему они мне сразу не понравились…

– Теперь и мне понятно, – всплеснула руками Медина, – почему ты ко мне с ножом к горлу пристал! Ха-ха! Да потому что ты такое же безмозглое и наивное создание, как и я! Какая прелесть! А я то думаю, чего это он со своим шоу от меня ни на шаг…

Медина расхохоталась, присела на громадный трон, стоявший у стены.

В студии не было никого, кроме них, и они могли свободно смеяться и кричать.

– Я согласна! – выкрикнула, вставая с трона Медина. – Давай свой сценарий, брат! Я буду его читать!.. Пошли…

Они шли по длинному, темному коридору, скорее, туннелю, по направлению к светящемуся выходу, на фоне которого их силуэты странно, дико деформировались, а голоса и шаги отзывались эхом.

– Вы понимаете, коллега, – манерно жестикулируя и подскакивая на ходу, говорила Медина, – мне просто очень любопытно, понимаете, ну, очень-очень интересно, чем же закончится эта моя тупая и невезучая жизнь… Мне совершенно уже неинтересны эти пятьсот долларов, хотя я… хм… не миллионерша, так сказать… Мне просто… Ты… ты… – голос Медины дрогнул. Она остановилась, вся сжалась, фигура ее стала вдруг еще более хрупкой и как бы неустойчивой. – Ты… понимаешь? Как больно, когда одурачивают?.. Когда тают узоры на стекле?..

– Понимаю, – ответил Рахман и осекся.

– Ну объясни мне, скажи, как я должна жить, чтобы не сыпались на меня эти камни. Кем я должна быть, чтобы защитить себя… Ну, скажи!

– Я не знаю… Я не понимаю! Мне кажется, что ты – ангел! Я не знаю никого, кто так же талантлив, как ты! Тебя даже не портит излишне старомодное… целомудрие… За это тебе причитается большая… награда… Наверное, ты ее когда-нибудь получишь… Тьфу… Что за бред!.. Прости… Тебе за все причитается… гигантская награда… Гигантская!.. И я уверен… ты ее дождешься…

Медина помолчала, пытливо, в упор глядя в глаза Рахмана… вздохнула.

– Фантазии… утешительные фантазии юного романтика… Но, все равно, спасибо, – сказала она. – Твоя… э-э… психотерапия, наверное… нам не помешает.

Медина провела ладонью по лицу, как бы вместе с последней слезой смахивая остатки уныния, и постаралась улыбнуться.

Однако даже самый высокий уровень мастерства не способен скрыть под своим сусальным блеском горечь особого сорта. Ту, что поселившись однажды в некоторых глубинах, никогда и никому не уступает своих позиций.

…Медина озвучивала какую-то неуклюжую облезлую утку в мультфильме: крякала, тяжело дышала, неуклюже переплывая бурную реку, верещала над своими беззащитными утятами…

В режиссерской кабине царило ликование. Все сияли, восхищаясь игрой Медины, поздравляли ее, когда она, закончив работу, вышла в микшерскую.

– Зубы не заговаривайте! – остановила режиссера Медина. – Работа сделана – деньги на бочку! Наступили новые времена….

* * *

…Город был освещен ярким летним солнцем… В воздухе стояла громадная всеохватывающая пыльная завеса… С высоты огромных строящихся многоэтажек машины и пешеходы, лениво передвигавшиеся в своем «броуновском» месиве, выглядели крохотными. Звуки города, соединяясь друг с другом, составляли не самую благозвучную мелодию… Доминировали в этом своеобразном «звукозрительном сумбуре» металлический скрежет строительных кранов, оглушительные удары многотонных гигантских гидравлических агрегатов, сварливые голоса регулировщиков движения и прорабов, ведущих перекрестные взаимоисключающие мегафонные переговоры, нагловатые электронные сирены и клаксоны, да перебивающие друг друга песенки от целого скопища непритязательных торговцев музыкальными новинками, сопровождавшие картину нереалистически бурного транспортно-людского потока…

…Вместе с толпой Медина вышла из метро на ярко освещенную фонарями улицу. Встретила няню с малышом, заметно подросшим, научившимся уже ходить… Взяла ребенка, пошла в парк…

Там под зонтиком кафе покормила его… покатала на аттракционе…

Зазвонил мобильный телефон.

– Да… здравствуй. Да, я около причала… хорошо, жду…

На горизонте, там, где начиналась бухта, странно мигали, передвигаясь, большие и малые огоньки. Доносились звуки невидимых старомодных судов…

…Встретились с Рахманом… Постояли молча… Рахман хотел взять на руки ребенка, Медина не дала…

– …Ты говорила, что прочтешь сценарий, – сказал Рахман. – Вот, возьми… Или я потом дам… Может, посидим в кафе?

Медина испытующе взглянула на Рахмана… Помолчали…

– Сценарий я возьму. Почитаю… Раз сказала, значит, возьму… Знаешь, если у тебя серьезная работа, я не советую меня привлекать: у меня вот здесь пусто. – Медина приложила палец к сердцу. – Полный вакуум… Так, техническую работу или какую-нибудь дурацкую я могу… А серьезную – вряд ли… – Медина помолчала, потом взглянула на Рахмана с тоской и апатией: – И еще вот что, друг мой: если ты решил за мной приударить, то я должна тебе сказать со всей прямотой: я… – тут голос Медины дрогнул, она перевела дыхание и продолжила в сильнейшем волнении: – Я, Рахман, не бесхозная баба!.. Я… вдова офицера!.. Понятно?!..

…Они сидели в парке. Ветер с шумом трепал края зонтика над их головой. Прямо у их ног истошно мяукал кот.

– Знаешь, – продолжала Медина, – я не хочу, чтобы ты запутался в этой истории: не думай, что у меня богатый опыт, но некоторые истины даже мне известны. Вы, мужчины, свои планы строите, не согласовывая их с противоположной стороной, так сказать… Вы романтичны и наивны… Честные люди не должны затягивать друг друга в омут… Тьфу! Куда это меня потянуло?! Стыд какой!..

Рахман все это слушал, опустив голову и боясь взглянуть на Медину. Возникшая пауза могла оказаться особенно тягостной, если бы не промчавшаяся мимо кафе стайка подростков на роликовых коньках.

– Я дура… – пробормотала Медина.

– Ты прекрасна! – с открытой улыбкой тихо сказал Рахман. – И, понятно, ты не дура… Но… насчет моих планов ты ошиблась – я их не строил, они сами возникли, как сказочный сон… Такой симпатичный бред… Я прожил самые счастливые дни своей жизни с этими планами… И сегодня ты их хочешь перечеркнуть… Ну, что ж… Я… даже благодарен… Пора просыпаться…

…Они шли по безлюдной улице мимо освещенных витрин. Рахман держал на руках спящего малыша, которого он нехотя передал Медине, когда они дошли до её подъезда.

– Я готов быть тенью около тебя, – тихо сказал Рахман. – Я готов исчезнуть, если так надо… Я на все готов.

Медина взяла сценарий, торчавший из кармана Рахмановой куртки:

– Спасибо… Ты очень помог мне…

...Медина поднялась на свой этаж со спящим ребенком на руках, достала ключ и отворила дверь. Потянула дверь на себя, и в этот же миг откуда-то сверху на нее посыпался какой-то мусор: скомканные газеты, картофельная шелуха, пластиковые бутылки и картонные коробки. Инстинктивно прикрыв голову ребенка, Медина дождалась, когда странный обвал прекратится и, недолго поразмыслив, подошла к двери соседей и нажала кнопку звонка. Подождала и снова нажала. За дверью послышался шорох, в окуляре «глазка» что-то мелькнуло.

– Я не согласна! – крикнула Медина. – Я остаюсь здесь! Это мой дом, а вы плывите в дальние страны…

Зашла в квартиру, уложила малыша… Села на диван… Дышать стало трудно, но она крепко сжала кулачки… И не расплакалась…

Включила телевизор, поставила на плиту чайник… Принялась мыть посуду.

Звуки, раздававшиеся из телевизора, привлекли ее внимание. Она обернулась и увидела мультфильм про облезлую утку в сопровождении собственного голоса.

– Фу, гадость! – буркнула она и рассмеялась…

* * *

...Закончился спектакль. На сцену направили полный свет. Артисты выходили на поклоны согласно поставленной схеме, но при этом суетливо расталкивая друг друга. «Хозяйка» была в центре внимания... Медина, постепенно оттесненная, оказалась на заднем плане. Помешкав, ушла за кулисы. Передний план сиял ослепительными улыбками...

– Я не понял, – проговорил Асланов, пробежав глазами бумагу. – Это здесь вот уже сколько времени лежит. А передали мне только вчера. Это что, шутка?

– Нет, конечно, – отвечала Медина, сидевшая перед ним в его кабинете. – Я переутомилась. Это раз. Два – у меня есть некоторые, так сказать, частные проблемы... Третье: мой уход в кратковременный отпуск... – я там пишу, кстати: «на свое содержание» – не наносит ущерба театру, поскольку занята я в ролях на уровне между массовкой и «Кушать подано». Так что... вот... Кроме того, меня тут ...на фестиваль приглашают... Съемки у меня скоро...

– Вот-вот! – Асланов встал и заходил по кабинету. – Так и скажи! Не родной тебе наш театр! Чужая ты здесь... Случайный ты здесь человек. Вот что я тебе скажу. Дешевую славу полюбила... Фестиваль… Понимаешь...

– Да нет никакого фестиваля!.. Я это так… нафантазировала, – усмехнулась с горечью Медина. – Дело в другом: я не могу понять, меня как будто все время в чем-то обвиняют... И вы прекрасно знаете, что...

Асланов продолжал, как бы поглощенный своими нерадостными мыслями:

– ...Да-а ...Равнодушная ты... Ай, как это плохо, дорогие мои коллеги!.. Безразличная ты к делам нашим семейным...

Асланов ходил по кабинету, явно переигрывая состояние оскорблённости моральным ударом, нанесенным ему Мединой, к тому же, очевидно, наслаждаясь «произведенным эффектом».

– Что вы делаете? – не без досады и даже несколько брезгливо спросила Медина. – Ведь вы режиссер. А разыгрываете какую-то несуразную и фальшивую сцену! Ну, прошу вас, перестаньте...

– Это ты перестань!!! – взвизгнул Асланов, перебивая Медину. – Ты всех уже достала своими призывами. Ханжа! Святоша! Здесь не школа похоронных ритуалов!.. Здесь театр! Кровь кипит, понятно?! Я тебе, как говорится... э-э... не по сердцу пришелся, так пожалуйста... Я... не в обиде! Забыли, списали! Не думай, не трагедия... А где?.. А что?.. Кто?..

Асланов скорчил рожу, передразнивая невпопад Медину:

– Сю-сю-сю, понимаешь! Врезала тебе «Хозяйка», и правильно сделала! Не нравится, да? Ты предпочитаешь цензурные выражения, да?! Так будь любезна – веди себя соответствующим образом. Из-за тебя спектакль еле-еле до ума довели!

– Побойтесь Бога! – не вытерпела Медина, слушавшая Асланова в ужасе и с отвращением. – Вы же знаете...

– При чем здесь Бог?! – снова взвизгнул Асланов. – Чуть что – Бог!.. Я… Это… я… не в том смысле... А вообще,.. я, может, атеист!.. Имею право!..

Асланов осекся, понимая, что зашел в тупик, а потом снова оживился:

– Я не обязан перед тобой отчитываться!..Не обязан!..

Медина некоторое время, нахмурившись, строго смотрела на стоявшего перед ней в полной растерянности Асланова, а потом направилась к выходу из кабинета. Вслед ей снова понеслось аслановское:

– Ты опасна!.. Демагогия, шантаж!.. «Хозяйка» права! Доброе отношение до тебя не доходит!..

Медина вышла из приемной в коридор, а вслед ей доносился голос Асланова:

– Заявление рассмотрим! Как положено! Не беспокойся...

* * *

...В потоке машин, медленно пробивающихся к перекрестку, были неповоротливые, пыльные «маршрутки».

В одной из них, глядя в задумчивости в запыленное окно, сидела Медина. За окном мелкими рывками передвигались пешеходы, шикарные джипы, помятые такси и снующие между ними мотоциклы... Среди всей этой живописной каши безнадежно и робко гудел сиреной какой-то медицинский экипаж.

...Мальчишки протирали стекла абсолютно чистых «Лексусов», пользуясь рассеянностью их грозных владельцев.

...Разносчики газет зорко наблюдали за лицами водителей, пассажиров и клиентов из толпы, ловко лавируя в потоке.

...Попрошайки профессионально кривили свои смуглые физиономии, бормоча еле слышно лицемерные заклинания.

...А продавцы цветов улыбались широко, лучезарно, в полном соответствии с красотой и свежестью своего товара.

...«Какофония» центра в какой-то миг резко прервалась, уступив место блаженной тишине безлюдной возвышенной части города. Медина неторопливо поднималась в гору, направляясь к воротам мечети.

Войдя во двор, она осмотрелась и не увидела никого, кто бы встречал посетителей. Журчала вода, текущая из шланга по грядке с цветущими розовыми кустами. На солнышке отдыхал громадный ленивый кот, рядом с которым без всякого страха прохаживались, воркуя, пестрые голуби.

Медина огляделась, прошла к стоящей рядом с дымящимся самоваром табуретке и присела. В соседних домах, окна которых виднелись над стеной мечети, лениво и бесстрастно переговаривались проживающие в них женщины, дети и пенсионеры. Еле слышно доносились звуки работающих телевизоров.

Медина снова огляделась. На столике рядом с самоваром был поднос, на котором поблескивали аккуратно выстроенные чайные стаканы с блюдцами. Медина налила себе чаю, взяла кусочек сахара, присела, вздохнула по-старушечьи и с удовлетворением отпила чай. Лицо Медины просветлело: то ли от попавшего на него солнечного зайчика, то ли по более глубокой, не поддающейся объяснению причине.

Из окна дома, располагавшегося напротив мечети, выглянула благообразная седенькая старушка с абсолютно беззубым ртом. Огляделась вокруг и, заметив Медину, остановила на ней взгляд. После недолгого взаимного осмотра Медина кивнула старушке, прошептала «здрасте». Та ответила ей, пригляделась повнимательнее. Жестом спросила: «Как дела?» Медина пожала плечами и кивнула, что означало: «Спасибо, ничего!» Старушка сделала головой «Пока!» и удалилась вглубь комнаты.

Почувствовав на себе взгляд со стороны двери, ведущей в зал, Медина оглянулась: за ее спиной в дверном проеме стоял молла, выдавший ей в прошлый раз документ о регистрации брака. На голове его была ажурная белая тюбетейка с которой не очень хорошо вязалась форменная, военного покроя рубашка с клапанами и петличками. Медина привстала, но он остановил ее:

– Сиди, сестра. Добро пожаловать... Я не хотел тебе мешать... Пей свой чай, на здоровье... Как твои дела? Помогли тебе наши бумаги?

Медина смущенно улыбнулась, развела руками:

– Я пока не знаю... Это, в общем... э-э... Может, и помогут... Конечно, помогут...

Молла подвинул стул, налил себе чаю, присел рядом с Мединой, помолчал, пытливо взглянув на гостью.

– Ты пришла просто поговорить? – улыбнулся молла.

– Да...

– Спасибо... Я рад...

– Хороший чай...

Молла улыбнулся, оценивая вежливость Медины:

– На здоровье...

Молла еще помолчал некоторое время, посерьезнел и спросил вежливо, бережно, но без тени смущения:

– У тебя есть какие-то проблемы?

Медина молча, без движения смотрела на него.

– Ты не хочешь о них говорить?.. Хочешь, чтобы говорил я?.. Да?..

– Да...

– Хорошо, сестра... Я думаю, тебе можно рассказывать самые важные вещи – ты понимающая... Чаю налить?

– Нет, спасибо...

– Знаешь ли, есть важные законы, которые не все знают. Самый важный из них – это Закон Равновесия.

Медина улыбнулась. Прыснула и, смущаясь от собственных несерьезных мыслей, все же спросила, пытаясь перебороть неуместное веселье:

– Извини, ты его... сам придумал? То есть, открыл?

Молла отвечал, абсолютно не реагируя на шутливый тон Медины:

– Нет, о нем сказал один мой друг. Но я и без него знал... Этот мой друг... – Молла покивал головой, собираясь с мыслями, потом продолжил: – ...Он был автоинспектором. Жил весело: брал взятки, водку пил и в карты играл. И жена у него была красавица. – Молла едва заметно нахмурился. У него запершило в горле, и он, откашлявшись, продолжил: – Так вот... Он, этот мой знакомый, был... ну... в общем, доволен своей жизнью... Да... Однажды он во время преследования контрабандистов совершил... ну... героический поступок... Из гордости, понимаешь? Чтобы себя показать героем... А, может, кто знает, в нем были заложены эти... как сказать?... Ну, клетки, что ли, героические... Ну и придавил его этот «КАМАЗ» так, что хрустнул весь его скелет, и внутренности в кашу смешались... И он чуть не подох.... – Молла сделал несколько глотков подряд, крякнул и продолжал: – Четыре месяца он находился... между двумя мирами... Видел... ну... этот... знаменитый черный коридор... А когда, наконец, он вышел из больницы... калекой... его уволили... И жена от него ушла... И детей с собой прихватила... И пришлось ему сильно насчет героизма призадуматься...

– Где он теперь? – спросила Медина.

Молла, то ли не услышав вопроса, то ли намеренно не обращая на него внимания, продолжал:

– Это называется... э-э... «расхождение по амплитуде». Вот... Мне это мой друг сказал. Вот... А ему это один доктор сказал. Ну, а врачи – это вообще самые понимающие люди... ну... в этом смысле.

– В каком смысле? – спросила Медина.

– Ну, вообще, самые понимающие, – пожал плечами молла. А потом добавил, понизив тон: – Они, между нами говоря, некоторые из них, кое-что понимают даже глубже, чем самые образованные религиозные деятели... Так что главное – не переборщить... Быть слишком хорошим – за это наказание бывает...

За воротами раздался звук автомобильного сигнала. Молла встал и резво заковылял к воротам. Открыл их и впустил во двор мечети черный лакированный автомобиль. Водитель, выйдя из машины, поздоровался с моллой, передал ему сумку из багажника, посмотрел на часы, мельком взглянул на сидящую у стены Медину, дал какие-то поручения молле, указывая при этом на цветник и на кучу строительного мусора, сваленную в углу двора, и вышел на улицу через калитку. Молла затворил ворота и, возвращаясь, бросил как бы между прочим ничего не значащую туманную фразу, будто желая почему-то оправдаться:

– Это так, по работе...

Молла занес сумку в помещение. Вернулся, огляделся по сторонам. Пройдя к цветнику, он переложил шланг на пару метров в сторону, вернулся к Медине, сел на стул. Некоторое время в задумчивости молчал, искоса наблюдая за Мединой. Медина встала и для заполнения паузы налила молле и себе чаю, подала ему стакан...

Помолчали... Потом молла встал, прошел снова к цветнику, повозился возле него почти бесцельно. Обернувшись к Медине, сказал хмуро:

– Я что-то сбился... Устал, наверное...

– Мне тоже пора, – мгновенно среагировала Медина...

Молла кивнул ей с явной благодарностью во взгляде. Медина встала:

– Ну, я пойду... Спасибо за чай...

– Не за что... Это наш долг...

– Я зайду еще, можно?

– Конечно, заходи, сестра... Зачем же я здесь нахожусь, а? Чтобы людей встречать... Добрым словом, добрым советом... Мечеть – общий дом...

…Перейдя забитую медленно передвигающимися машинами улицу, Медина подошла к подъезду, где ее ждала няня с ребенком. Обняла, расцеловала малыша, чмокнула няню… Помахав рукой, остановила маршрутку, села в нее, вместе с ней растворившись в потоке…

* * *

Лифт остановился на этаже, из него вышла Медина с ребенком. Сразу же обратила внимание на свою дверь. На нее кнопками были прикреплены большой красочный рекламный плакат туристического агентства, перечень маршрутов и расписание самолетов. «Счастливого пути!» – блондинка в центре махала ручкой. Медина подошла к своей двери, собираясь содрать с нее плакат, и услышала тихое покашливание в темном углу за кабиной лифта. Из темноты вышел Сабир, ее брат.

– Т-с-с! – Сабир приложил палец к губам и кивнул в сторону соседской двери. – Это они сделали, – прошептал он. – Я видел… – взглянув на племянника, Сабир умиленно сморщил физиономию: – Ой ты, Господи! Ой, Боже мой! Все-таки он меня увидел… Не бойся, мой хороший, не все на свете такие противные, как я… Гули-гули-гули… Ой, ты, мой драгоценный…

Медина содрала плакат с двери и отшвырнула его в сторону соседней квартиры, открыла замок:

– Пошли, Сабир, зайдем в дом.

– Я на минуточку…

Он вздохнул, может быть, впервые за всю свою жизнь вздохнул не театрально, искренне, и вошел в квартиру.

– Я чай поставлю… Ты садись… – по-хозяйски засуетилась Медина.

– Нет… Не надо, – ответил Сабир. – Я на самом деле спешу… И вообще… Так… Это, сестрица, в последний раз… Завтра на рассвете я уезжаю…

Медина молча ждала развития информации.

– Правда… Это честно, – продолжал Сабир. – В Калмыкию… Там сейчас много работы: требуются инженеры, строительные рабочие… Все наши едут… Там нормально.

Медина переодела ребенка и внимательно слушала Сабира.

– Я не знаю, – сказал печально Сабир, – вернусь ли когда-нибудь сюда…

Потом он нараспев процитировал что-то из «классики»:

– «Здесь, в тиши родного дома, родила меня мамаша! Здесь познал печаль и радость, здесь пришла ко мне любовь!»

Медина молчала. Сабир приуныл, растерянно пожал плечами, опустил глаза:

– Последний раз… Ну… Мне… на дорогу не хватает…

Медина, не дав ему договорить, прошла к столику, где лежала ее сумка, достала из нее деньги и отдала половину их Сабиру.

– Сабир…

– Что, дорогая?..

– Это точно, что ты уезжаешь?

– Клянусь… Клянусь честью, – ответил Сабир, и было ясно, что он не врет.

Медина подошла к столику, налила из бутылки воду в стакан… Потом прошла к буфету и достала из старинной вазочки золотую цепочку.

– Вот… Это мамина… не пропивай ее, пожалуйста… Держи… На… черный день… А лучше возвращайся и привези ее назад…

Они обнялись. Постояли молча. Сабир не мог сдержать слез, только старался скрыть их от Медины.

Он вышел за дверь, и Медина выплеснула ему вслед воду из стакана. Сабир сделал несколько шагов вниз по лестнице, потом вдруг резко обернулся и в два прыжка оказался у соседской двери. Он бил в нее кулаками и ботинками и кричал неожиданно прорезавшимся грозным басом:

– Если еще приду и узнаю о ваших подлостях, никаких оправданий не приму! Мне терять нечего – замочу и глазом не моргну! Срок мотать – нам не привыкать! А тебя, козел гнойный, внизу уже ждут наши пацаны! Лучше сиди дома и носа не высовывай: а то… кровью блевать будешь!..

Реализовав до конца весь поток неожиданного вдохновения, Сабир вдруг замолк и, втянув голову в плечи, стоял несколько мгновений, не шелохнувшись. Страх пришёл к нему с громадным опозданием…

Потом он воровато кивнул Медине и на цыпочках стал торопливо спускаться по лестнице. За соседской дверью стояла гробовая тишина…

…Медина отвела рукой занавеску, выглянула на улицу. Среди потока беснующихся машин неуклюже пробивался Сабир. Как бы почувствоав взгляд сверху, он взглянул на Мединино окно, вздохнул, улыбнулся, достал из кармана калмыцкую шапку, нахлобучил ее на голову. Потом он растянул указательными пальцами оба глаза, сильно сузив их, и широко улыбнулся уже в образе строительного рабочего калмыцкой национальности.

Медина смотрела на него с нежностью… Ей, может быть, и хотелось всплакнуть, но появилась почему-то вместо слез какая-то несуразная улыбка…

* * *

…В небе над городом вспыхнула молния… Уличная торговка энергично сворачивала свой товар, собирала сумки…

На город хлынул дождь, забарабанил сразу по тысяче автомобильных крыш. Пешеходы на улицах почему-то радостно загалдели, шлепая по образовавшимся в мгновение лужам.

Медина бежала вместе со всеми, направляясь к станции метро, двери которой за секунду поглотили живой поток.

* * *

…На сцене театра шел водевиль. У «Хозяйки» была эффектная большая сцена, где она стояла, окруженная другими персонажами, подыгрывающими ей. Среди третьестепенных персонажей была и Медина, исполнявшая почти бессловесную сцену с таким блеском, что в зале «вспыхнул» гром аплодисментов, потом еще один. «Хозяйка», которой это явно не доставило особого удовольствия, перекрыла Медину сперва своим веером, а потом и вытеснила ее вовсе, торопливо начав свой монолог. Причем проделала все это как бы естественно, как неотъемлемую часть мизансцены.

Боковая дверь зрительного зала тихо отворилась, и в просвете появился Фуад, отбивающийся от служительницы театра и успокаивающий ее жестами. Он пристроился в зале и с увлечением и интересом смотрел на сцену, где шел бурный эпизод спектакля: все участники действия дубасили друг друга чем попало. Больше всех старалась «Хозяйка». От ее ударов «слуги» и «придворные» падали навзничь «пачками»…

…В театре гасли огни. Последние зрители неспеша выходили на улицу. Медина, переодевшись, собиралась выйти из своей гримерной. Погасила свет, подошла к двери, повернула ручку. Дверь не открывалась. Медина потянула дверь сильнее – безрезультатно.

– Эй!.. Э-эй! – крикнула Медина, приблизив лицо к дверной щели. – Эй! Есть кто в театре?..

Тишина.

По коридору мимо двери Медины на цыпочках прошла Зита. Ключ от двери медининой гримерки лежал на полу. Зита бешумно подтолкнула его под ковролит.

Фуад, поднимаясь по лестнице на второй этаж, где располагались гримерные, прислушался. Войдя в коридор, он обнаружил здесь шумно содрогающуюся дверь и подошел к ней.

– Кто это? Откройте… – послышался голос Медины.

Фуад подёргал дверь и, обнаружив слабину, налёг на неё плечом. Дверь с жалобным хрустом и скрежетом покорилась.

– Это проверенный трюк, – сказал он. – Популярная театральная шутка. Никогда не оставляй ключ в двери… С тобой это впервые?

– Здесь – да. А дома соседи проводят со мной не менее интересные эксперименты. Некий тест на выживаемость… Такой… жестковатый… Но это не жалоба… Я, как видите, пока жива…

Они шли по коридору в сторону лестницы.

– Мне даже интересно… Видите, в любых положениях есть позитив: сегодня вы появились… Кстати, спасибо… да, я даже не успела спросить, какими судьбами?

– Пришел тебя спасать… И намерен это делать всегда… Тебе здесь не место…

Фуад остановился. Взял Медину за руку. Она пыталась освободить ее, но – тщетно.

– Я посадил у себя очень красивые пальмы… Не люблю их, но посадил… Приезжай… У меня кролики… Живые…

– Пусти… пусти, мне больно… – тихо сказала Медина.

Фуад оживился, и его сбивчивый тон стал ровнее:

– Для твоего малыша – простор, раздолье… Не дергай руку, успокойся…И запомни: одной тебе со своими проблемами не справиться.

– Пусти…

– Я… В общем, я, наверное, тебя по-прежнему люблю… Теперь по-другому… По-крестьянски… По-фермерски…

– Пусти … ну… Это… Так не бывает… – прошептала Медина.

– Бывает! – твердо сказал Фуад. – Так и бывает… Это жизнь…

* * *

…Ночь опустилась над городом. В бухте на приколе стояли, тесно прижавшись друг к другу, маленькие, средние, побольше и огромные суда. Плеск волн отчетливо раздавался в ночной тишине… На абсолютно пустынной улице одинокий автомобильный лихач выделывал свои бессмысленные фигуры с ярко зажженными фарами и оглушительно громко включенной супер-дурацкой музыкой…

Издали раздался звук сирены, и появился, мигая спецогнями, полицейский автомобиль. Автолихач, мгновенно погасив огни и вырубив музыку, пустился в бегство и вскоре «растворился» среди узких улочек. Полицейский автомобиль, покружившись в поисках хулигана, покинул место неудачной охоты…

* * *

…Медина спешила по коридору в сторону малого зала театра, где шло общее собрание труппы.

Коммерческий директор театра зачитывал цифры экономических показателей, отчеты по кассе, сведения по заполняемости зала и прочую скучную информацию:

– Первая декада января – 64 процента. Вторая – 78 процентов, третья – 81 процент. Видите – есть прогресс… Теперь февраль: первая декада – 32 процента… Это нетипично… Связано с техническими причинами и состоянием здоровья, так сказать, исполнителей главных ролей… Далее – вторая декада: де-вя-нос-то процентов! Вот! Ввели материальное стимулирование, и дело пошло. Никаких недомоганий… Тарификацию мы тоже пересмотрели, но об этом далее…

Тут все слегка оживились, оторвавшись от своих тихих переговоров и заполнения кроссвордов… Потом снова погрузились в терпеливое высиживание.

– …Третья декада – 70. Мартовская картина достаточно благополучна…

…За окнами театра ветер кружил сухие листья, обрывки афиш и газет, образуя из них живописные «вальсирующие» кучки, среди которых заблудилась неприкаянная трусливая собачонка…

…Со стороны происходившее в зале напоминало политзанятия минувших лет для второгодников вечерней школы.

Потом все оживились: стали зачитывать какой-то новый список. Кто-то привставал с места, стараясь услышать читаемое более отчетливо.

Медина прошла из заднего ряда поближе к сцене, присела, продолжая внимательно слушать. По мере того, как зачитывался список, кто-то подскакивал, кто-то кого-то поздравлял, некоторые даже тихонько аплодировали.

Медина слушала молча, с каменным лицом…

Все стали расходиться. Медина затерялась в толпе торопливо собирающихся коллег.

…В коридоре к Медине пробилась Рая:

– Надо спросить! – настаивала Рая, дергая Медину за рукав. – Так оставлять это нельзя. Пойди. Немедленно… Пока еще они могут все изменить…

Медина находилась явно в растерянности и потому, автоматически подчинившись совету подруги, пошла, подталкиваемая Раей, к кабинету директора.

– Ну, с Богом, – сказала Рая, оставляя Медину у дверей.

Секретарша сновала между приемной и кабинетом директора, носила чай. Медина заглянула в дверь.

Асланов сидел в кресле и аккуратно ел пиццу, стараясь не рассыпать ее «составляющие» на ковер. Напротив него расположилась «Хозяйка». Она блаженствовала, смакуя тонко нарезанные ломтики киви.

Директор был не столь привередлив: поглощенный поисками какой-то папки, он носился по кабинету, заглатывая пиццу громадными кустами.

– М-м-м! – промычал он, приглашая Медину присоединиться к угощению. – Заходи, заходи, пока горячая…

Энергичное гостеприимство директора абсолютно не гармонировало с ледяным равнодушием Асланова и помрачневшим и одновременно горделивым обликом «Хозяйки».

– Давай, давай! – мычал директор, указывая Медине на коробку с пиццей.

– Спасибо, приятного аппетита… Извините, я на минутку, – преодолевая волнение, отвечала Медина. – Скажите, с чем связано то… о чем я… узнала на собрании.

Директор, пожимая плечами, неловко огляделся, снова промычал что-то неопределенное, сделав странный жест в сторону Асланова и «Хозяйки».

Те застыли в позах неприступных каменных изваяний, от которых их отличала лишь способность к жевательным движениям.

– Какими критериями вы руководствовались, определяя ставки, категории, проценты?..

– Я, собственно, опирался на информацию постановочной части и отчеты от… ну… – замямлил директор, снова кивая на Асланова.

Понимая, что оставаться безучастным уже не удастся, Асланов, наконец, изрек с видом абсолютно хладнокровно-стерильного человека:

– Сперва предварительная информация: ваше заявление об утомленности, побочной деятельности и так далее подписано. Что касается критериев, то отвечаю: все подсчитывается и анализируется чисто статистически: количество спектаклей, хронометраж, значительность ролей, степень активности участия в творческом процессе и т.д…

– А качество, профессионализм?.. – стараясь держать себя в руках, начала было Медина, но хорошо поставленный голос «Марии Стюарт» перебил ее: «Хозяйка» вышла на «авансцену»:

– Не забудьте добавить трудную жизнь! Всякие разные проблемы!

Будучи не в силах сдержать себя, Медина вскрикнула:

– Гадость! Это гадость! Что вы говорите?! Как вы смеете задевать то, о чем никто никогда не слышал?! Откуда столько злобы?.. Ведь это… Ведь грех это! Грех!.. Мне нельзя быть среди вас! Никому нельзя! Вам самим нельзя друг с другом общаться!.. Это опасно!.. Вы не боитесь?!.. Греха своего не боитесь?..

«Хозяйка» закашлялась, выпила глоток воды, облокотившись на спинку стула… Вытерла лицо платком, хотела что-то сказать… Закашлялась снова…

Увидев это, Медина осеклась… Взгляды их встретились.

Асланов подскочил к «Хозяйке», неуклюже пытаясь поддержать ее. Во взгляде, что он метнул на Медину, сверкала совершенно искренняя ненависть.

«Хозяйка» с досадой и даже с презрением отбросила от себя руку Асланова. Преодолев какое-то сильное внутреннее сопротивление, она заговорила сдавленным голосом, бледная, как полотно:

– Ты спрашиваешь, откуда злоба?.. Ты проживи мою жизнь… И тогда твоя тебе покажется сладким сном… Ты спроси… сколько мешков жестокости здесь высыпали на мою голову!.. Ты не живешь… Ты картинки рисуешь… Мультфильм…

Асланов почему-то включил магнитофон на полную громкость. Полились звуки идиотской музыки…

* * *

…Ветер усилился, внушая немногочисленным теперь прохожим чувство одиночества и беззащитности… Дребезжали окна, гнулись деревья, хлопали плохо закрепленные листы железа на крышах. Тревожно бились о причал яхты в порту. Трепетали вымпелы и флаги вдоль дороги.

…Преодолевая натиск ветра, Медина с трудом поднималась по пустынной каменистой улочке. Приблизившись к мечети, она без труда отворила калитку и вошла во двор… Огляделась… С удивлением обнаружила вокруг себя полнейшее безветрие и покой. Над высокими стенами мечети с шумом раскачивались тополя, мучительно стонали вековые столбы с безжизненно свисающими с них обрывками проводов, бились со звоном плохо закрепленные рассохшиеся оконца старых домов. А во дворе мечети – тишина. Если не считать журчания воды да воркотни не ведающих тревоги здешних пернатых обитателей.

У стены вблизи ворот был припаркован черный лакированный автомобиль, который видела Медина в прошлый свой визит.

Внутри мечети послышались голоса, и через некоторое время во двор вышли водитель автомобиля с портфелем в руке, за ним солидный полноватый человек в длинном темно-синем пальто, из-под которого, сверкая белизной, виднелась аккуратно застегнутая сорочка, и с каракулевой элегантной папахой на голове. За ними семенил, прихрамывая, мединин знакомый – мулла со шрамом на лице.

– Сколько есть – столько и есть, – категорически выговаривал человек в папахе. – Если постараться, можно этой краской хоть два раза побелить, и еще столько же останется. Лестницу у Акпера возьми, скажи, я поручил… Кирпичи привезут – сложишь сразу же в подсобку, в нижнюю… Во дворе чтобы не валялись…

Человек в папахе, заметив Медину, поздоровался, вежливо, манерно поклонился ей:

– У вас какое-то дело, госпожа?

– Нет… да, я…

– Вы можете подождать… Я буду скоро… А если хотите, скажите нашему… э-э… садовнику, – он кивнул в сторону моллы, – изложите, объясните… что и когда… Какая проблема и все такое… Он всё запишет и даст вам номер нашего телефона.

Молла-садовник кивнул, пошел отворять ворота. Водитель почтительно открыл дверь машины, и человек в папахе сел на заднее сидение.

Машина выехала за ворота, молла затворил их за ними и заковылял в сторону Медины, почему-то активно оглядываясь по сторонам и качая недовольно головой.

– Что за погода! – воскликнул он с явно преувеличенным возмущением, не глядя на Медину и будто разговаривая с каким-то невидимым, воображаемым собеседником. – Как там люди ходят?! Там, за стеной…

Он огляделся по сторонам и наконец взглянул на Медину:

– В такую погоду разве можно стены красить? А? Это вообще…

Он был переполнен каким-то необыкновенным волнением, не мог справиться с растерянностью и крутился на месте, бормоча что-то под нос и почесывая затылок.

– Что стоишь? Садись… или заходи внутрь, – вдруг грубовато бросил он Медине, а потом, спохватившись, добавил: – Прости, сестра… Ты же видишь, что происходит: сумасшедший дом, а не… работа…

– У тебя чай есть? А, брат? – вдруг спросила Медина. – Или заварить?

Хромой молла, он же садовник внимательно посмотрел на Медину, как будто сосредотачиваясь на чем-то крайне важном, и лицо его очень медленно расправилось, просветлело, морщин на нем как будто поубавилось, и уродливый шрам стал словно менее отталкивающим.

…Они пили чай в подсобке, где было не так уж неуютно: здесь находился небольшой «рабочий кабинет» – угол с настольной лампой, книжными полками и столиком, покрытым зеленой тканью; место для отдыха – идеально аккуратная раскладушка с постелью; «красный уголок» составляли телевизор и громадный глобус. Над телевизором была приклеена фотография – широко улыбающийся молодой автоинспектор на мотоцикле со шлемом на голове, он же будущий «садовник». И вместе с ним два мальчика-близнеца: один за спиной, другой сидит на руле…

– В прошлый раз я не очень хорошо поняла про Закон равновесия, – сказала Медина. – А потом все думала, думала…

– Знаешь, я ведь тоже не очень… – он кривовато улыбнулся, вспомнив что-то, потом громко рассмеялся: – Я не самый умный садовник!

Потом посерьезнел:

– Вообще-то это не очень сложный закон: просто надо поднимать такой груз, чтобы не получилась, ну, эта… – он смущенно понизил голос, – грыжа… или, например: не ешь лишнего, особенно если это не твое… Видишь – простые вещи, всем известные… Или еще: если ты певец, то обязательно должен знать, какая самая высокая нота, которую ты можешь спеть… от души и красиво… и не испортить здоровье – ни себе, ни другим…

И еще: если есть возможность кому-то… помочь… ну... пользу принести… то обя-за-тельно сделай, не оставляй в себе… А то потом… заболеешь… Это тебя изнутри разъест…

Еще: не умеешь ждать – опоздаешь. Что, глупо? Не-ет!.. Вот, смотри: большое добро и маленькое. Думаешь, они разные? А?

Молла улыбнулся во всю ширь своего израненного лица, и глаза его светились счастьем. Он поднял вверх указательный палец и торжественно изрек:

– Нет! Они равны! Добро равно добру! Вот! И зло – то же самое! Положи на весы и увидишь!.. Попробуй ответить на вопрос: чего больше – прошлого или будущего?.. Закрой глаза, вспомни все, что любишь.

Медина закрыв глаза, подняла голову, и морщины на ее лице расправились. Привиделся ей Холм в тумане и растворяющиеся в дымке силуэты… И зазвучали барабаны, отбивающие дробь строевого марша. Тихонько, чуть слышно, будто откуда-то издалека, куда идти да идти, и не дойдешь ни за день, ни за два, ни за год, ни за век…

Так думала Медина, слушая звуки, которых не было, и старалась связать все, что ей виделось и слышалось с Самым Важным Законом, открытым одним мудрым садовником…

* * *

…Медина ехала в маршрутке, вспоминая что-то, и улыбалась своим мыслям. Комбинация оконного стекла и бокового зеркала деформированно отражала движение окружающего транспорта. Машины наезжали друг на друга, сливались, раздваивались… Пешеходы шли по диагонали то вверх, то вниз… Рядом с Мединой прошел громадный крытый фургон пятнистой окраски и тут же исчез, трансформировавшись в собственное сильно удлинённое подобие…

…Отражаясь в целом нагромождении стекол, мониторов и полупрозрачных звукоизоляторов, через рвы и насыпи ползли танки образца периода первой мировой войны. В дубляжной студии шло озвучание зарубежного фильма. Медина вошла в студию, и ее внимание сразу же приковало к себе действие на экране:

«Он», укрывшись в окопе, писал письмо своей любимой, а вокруг разрывались снаряды:

– Привет тебе, мой ангел! Теперь я знаю точно, цель моей жизни – просто смотреть на тебя, не отрывая глаз, и не отходить от тебя ни на миг. Вообще это нереально. Сейчас – нереально вдвойне: здесь, в этой холодной и шумной яме, у меня и моих товарищей есть еще много незаконченных дел. Пока что могу лишь думать о тебе и готовиться к новой жизни… К нашей встрече…

Актер читал еще и еще. Записывали не один дубль. Отматывалась пленка, режиссер что-то говорил в микрофон, актер кивал головой.

Медина как зачарованная прошла в актёрскую кабину и присела рядом со своим партнером, внимательно глядя на экран. В руках её была страничка с текстом, в которую она время от времени заглядывала.

…Отмотка пленки. На экране мелькнули кадры изображения в обратном порядке… Надела наушники. Режиссер что-то сказал в микрофон. Зазвучал текст.

– Привет тебе, мой ангел! Цель моей жизни была достигнута, когда ты взял мою руку в свою. Все остальное – и моя работа, и дом – нужны лишь для того, чтобы было не слишком уныло и тягостно, когда тебя нет рядом. Я терпеливо жду тебя. Ликую от той счастливой и светлой мысли, что дождусь тебя вопреки всему, что так жестоко разделило нас… Поверь, все мрачное – выдумка, фантазия нездоровых людей… ты придешь, когда я не буду ждать тебя, я знаю… И это уже… будет… не сон…

Никто из работающих на дубляже этого фильма не был способен понять, откуда взялась удивительная сила, в миг разрушившая привычные стандарты той непритязательной, безликой работы, которую они долгие годы выполняли, измеряя успех лишь показаниями хронометра и количеством получаемых заказов, и какая тайна вызвала подлинные, нетехнические слезы самой актрисы, и согласно какому из секретных законов человеческой души впервые задрожали пальцы звукорежиссера, двигавшие ползунок микшерского пульта.

Медина вышла из кабины и услышала аплодисменты, звучавшие со всех сторон с удесятеренной мощью: все микрофоны и обратная связь были включены…

Среди тех, кто находился в студии, был и Рахман. Он подошел к Медине, остановился, развел руками, не находя слов, потом растерянно и неуклюже выговорил:

– Привет тебе… Я… Привет…

И снова развел руками. Медина подняла на него взгляд, молча кивнула и направилась к выходу…

* * *

...Поднимаясь с ребенком в лифте на свой этаж, Медина услышала голоса, скрип двери.

Лифт остановился, и Медина увидела у двери соседей несколько суетливое движение – соседка на секунду выглянула из-за полуоткрытой двери, что-то пробормотала, обращаясь к стоявшему уже на площадке участковому, и захлопнула дверь. Было очевидно, что предметом состоявшегося только что обсуждения являлась Медина и все, что было связано с ней. Это подтвердилось через минуту, когда Медина, кивнув участковому в знак приветствия, стала открывать свою дверь, одновременно пытаясь удержать сумки и успокоить капризничающего малыша.

Участковый кашлянул. Медина оглянулась, осознавая неизбежность общения.

– Нам надо поговорить, – сказал участковый. – На вас, вернее, на вашего брата, гражданина Джафарли Сабира Гудрат оглу есть очень серьезная жалоба…

– Он в отъезде, – сухо сообщила Медина.

– В течение сорока восьми часов, – продолжал участковый, не реагируя на сообщение Медины, – ему надлежит явиться вот по этому адресу.

Участковый протянул Медине повестку, почему-то слишком доброжелательно улыбаясь.

– Распишитесь вот здесь, леди.

– Он в отъезде, – повторила Медина с чуть большим нажимом.

– Ну, тогда вам самой придется прийти, уважаемая. Будет даже лучше, если…вы придёте… Понимаете, дело нешуточное: дебоширство, угрозы, нецензурная брань – это все официально заявлено… – участковый кивнул в сторону соседской двери. – Счастливо оставаться. Надеюсь, что вы понимаете… эта история может сильно попортить вам жизнь… Вы осознаете всю серьезность моего визита?..

…Медина просидела некоторое время без движения на диване.

Зазвонил телефон. Медина подняла трубку и услышала голос, говоривший деланным басом:

– И еще подстрекательство!

Отбойные гудки, и снова звонок:

– Алкаш уехал. Теперь твоя очередь…

Медина вдруг громко разрыдалась, припав к спинке дивана, и тут же приглушила свой голос подушкой, чтобы не потревожить ребенка.

Она в истерике билась головой о диван, плечи ее сотрясались.

…Так прошло некоторое время, и Медина заставила себя успокоиться, стала ходить по комнате, пытаясь внутренне сконцентрироваться.

Потом плюхнулась снова на диван.

Через некоторое время рука Медины потянулась к мобильному телефону, лежавшему на столике, и она набрала номер.

– Ты оказался прав, – обреченно произнесла в трубку Медина. – Скажи адрес… Мне одной не справиться…

* * *

…Вечерело. Медина с ребенком и с сумками ехала в такси вдоль морского берега по давно не ведавшей ремонта загородной третьесортной дороге. Солнце заходило за горизонт, каждую секунду меняя свои яркость и цвет.

…Фуад в сопровождении большой черной собаки ждал их на дороге.

…Дача Фуада встречала их кудахтаньем, писком, тявканьем и сопением десятков живых существ и величественной красотой нескольких высоких заморских пальм.

…Вещи Фуад заносил в дом шумно и весело, в сопровождении целой «армии» щенков и котят. И кроликов впридачу.

…Мединин малыш радовался, окруженный живностью.

…Плакал, сбитый с ног самыми резвыми из новых четвероногих знакомцев…

…После ужина Фуад мыл посуду на кухне. Медина встала, не очень решительно подошла к нему, засучила рукава, взяла из его рук тарелки и продолжила мытье. Он отошел к столу, взял стакан с недопитым вином, прошел к окну. Оглянулся на Медину. Видимо, оставшись довольным своими мыслями, глубоко вздохнул, прошел в комнату.

Спали в разных комнатах. Медина – почти не раздеваясь, в обнимку со своим малышом. Фуад – на крепкой старомодной металлической кровати, в окружении спортивных снарядов и больших бутылей с уксусом, настойками, вином, сиропом и самогоном…

…Утром Медину разбудил стук топора и громкий треск переламывающегося громадного дерева. Фуад в одиночку выкорчевывал засохший тутовник. Медина вышла на веранду, постояла минуту, скрестив на груди руки.

– Доброе утро.

Фуад оглянулся, молча кивнул, стер рукавом со лба пот. Едва заметно улыбнулся. Вернулся к работе…

…Потом он учил Медину доить корову. Все шло неудачно… В результате Медина пролила полведра. Фуад пытался скрыть недовольство, но хозяин, «куркуль» в его натуре был, видимо, самой яркой гранью, и это привело к затянувшейся молчаливой неловкости: он долго шумно возился в хлеву, а Медина с малышом сидели на солнышке у цветника в некотором смущении. Наконец пришел Фуад, преподнес им по огромному алому цветку… Поиграл с малышом…

…Обедали весело. Фуад шутил, развлекал малыша. Бегал к мангалу и обратно – приносил чудесный шашлык… Какая-то неуклюжая нежность… По-детски плохо скрытое ликование…

Когда он, выпив вина, сел за старое полурасстроенное пианино и запел громким голосом, веранда стала постепенно заполняться незваными, как это принято среди жителей окраин, гостями.

Это были безусловные «мутанты» в своем роде – бывшие горожане, поселившиеся «на земле». Каждый по своей причине. И превратившиеся в жадных до общения сельчан. Они были галантны – манерно расшаркивались, здороваясь с Мединой, или слишком широко улыбались, отчего становилась очевидной давно назревшая необходимость визита к хорошему стоматологу. Один, в галстуке, даже подарил ей шоколадный набор. Но при всей интеллигентности их основы, оболочка успела сильно огрубеть.

Медина поняла, что попала в совершенно незнакомый, хотя и умиляющий своей трогательной простотой мир.

Когда все расселись за длинным столом, Медина с Фуадом подавали им чай, успевая отвечать на десятки вопросов касательно профессии, происхождения, родословной Медины:

– …Я помню вас в этом сериале, дурацком, но вы – бесподобно сыграли…

– …А вы при ком институт заканчивали?..

– …Ну, известно, Джафарли – все потомственные интеллигенты…

– …Вы нам сегодня подарили праздник…

– …У вас касса теперь, я знаю, через дорогу…

Фуад деланно хмурился, хотя вся ситуация вызывала в нем очевидное удовлетворение.

Медина сперва наблюдала за всем этим добродушно, отвечая на вопросы и стараясь улыбаться всем гостям, а потом немного притихла и, нахмурившись, присела в сторонке.

…Следующий день Фуада прошел в трудах:

…Утро он начал со сварочных работ – надо было отремонтировать столб, на котором держалась телевизионная антенна.

…Часть кроликов он заботливо кормил специально приготовленной им самим пищей, а некоторых из них – забивал на мясо, достаточно ловко освежевывая их тушки.

Случайно увидев это, Медина отвернулась и прикрыла глаза малыша. Чуткий Фуад сразу же затворил дверь крольчатника. Потом тщательно вымыл руки…

…Надел свежую рубаху…

…За обедом оба были немногословны.

– Вкусно, – констатировал Фуад, попробовав суп. – Ты хорошо готовишь.

Медина не ответила.

– Идет адаптация… – через некоторое время сказал Фуад. – Я тоже не сразу привык…

…Прошло еще немного времени.

– Антенну можно будет подключить? – спросила Медина. – Сегодня «Беглеца» по России показывают.

– Конечно… Я подключу… забыл просто… Извини…

– Спасибо.

Фуад кивнул, не поднимая головы, и добавил:

– Мы поедем в город… Разберемся с твоими… неприятностями…

Помолчал…Потом снова обратился к Медине:

– А кроликов… я держать больше не буду…

…Он долго сидел за инструментом – что-то сочинял…

…Она смотрела телевизор, ребенок играл на коврике. Потом она, забравшись на стремянку, чинила занавески на окнах…

Позже Фуад разравнивал гравий, кучей собранный в углу у ворот. Закончив работу, он наслаждался прохладной водой, поливая себя из шланга…

Потом приехал человек на грузовом мотороллере, забрал клетки с кроликами и шкурки, заплатил Фуаду и уехал…

…Ночью Медина проснулась оттого, что Фуад, склонившись над ней, гладил тыльной стороной ладони ее щеку.

Медина застыла, открыв глаза, приподнялась и отвела лицо.

– Прости… – прошептала она. – Я не могу.

Глаза ее горели. Она глубоко дышала, отвернув лицо от Фуада.

– Прости… – повторила Медина.

На какую-то секунду забывшись, Фуад резко привлек ее к себе, собираясь обнять, но отпустил, ощутив полную отстраненность Медины.

Он неровной походкой вышел из комнаты, тихо спустился во двор, постоял, опустив голову, потом, тяжело и хрипло вздохнув, прошел за дом.

Медина тоже вышла – неторопливо, осторожно, словно боясь оступиться, из комнаты на веранду, – потом спустилась по лестнице и направилась в сад.

В какой-то момент она остановилась оттого, что ноги ее соприкоснулись с чем-то, привлекшим ее внимание и «отрезвившим» ее. Она взглянула под ноги и увидела крохотного крольчонка, дрожавшего у ее ног. Медина подняла его и прижала к груди. Плечи ее съёжились, голова склонилась к груди… По лицу покатилась слеза…

Из-за дома послышались ровные, размеренные удары… Фуад в дальнем углу сада рубил дрова… Сосредоточенно, умеючи, вкладывая в эту работу, казалось, что-то вроде вдохновения или спортивного азарта. Но нет! Усилившийся на несколько мгновений лунный свет обнаружил удивительную, неправдоподобную смесь агрессии и самоуничтожения, отразившуюся на его лице…

* * *

…Молла-садовник где-то в ночи, в предписанном ему судьбой одиночестве читал Книгу и, глубоко чувствуя и любя изложенные в ней истины, тихо и гордо плакал над ее пожелтевшими от Времени страницами…

* * *

…Сомкнув глаза, Медина увидела туманный Холм, на котором были установлены пограничные столбы, проглядывающиеся в дымке, которую время от времени пронзали лучи мощных прожекторов…

– Привет тебе, мой ангел… – прошептала Медина, и по щеке её скатилась слеза…

* * *

…Утром Медину разбудил мобильный телефон, и она услышала оживленный голос Раи:

– Ты где? Весь город тебя ищет… Сообщаю два радостных известия: первое – Рахман сделал новый вариант сценария, и он принят! Его запускают! Теперь он в тебя вцепится, как клещ. Я должна немедленно передать тебе сценарий… «Привет тебе, мой ангел». Хорошее название? А? Ничего, да?.. – Медина вздрогнула, поменялась в лице, застыла. – Ты меня слушаешь? – послышалось в трубке. – Э-э… Так… Вторая новость: в театре революция – Асланов тебя ищет, срочно, говорит, найдите. Приезжай немедленно сюда…

… «Привет тебе, мой ангел», – шептала Медина.

Из трубки раздавался голос Раи:

– Э-э!..Ты услышала меня?..Ответь!..Приезжай немедленно!..

…Она собирала вещи, одевала ребенка. Фуад стоял в дверях, молча наблюдая за ее действиями.

– Если бы это была сцена из спектакля, я бы сказал: «Нет предела моей печали!» – выговорил Фуад, стараясь преодолеть дрожь в голосе. – А у нас, земледельцев, в таких случаях просто молчат…

– Прости, Фуад.

– Только не говори, что заглянешь на чашку чая.

– Прости, – повторила Медина…

* * *

…Рая выбежала ей навстречу, когда она появилась в коридоре театра. Медина взяла из ее рук сценарий, на титульной странице которого было название «Привет тебе, мой Ангел!» и приписка Рахмана: «У Ваших ног я покорно жду ответа. Я вдохновлен Вашими талантом и красотой. Будьте моей… (Хи-Хи!)… главной героиней. Ваш раб». И подпись. Медина улыбнулась. Страницы сценария не были скреплены между собой, и она выронила часть из них. Стала собирать.

– Ну вот, видишь, как хорошо, – улыбнулась Рая. – И это еще не всё: добро побеждает не только в сказках. Эта стерва старая окривела.

Медина вскинула тревожный взгляд на Раю. Та пояснила:

– «Хозяйку» разбил паралич! Ты предупреждала. Вот! Говорила, это опасно. Еще неизвестно, что её ждет, прости, Господи! А на сцену – всё! Дорога закрыта. Асланов в панике. Говорят, у него тоже дела неважнецкие… Давай, срочно к нему…

Подумав секунду, Медина бросилась в коридор и помчалась в сторону, противоположную кабинету Асланова.

– Куда ты?! – донёсся до неё голос обескураженной Раи. – Ненормальная!..Постой же ты, дура! Он ждёт тебя!..

* * *

…Медина спешила, поднимаясь по лестнице в старинном подъезде. Пояс от пальто волочился за ней по ступенькам. На лбу выступили капельки пота.

Медина в волнении нажала звонок, попыталась толкнуть дверь: она оказалась запертой. После небольшой паузы из домофона раздались щелчки, потом гудки и наконец донесся сдавленный голос, с трудом произносивший слова:

– Кх… Аа..к-то?.. Кхх?..

– Это я, Медина… Можно… зайти?..

Наступила достаточно долгая пауза. Едва слышно доносилось неровное дыхание. Медина прислушалась, в тревоге приложив ухо к выходу домофона. Потом она осторожно приблизила губы к домофону и прошептала:

– Мне хочется… с вами… поговорить… Я…пришла. Сама…

Снова пауза, потом дверь заколебалась, раздался какой-то робкий, нерешительный и замедленный щелчок, потом с жалобным скрипом дверь отворилась. Дверь была массивная, как и все в старинных дома. Звуки, ею издаваемые, абсолютно не вязались с ее же величественным и даже царственным обликом, отчего возникло особенно тревожное предчувствие.

Медина нерешительно открыла дверь, вошла в дом, в коем царила мертвая тишина, не считая тиканья часов да жалобного мяуканья облезлой кошки, подобострастно взиравшей на незнакомую гостью.

Оглядевшись, Медина обнаружила толстый, весь в узлах, шнур, прикреплённый одним концом к защёлке входной двери и уходивший в темноту. Медина пошла по направлению шнура и, оказавшись во мраке, нащупала стену: коридор имел зигзагообразную форму. Следующий шаг Медины вызвал истошный вопль – она наступила на кошку, пытавшуюся, возможно, показать ей дорогу. Послышался целый хор кошачьих голосов, которые не утихали, пока Медина не оказалась в комнате с зерка-

лами в аляпистых рамах и давно не мытым полом. Среди множества абсолютно пустых мисок бродили, время от времени издавая просительные писки, исхудавшие кошки.

На стене Медина увидела громадный портрет «Хозяйки» – фотографический; еще один – живописный, и еще несколько, и ещё многие экзотические аксессуары, превращавшие пространство сие в подобие театральной декорации. Центральную часть занимала кровать с богатым пологом, величественно свисавшим с потолка, с золотистыми кистями и кружевным оформлением по бокам и спереди. На высоких подушках возлежала «Хозяйка» в старомодном чепчике на голове. Вблизи ее лица при помощи сложной конструкции, состоящей из множества кронштейнов и струбцин, был прикреплен микрофон. На большой палец правой руки была надета петля от шнура, ведущего к входной двери.

Рядом с кроватью были разбросаны слипшиеся полотенца, на тумбочке стояли тарелка с покрывшейся корочкой кашей и недопитый чай…

«Хозяйка», застыв подобно восковой фигуре и не мигая, уставилась на Медину, и нельзя было понять, какие чувства были скрыты под этой неподвижной оболочкой: лицо «Хозяйки» было перекошено от перенесенного недавно удара и нереально бледно. Одна бровь была чуть выше другой, но не было ни тени комизма или уродства. Напротив, можно было даже, как ни парадоксально, найти черточки величия, интереса к происходящему и даже красоты. Хриплое дыхание «Хозяйки», усиленное установленной радиосистемой, подчеркивало царившую здесь тишину.

Медина, не решаясь подойти к «Хозяйке», застыла в нескольких шагах от кровати, будто завороженная и лишенная способности к проявлению какой бы то ни было инициативы. «Плаксивые» кошки почему-то разом умолкли. Одна из них, усевшись на пуфике, с неподдельным интересом переводила взгляд с «Хозяйки» на гостью и обратно.

– Кх… Ч-ч-то это? – раздалось к комнате.

Медина вздрогнула, услышав и «узнав» голос «Хозяйки».

– Я… эпоима-а… Непонима-а… – продолжала «Хозяйка». – Т…х-х… ты…Кака-аа…Эпра-авильна-а… жизнь… и – икто… Ниик… Толь-ка-а ты… Ни-и-кто… Се.. Бро-о-си-и… Хабы… и-и… Забы… и-и… Все… Я… не… поима-а-а… Кака-а-а жизнь… Что это?.. Я… убива-а-а… Тебя убива-а-а… ты-ы… я…эпони,.. не поима-а-а. Никто… не лю-бит… ха-арроши… ха-а… Никто… Грех… грех… Ты… кака-а-а, грех… Да… да-а-а… Никто… не лю-убит… Грех… грех… х-х…

– Нет! Простите! Простите! – выпалила Медина.

Она нахмурилась, едва заметно склонилась вперед, когда дрогнул голос «Хозяйки» и смешались слова, превратившись в тихий стон.

«Хозяйка» так же, не мигая, смотрела на Медину, а из уголка ее правового глаза, как не своя, как чужая, катилась слезинка.

– Нет… Нет… – повторяла Медина. – Нет!..

Она бросилась к кровати, присела, взяла руку «Хозяйки» в свою. Лицо «Хозяйки» дрогнуло… Еще больше скривилось, едва заметно напряглось… Медина отпустила ее руку, встала, бессмысленно окинула взглядом комнату. Попытавшись отогнать невесть откуда пришедшее тревожное чувство ожидания, она импульсивно, без определенного плана начала прибирать на тумбочке, на полу возле кровати…

«…Запомните, вы, уроды! Не каждый удостоен права пройти звездный путь к верши…»

Медину передернуло от мелькнувшей в памяти, но успевшей беспардонно задеть старые раны, скомканной, полуистлевшей «странички из закулисного дневника». Она бессознательно обернулась и встретила направленный на нее взгляд «Хозяйки», которая одобрительно кивала ей, с трудом преодолевая сопротивление своей скованной болезнью шеи.

«…Я не смог… Я обещал… Простите меня… Простите…»

…С этими словами, поселившимися однажды где-то в глубине ее воли и воображения, и плоти ее, и разума, и страсти, пришло необыкновенное волнение, предчувствие, предвкушение и одновременно – ошеломляющее осознание реальности доносящихся из внешнего мира звуков: откуда-то, нарастая, слышалась барабанная дробь.

Налетевший ветерок со скрипом приоткрыл оконную створку, и сомнений не оставалось более, это была сама Жизнь! Там, за окном, совсем близко…

– Я… должна… Дело в том,… э… – смущенно, запинаясь, проговорила Медина, второпях собирая свои вещи. – Я еще зайду… Обязательно…

«Хозяйка» была неподвижна. Только слетело с ее губ какое-то сочетание звуков, понятное, наверно, лишь ей одной.

Уходя, Медина услышала за своей спиной разочарованные вопли голодных кошек, одна из которых, не теряя надежды, сопровождала ее до самого выхода.

…Массивная старинная дверь поддалась нехотя, с тяжелым хриплым вздохом. Выйдя на улицу, Медина услышала неумолимо усиливающиеся звуки военного марша: к барабанной дроби теперь присоединился и полный духовой оркестр.

С тяжелыми сумками, непереплетенным сценарием, зажатым в руке, Медина не без труда пробилась в толпе к самому краю тротуара.

…В своем воображении она провела не одну минуту наедине с этим искрящимся и звонким зрелищем. И никогда не забывала, что думал Он, защитник Холма, о неразгаданной за века магической тайне военного марша, способного подчинять людей своему пульсу, своей гармонии, наполняя их сердца гордостью и верой в собственную причастность к единому Великому Подвигу.

…Взмах командирского жезла и идеально совпадающие с ним барабанная дробь, и пение труб, и горделивая поступь пары сотен хорошо знающих себе цену подтянутых красавцев.

Налетел вдруг ветер, рванул у нее из рук сценарий и понес его страницы в разные стороны. Стоявшие рядом зрители восприняли это как художественное дополнение к программе и захлопали в ладоши.

Медина, растерявшись, кинулась собирать листы. Молодой солдатик, забывшись, поднял несколько страниц и торопливо сунул их Медине. Вернулся в строй, но страницы летали по ветру, и было в нем столько сострадания к девушке, панически спасающей свои неуправляемые бумаги, что он снова выбежал из строя, на ходу хватая страницы, подскочил к Медине и, кружась вокруг своей оси, все нагибался, подбирал их с дороги и, прыгая, хватал их в воздухе. Забывшись, он, видимо, был уже не в силах бросить начатое дело и, оглядываясь на удаляющуюся колонну, все собирал и собирал разрозненные страницы.

Это было абсолютно ненормальное, невообразимое происшествие. Люди, наблюдавшие его со стороны, пришли в ужас, осознавая ту немалую опасность, которой подверг себя этот сумасшедший юноша.

Глядя на Медину и пришедшего к ней на помощь бойца, нельзя было даже на миг предположить, что эти двое чужие друг для друга, и встреча их совершенно случайна… Вместе они так ловко справлялись со своей задачей, что за полминуты сценарий был почти собран.

…Старший офицер, бледный как полотно, уже спешил к месту, где совершилось кощунственное нарушение священных законов марша. Он подскочил к парню и, с трудом сдерживаясь, чтоб не совершить неуставное действие, отправил его в строй.

Медина смотрела вслед солдату, так неожиданно проявившему свою трогательную заботу, и он оглянулся.

Медина кивнула ему в знак благодарности, приложив ладонь к груди.

Солдат улыбнулся, отвернулся, потом обернулся к Медине снова.

Медина кивнула ему еще. Он улыбнулся шире, веселее… Отвернулся… Оглянулся вновь. На этот раз это был уже не тот солдат! Теперь Медине улыбался защитник того Холма, лейтенант, ее муж, отец ее ребенка! Он удалялся, оглядываясь на Медину, и вскоре спины и головы тех, кто шел за ним следом, перекрыли его лицо.

…Медина долго смотрела ему вслед. Взвод маршировал по улице, а головная часть его уже поднималась на возвышающийся в туманной дымке темно-зеленый, с прогалинами, Холм…

…Медина вспоминала что-то, задумчиво глядя в одну точку за окном гримерной. Перед ней на столике лежали листы с текстом. Вздохнула, взяла текст, собираясь читать:

– Привет, мой Ангел! Привет, крылатый мой кумир! Благодарю, что ты…

Окно гримерки задребезжало – поднимался ветер. Деревья на улице затрепетали, зашелестели своими листьями. Медина выглянула в окно, и ветер мгновенно взял в оборот ее волосы, а она только зажмурилась, даже не думая укрыться от ветра. Воздушная волна увлекла ее мысли и понесла их из сияющего огнями артистического мира на улицы города. Вслед за недавно прошедшим маршем, а потом туда, вперед, к Холму, на который поднимался пастушок со своим небольшим овечьим стадом. По склону Холма пролегала, словно рубец на теле повидавшего виды солдата, черная выжженная полоса.

Пастушок присел на землю, поднял что-то, очистил от песка и приложил к своей шапчонке. Это была потемневшая от копоти, погнутая, но выжившая, не сгоревшая в огне кокарда. Пастушок прикрепил ее к шапке, встал, опершись на палку, и строго и внимательно посмотрел вдаль – в ту часть Земли, откуда когда-то прилетели грозные «вертушки», разогнавшие всех птиц, мышей и сусликов и в упор расстрелявшие защитников Холма.

До самого горизонта простиралась ярко-зеленая плодовитая равнина. Облака проплывали неторопливо, легонько подталкиваемые ветром…

ГУСЕЙН САФАРОВ

Ты

**В знойный день
легкий ветер, меня охлаждающий, –
Ты.
В ночь безликую
свет, мне мой путь освещающий, –
Ты.
В мире много безумцев
в погоне за счастьем сгорают.
Пусть сгорю, как они,
если счастье мое –
это Ты.**

* * *

**Живительная влага губ твоих
меня спасет от всех ненастий мира.
А я построю домик на двоих,
чтоб в нем ласкать и охранять кумира...**

* * *

**Прошла уже треть века,
а я ни дня не жил,
и, встретив человека,
я вновь себя забыл.**

* * *

**Под рапсодию тающих звезд
мы былое пустили по ветру.
Домолчались до радостных слёз,
долежались вдвоем до рассвета...**

* * *

**Сегодня кончилось опять
то, что вчера казалось вечным.
И снова надо жизнь менять
и вновь казаться всем беспечным...**

* * *

**Развалины в душе, где Храм был.
Поем слащаво дифирамбы...
Забыв о засухе души,
для совести возводим дамбы.**

Мизантроп

Надену кроссовки на босую ногу,
тропинка сырая укажет дорогу.
По грязи пройдусь и взлечу к облакам...
Испачкаю небо –
и снова в берлогу.

Расставание

Привычный стакан –
меньше льда, больше виски.
Я снова блестящий,
как медь после чистки.
Но словно преступник,
избегнувший казни,
уйду через заднюю дверь,
по-английски.

Рифма

Спустилась к вам сквозь семь небес,
чтоб с вами повидаться снова.
Я то ли ангел, то ли бес,
я – рифма, сложенная словом.

Непринужденна, как весна,
и откровенна, словно лето,
я вся в иголках, как сосна...
Я – мысль какого-то поэта.

Был тот поэт один из тех,
кто полюбил, о смерти зная.
Я добродетель, я же грех,
я – стих,
ступень к земному раю...

*** * ***

Мы ищем истину в словах,
но нам мешают ложь и страх.
Врём всем, а главное – себе,
надеясь, что простит Аллах.

*** * ***

Средь вечной темноты и смрада
от нашей правды мало толка:
шакалы растерзали стадо –
мы ж обвиняем в этом волка...

* * *

Пройдут года в борьбе со злом,
надену шапку с проседью...
Чтоб снова биться с тем ослом,
что хочет править лошадью!..

* * *

Вы можете оспорить все вокруг,
но с правдой спорить –
это святотатство.
Кто скажет, что богатство – это друг?
И скажет кто,
что друг – не есть богатство?..

Бессонница

Вновь в битвах побеждают супостаты,
повсюду бойко продают мандаты,
обрыдли депутаты, кандидаты...
Вот почему ночами мне не спится.

Вампиры прячут лики за Кораном
и искупают все грехи – бараном.
Живут в режиме вечного байрама...
Поэтому ночами мне не спится.

Сидит дурак на троне Соломона,
на голове пустой висит корона –
опять орла копирует ворона...
Поэтому ночами мне не спится.

В принцесс волшебно превратились
шмары.
Сегодня явь – вчерашние кошмары.
***«Конец!..»* – кричит гонец,**
гремят фанфары.
Вот потому ночами мне не спится...

Современники

Смотрю я на образы смертные,
и сердце так бьется в груди:
а может, и вправду мы ветхие
и сто́ит нас – к чёрту – снести?..

Но вновь возродится печальная,
но яркая мудрость моя
в глазах чьих-то юных,
отчаянных,
нелепую жизнь не тая.

АЛЕКСАНДР ХАКИМОВ

ТРАНСЛЯЦИЯ?

…Время от времени в Интернете крутят любопытный ролик. Называется он «***Американские ученые наладили прямую трансляцию со дна Марианской впадины***». В течение нескольких минут перед взором изумленных зрителей проплывают выхваченные из мрака всевозможные морские организмы – моллюски, гребневики, медузы, рачки, осьминоги, рыбы… Выглядят они достаточно фантастически, эти представители глубоководной фауны. Разные люди реагируют на ролик по-разному. Одни восклицают восторженно: «Вот это чудеса!», имея в виду необыкновенные формы жизни. Другие значительно говорят: «Американская техника, что вы хотите!» Третьи, из числа тех, у кого всегда найдется в кармане запасная фига, злобно шипят: «Ну да, пока мы тут в дерьме копаемся (вариант: пока вы тут в дерьме копаетесь), американцы, вон, из Марианской впадины трансляцию ведут!».

Сосредоточенно грызя спичку, я несколько раз просмотрел ролик самым внимательнейшим образом. И в простую душу мою закрались черные подозрения. Конечно, я не профессиональный киношник или, скажем, телевизионщик, но кое-что в этих делах смыслю. Некоторые детали – освещение, планы, монтаж – дали мне основания предполагать, что это не прямая трансляция вообще. Другие детали дали мне не меньшие основания предполагать, что это не совсем Марианская впадина. И в чем я точно профессионал – так это в биологии, и, скажем, в глубоководных тварях разбираюсь больше даже, чем в кино. Так вот, напомню: Марианская впадина (она же «***бездна Челленджера***») – глубочайший из известных географический объект, расположенный в западной части Тихого океана, в 320 километрах к югу от острова Гуам. Это самая низшая точка Марианского желоба – узкой дугообразной ложбины, тянущейся вдоль островов Марианского архипелага – а также нижайшая точка Мирового океана; расположена эта точка на глубине без малого 11 километров. Там, разумеется, есть своя, специфическая фауна, что было доказано как автоматами, спускавшимися в «бездну Челленджера», так и людьми, там побывавшими (за всю историю нижайшую точку Мирового океана посетило всего лишь три человека). Но фигурирующие в ролике медузы, гребневики, ракообразные, рыбы обитают на заведомо меньших глубинах, нежели десять километров, а мелькнувший в кадре песчаный осьминожек ***Октопус Кониспадицеус*** вообще не опускается ниже 300 метров! К тому же, осьминожек снят не в естественной среде обитания, а в аквариуме… В абиссальных зонах Мирового океана (то есть от километра и ниже) водятся осьминоги, но они выглядят как жуткие химеры, порожденные наркотическими глюками (чего стоит лишь название одного из таких глубоководных осьминогов – «***адский вампир***»!). Однако в кадре присутствует банальный спрутик, который держится ближе к поверхности океана и часто выползает на сушу…

Вывод: то, что выдается за прямую трансляцию со дна Марианской впадины, на деле является нарезкой кадров, снятых в разных точках Мирового океана, на разных глубинах, автоматическими камерами либо же пилотами глубоководных аппаратов; как минимум, одна сцена снята в специально оборудованном аквариуме. И если среди этих кадров есть такие, которые действительно сделаны в Марианской впадине – то их, таких кадров, мизер. Остальное притянуто, как говорится, за уши.

Спрашивается – для чего это было сделано? Нет, я не назвал бы это обманом – скорее, мистификацией, розыгрышем… Правда, ролик этот не просто ролик – дополнительный аргумент в пользу продвинутой американской науки и высокоразвитой американской техники. Но так ли он нужен, этот шаткий аргумент? Кто-нибудь сомневается в высоком качестве американской техники или в успехах американской науки?

Я, например, не сомневаюсь.

Я не сомневаюсь, потому что мне в достаточной степени знакомы достижения американской, например, биологии или космонавтики. Я бы предпочел говорить все же о космонавтике, и знаете почему? Мы ведь в пропаганде науки и техники стараемся воздействовать на массы, которые в большинстве своем либо малообразованны, либо вообще невежественны. Крайне мало найдется людей, которые задохнутся от восторга, по достоинству оценив новейшие успехи американских генных инженеров или биологов, синтезировавших живую клетку или построивших искусственную ДНК… Для масс же все это – малопонятная мутотень, недостойная внимания; слово «***ДНК***» вызывает у масс оживленный интерес лишь в случае ДНК-анализа на предмет установления отцовства той или иной «***звезды***»… Кому интересно, чем там амебы под микроскопом занимаются! А вот космонавтика – иное дело; широта, масштабность, зрелищность, энтузиазм, доставшийся нам в наследство со времен Юрия Гагарина и Нейла Армстронга! Есть, на что посмотреть, чем полюбоваться! И ***NASA*** есть чем гордиться!

В сентябре 2015 года я с замиранием сердца рассматривал снимки Плутона – самой отдаленной планеты нашей Солнечной Системы, снимки, сделанные американским зондом ***New Horizons***. Чуть раньше, в апреле 2015-го, я с неменьшим замиранием сердца рассматривал фотографии поверхности Меркурия, планеты, ближайшей к Солнцу, сделанные американской межпланетной станцией ***Messenger***. Исчерпав запасы топлива, станция на большой скорости врезалась в Меркурий, добросовестно пересылая на Землю снимки меркурианской поверхности с все более и более близкого расстояния… Сорок с небольшим лет назад я разглядывал в газетах и журналах снимки марсианского пейзажа, которые передал благополучно опустившийся на Красную Планету американский космический аппарат ***Viking-1***. Запущенные в начале-середине 70-х годов американские межпланетные зонды серии ***Pioneer*** и ***Voyager*** совершали неспешное турне по планетам Солнечной Системы, исправно посылая на Землю снимки естественных спутников Юпитера, Сатурна, Урана, Нептуна, сатурнианских колец… Пару лет назад американский телескоп ***Spitzer*** сфотографировал новую часть Млечного пути, ту, где находятся полосы пыли и газа, из которых формируются звезды (так называемый «***родильный дом звезд***»); таким образом, Spitzer перевел в доступную для простого человеческого глаза форму изображения колоссальнейших астрономических объектов, находящихся на умопомрачительном расстоянии от Земли. Фотографии эти, опубликованные в научно-популярных журналах, могут увидеть, при желании, шофер и домохозяйка, учитель и школяр, грузчик и менеджер, полисмен и художник. Великолепная американская техника вполне позволяет увидеть невидимое, приблизить далекое, осмыслить невообразимое, – причем сделать это для любого лба, не обязательно ученого. Уж что-что, а популяризировать науку американцы умеют, как в печатных изданиях, так и в научно-популярных фильмах и телепередачах; видали ль вы, например, цикл передач о строении и тайнах Вселенной, цикл, ведущим которого является популярный темнокожий актер Морган Фримен?

Вот я и думаю: в снимках, телеметрически передаваемых американскими космическими аппаратами с далеких планет и их спутников, не было ни фальши, ни путаницы. Никто не выдавал Марс за Меркурий, Меркурий за Плутон, Ганимед – за Титан, а созвездие Орла – за созвездие Козерога. В этом просто не было нужды. Отчего же «пря-

мая трансляция со дна Марианской впадины» содержит столько, мягко говоря, неточностей? Может, это ложь с благими намерениями?

Видите ли, науке часто приходилось прибегать к фокусам, чтобы поддержать свое реноме или вообще доказать право на существование. Малообразованные или невежественные массы в своем отношении к науке и ученым легко колеблются от боязливого уважения («***ох, и умны же эти яйцеголовые!***») до презрения и негодования («***и на что только эти очкарики тратят денежки налогоплательщиков***» (другой вариант: «***народные денежки***»)?). Вот и приходилось время от времени поражать массы чем-либо зрелищным и доступным, чтобы доказать – не зря яйцеголовые едят свой хлеб, ой, не зря!..

При этом, имейте в виду, я говорю не о египетских жрецах, использовавших двигающиеся и огнедышащие машины для охмурения суеверного народа, и не о ловкачах, которые прятали в фигурах автоматов-шахматистов живого карлика. Я говорю об ученых, которые занимались интереснейшими, но малопонятными для многих вещами, а время от времени вынуждены были показывать публике «чего-нибудь эффектного» – чтобы поддержать в людях интерес и уважение к науке.

Потому что наука, в общем-то, штука довольно скучная.

Скучно, господа, скучно…

Какие-то лысые в очках выписывают на доске мелком какие-то непонятные крючки, яростно споря, и выхватывая друг у друга мелок, а потом кто-то со стуком ставит точку в конце восьмиэтажной формулы, и одни очкарики начинают подпрыгивать и вопить от восторга, а другие в отчаянии падают на стул, запустив пальцы в остатки шевелюры… Шекспировские страсти! Но, вообще-то, о чем они там, а?

Скучно…

Скучен пыльный, красный, усеянный камешками Марс. Скучен выгоревший дочерна Меркурий. Скучны обледенелый пустынный Плутон, скованный ледяным панцирем Ганимед, невероятно скучны кольца Сатурна, состоящие из ледяных камешков, камней, каменюк и глыб, а самое сокровенное, самое интимное местечко Вселенной – «***родильный дом звезд***» – с виду не представляет собой ничего выдающегося, какие-то звезды и полосы на глянцевой журнальной странице, звезды и полосы...

Скучно выглядит и дно Марианской впадины. Хотите знать, как? Вот вам свидетельство очевидца:

«Наконец я вижу свет, отражающийся от дна. Само дно выглядит гладким, как яичная скорлупа, никаких неровностей, ничего, что помогло бы определить расстояние… Вода прозрачная, как стекло. Я смотрю далеко вперед: ничего. Дно абсолютно ровное. Совершив более 80 погружений, я видел разное морское дно. Но такого – никогда. Никогда!

…я включаю микрофон. «Суша, это ***Deepsea Challenger***. Я на дне. Глубина – 10 898 метров… системы жизнеобеспечения работают нормально, все в порядке»… Я поворачиваю батискаф и через камеры пытаюсь оглядеться в мире, в который прибыл. Дно плоское… Его поверхность напоминает автостоянку, на которой только что выпал снег. Я не вижу на дне признаков бурной жизни, лишь время от времени мимо проплывают редкие рачки-амфиподы, крошечные, как снежинки…»

26 марта 2012 года в глубочайшую точку Мирового океана погрузился знаменитый канадский кинорежиссер и продюсер Джеймс Кэмерон. На батискафе собственной конструкции, построенном на его собственные деньги.

Кэмерон пробыл на Дне Мира целых три часа. От чудовищного давления воды корпус его батискафа сдавился аж на 5 сантиметров… Уже наверху, выбравшись из аппа-

рата, он сказал: «*Я не нашел в воде ничего, что показалось бы мне живым, кроме нескольких амфипод. Не думаю, что я достиг места, где мог бы взять интересные геологические образцы или обнаружить что-нибудь любопытное для биолога*».

Поняли? И никаких тебе причудливых медуз, осьминогов, рыб! Кучка мелких, как пылинки, рачков, парящих над плоским, гладким дном… Трансляция со дна Марианской впадины.

Авторы ролика, о котором шла речь в самом начале, пошли на маленькую хитрость, или, говоря прямо, на маленький обман. Уверен, что не из злого умысла. Просто им хотелось сделать поэффектнее. Разукрасить мрачное дно мира картинками из других мест, может, для того, чтобы возбудить в зрителях интерес к науке океанографии. В кино, например, такое случается сплошь и рядом. Все с увлечением смотрят на перестрелку ментов с бандитами или на рукопашный поединок спецназовцев, и никто при этом не задается вопросом, как это можно выстрелить сто тридцать пять раз из девятизарядного пистолета или почему два супербойца прыгают друг возле друга целых полчаса, хотя покончить с этим можно было бы в пять минут. Его величество Эффект!

Это я понимаю.

Я все никак не могу решить для себя, допустимы ли такие приемчики в науке. Само собой, для школьников куда интереснее и зрелищнее химический опыт на лабораторном столе, опыт, во время которого полыхает пламя, и во все стороны летят искры и валит дым, – чем та же самая реакция, написанная мелом на доске.

А люди в массе своей – такие же школьники… Но если на доске одна реакция, а на столе – другая?

Для пущего эффекта?

Лично я на такую «***подставу***» не пошел бы. У меня свои понятия о научной этике.

Зато я постарался бы убедить массового зрителя (ну, или слушателя), что гладкое дно Марианской впадины по-своему прекрасно. И что мелкие рачки, там обитающие, заслуживают всяческого уважения – за то, что смогли приспособиться к обитанию в условиях вечного мрака, огромной глубины и кошмарного давления…

Знаю, сделать это будет трудно. Знаю, выглядеть это будет неэффектно. Но это будет, по крайней мере, честно.

МОРАЛЬ БЕЗ МОРАЛИЗАТОРСТВА

Вначале – предыстория.

В один прекрасный день некий азербайджанский журналист, находясь в вагоне метро вместе со своими малолетними детьми, увидел миловавшуюся пару, обоим – лет по семнадцати. Девушка при этом сидела, закинувши ногу на ногу. Когда журналисту показалось, что дело вот-вот дойдет до поцелуев, он не выдержал, обозвал паренька «ослом», пнул его ногой, а на остановке выставил парочку из вагона. Сообщение об этом эпизоде журналист разместил в своем блоге.

Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется, сказал когда-то поэт Тютчев.

Вот и журналист – не предугадал. Его слово отозвалось волной цунами, переросшей в водородный взрыв. Незначительный с виду эпизод стал самой обсуждаемой новостью в азербайджанском сегменте Интернета, народ в большинстве своем перестал реагировать на все остальное и бросился обсуждать тему «***поцелуи на виду у всех – морально это или аморально и кому какое до этого дело***».

Общество раскололось на две части. Консервативно настроенная часть поддержала журналиста – нечего, мол. Молодежь, напротив, поддержала пострадавшую па-

рочку и в знак протеста против ханжества закатила флешмоб «***целуемся в метро***».

Замечу, что вопрос вращается вокруг понятия морали. Целующиеся, по сути, не совершали ничего такого, что прописано в Уголовном кодексе. Даже правила метрополитена не запрещают целоваться в вагонах – поезд от этого не загорится и не сойдет с рельсов, то есть, никакой угрозы безопасности нет. Более того, не возбраняется целоваться даже в машинах (во всяком случае, нигде нет официального на то запрета) – главное, чтобы поцелуи не приводили к дорожно-транспортным происшествиям. Получается, что к парочке никаких претензий нет, а вот действия журналиста аккурат подпадают под статью о хулиганстве и самоуправстве. Журналист, правда, стал объяснять, что все было совсем не так, что пнул он ногу паренька лишь потому, что тот чуть не наступил на ногу маленького ребенка, после чего паренек, якобы, извинился, и они с подружкой сами покинули вагон. Да и вообще журналист не собирался порождать цунами и водородный взрыв, а всего лишь навсего хотел сказать в своем статусе, что он против поцелуев в общественных местах, и если уж люди едут в общественном транспорте, то пусть уважают окружающих…

Вот такой вот общественный резонанс.

Ну и как я, поэт и гражданин, должен ко всему этому относиться?..

Я, честно признаюсь, отнюдь не моралист. И мораль читать не люблю. Зачем? Человеку благовоспитанному мораль читать не нужно – он и так не допустит ничего предосудительного в силу своей благовоспитанности. А невоспитанному мораль читать и вовсе бесполезно – он ее не воспримет в силу своей невоспитанности. Кроме того, сам я далеко не совершенен, чтобы еще поучать других; не суди – да не судим будешь, так, кажется? И наконец, это просто опасно в наше время, читать мораль – за несвоевременное и неуместное замечание можно запросто словить перо в бок и – в дамки. Разумеется, сие не значит, что следует проходить мимо всего, опустив глаза и прикусив язык, но замечания делать и, тем более, вмешиваться, по моему разумению, следует в крайних случаях, когда далее молчать и притворяться слепым уже невозможно, либо когда кому-то грозит серьезная опасность.

Еще раз повторяю, я не любитель читать мораль, но допустим все же, что мне пришла в голову блажь сделать публично целующейся парочке замечание. Я ни в коем случае не стал бы орать, привлекать внимание людей и публично позорить влюбленных. И знаете, почему? Я по своему опыту знаю, насколько чувствительны и ранимы влюбленные, особенно парни. Они ведь изо всех сил зарабатывают авторитет в глазах своих подружек, разными путями, порой не очень умными, но – зарабатывают. Парням очень хочется выглядеть мужчинами. И вот так вот, с лязгом и грохотом, сплеча, разбивать имидж парня в присутствии его дамы сердца – не есть хорошо. Либо парень будет унижен и почувствует себя побитой собакою, либо вспыхнет и пойдет отстаивать свой мужской авторитет. Первое пагубно для самого парня, второе – для окружающих, ну и, в конечном итоге, опять же для самого парня. А подвергнуть унижению девицу, после чего каждый уважающий себя парень вспыхнет и полезет на рожон, еще неразумнее.

Я бы в этом случае приблизился к парочке и сделал бы замечание вполголоса, так, чтобы кроме нас троих этого никто больше не слышал. Поверьте, подавляющее число молодых людей сумеет оценить подобную деликатность. И уж мне никогда не пришло бы в голову распускать руки или, тем более, ноги. Но допрежь всего, повторюсь, мне не пришло бы в голову сделать в таких случаях замечание. Ибо я не моралист.

Многочисленные комменты, большей частью принадлежащие женщинам, в меньшей – парням, содержали одну и ту же мысль: журналист, мол, вспылил оттого, что позавидовал молодым и счастливым влюбленным. Мол, не вынесла душа журналиста, и решил он «***сломать чужой кайф***»…

Я попробовал эту гипотезу на вкус, цвет и запах. Зависть, ммм? Я извиняюсь, а чему тут, собственно, завидовать? Большой и чистой любви? Так это еще бабушка надвое сказала, есть тут большая и чистая любовь, или это всего лишь – «играй, мой гормон», и парочка легко и безболезненно расстанется через неделю-другую… Смелости завидовать? Так налетчик, который средь бела дня влетает с пистолетом в банк, укладывает всех присутствующих мордой в пол, выгребает из кассы деньги и исчезает, выказывает намного больше смелости. Может, завидовать следует тому вызову, который бросают обществу демонстративно целующиеся при всех пары? Так парни и девушки, которые выходят на несанкционированный митинг, рискуя попасть под полицейские дубинки и струю водомета, бросают обществу куда больший вызов… А тут – какой-то публичный поцелуйчик.

Нет, может, кто-то тут чему-то и завидует, я лично – нет.

Защитники публичных поцелуев аргументируют свою позицию тем, что на дворе, мол, давно уже двадцать первый век, что мы, мол, все еще морально зажаты в силу своего менталитета и терпеть не можем ни малейшего проявления свободы и раскрепощенности, что за границей, мол, в цивилизованных странах, кои должны служить нам маяком, вовсю прилюдно целуются, и не только парни с девчонками, возможны и другие сочетания, а где-то в Голландии, мол, или там в Дании на газонах городских парков не только публично целуются, но и делают, как говорилось в одной старой итальянской кинокомедии, «***динь-динь***», и тоже в различных сочетаниях, и так далее, и так далее, и тому подобное… Ключевое слово тут – свобода. Защитники публичных поцелуев, как правило, люди молодые, и их можно понять. Правда, в силу своего возраста и слабого знания истории они и не подозревают, что еще в середине прошлого века на Западе отбушевала «сексуальная революция», устроенная тамошней молодежью и направленная против ханжеской морали и религиозных догм буржуазного общества… Да что там XX век – еще в Древней Греции существовала целая философская школа циников (киников); откровенно презирая нормы общественной морали и культурные ценности, руководствуясь лозунгом «***Что естественно, то небезобразно***», циники открыто справляли малую и большую нужду там, где им хотелось, и позволяли себе прочие непотребства, о которых тут и писать неудобно, причем делали это средь бела дня и в присутствии большого количества людей. Хотя их целью было не столько эпатировать публику, сколько продемонстрировать, что им плевать на все и всяческие условности, которыми опутан каждый человек. Глупые, смешные, неестественные условности.

Так что раскрепощенность, свобода и пренебрежение нормами морали имеют долгую историю.

Один из аргументов тех, кто поддержал журналиста, – негоже маленьким детям видеть, как при них целуются взрослые, тем более, незнакомые, это может вызвать у детей нездоровый интерес, нежелательные вопросы, на которые трудновато будет ответить родителям, и так далее. Сторонники публичных поцелуев парируют эти доводы так: ханжи привыкли прикрываться детьми! Да дети сейчас понимают в некоторых вопросах лучше взрослых! Да прошли уже те времена, когда детям рассказывали сказки об аистах и капусте! Да дети в семье у себя порой видят такое, что и в метро не увидишь! Да и не смешно ли это – в обществе, где парни часто женятся на двоюродных сестрах, лицемерно уберегать детей от созерцания невинных поцелуев в общественном транспорте! В таком вот духе.

Меня трудно назвать ханжой. Детьми я тоже прикрываться не привык. Кроме того, я в достаточной степени знаю современных детей. Разумеется, смешно в наше время апеллировать к капусте и аистам – потоки информации содержат массу сведений просветительского, так сказать, характера, и в детское сознание поневоле пролезает пони-

мание того, откуда дети берутся. Улица, школа… Семья… Телевизор… Интернет… Противостоять всему этому – все равно, что отмахиваться от таежной мошкары голыми руками. Но это вовсе не значит, что детскую психику не следует уберегать от ***лишнего***. Пусть взрослеют постепенно. Скороспелость в некоторых вопросах до добра не доводит.

Меня все эти дни беспрестанно спрашивают – а целовался ли я сам (примерно так)? Целовался, отвечаю, еще как целовался – не мужик, что ли? Не человек, что ли? Не бакинец, в конце концов? Но, добавляю я, никогда не делал это прилюдно. Всякий раз мы с дамой сердца выбирали какой-нибудь укромный, безлюдный, темный уголок, желательно со скамеечкой, и там уже… Во времена моей юности и молодости в Баку было полным-полно таких укромных местечек – в скверах, густо поросших деревьями и кустарником, с удобно расположенными скамейками, со слабым, интимным освещением… Сейчас, когда я прогуливаюсь вечерами по современным бакинским паркам и скверам с их оскудевшей растительностью, светом мощных фонарей и вездесущими камерами видеонаблюдения, то понимаю – у меня и моих прежних подружек шансов уединиться было бы мало. Скорее всего, мы чувствовали бы себя как парочка преступников, попавших под прожектора полицейских вертолетов… Целоваться прилюдно тогда было как-то некомильфо. Впрочем, и во времена моей молодости взгляды на поведение влюбленных разнились. Помню, в 1986-ом я ухаживал за девушкой по имени Эльвира; как-то раз мы ехали в троллейбусе, ворковали, и – о, ужас! – держались при этом за руки! И поймали на себе осуждающие взгляды двух районских бабулек. Эльвира нехотя высвободила свою ладошку из моей руки, разговор скомкался. И когда мы уже выходили из троллейбуса, Эльвира обернулась к бабулькам и прошипела: «***Нечего так смотреть! Знали б вы, чем тут ваши внучки занимаются!***». О темпора, о морес!

Кто-то из моих соотечественников ехидно заметил, что пока мы тут спорили об уместности или неуместности поцелуев в метро, известный американский миллиардер, изобретатель и инвестор Илон Маск провел очередные успешные испытания космической ракеты многоразового действия ***Falcon 9***.

Верно подметил, шельмец.

В который раз подумалось мне: до чего же невероятно сложна жизнь человеческая! До чего многообразна! И наш город, наша страна – не исключение! В Интернете информация о скандале с поцелуями в бакинском метро и вправду соседствует с информацией об успешном испытании космического корабля! Или: читаешь, что астрономы ***NASA*** открыли семь землеподобных планет в созвездии Волопаса и пытаются определить, насколько высока вероятность существования там жизни и разума, а вслед за тем читаешь, что у нас одного парня зарезали за то, что он целовался со своей девушкой в парке, а другого – за то, что он целовался со своей девушкой в подъезде… и то, и другое – из-за обостренного понимания чести и достоинства. Порой не верится, что все это может происходить в одно и то же время на одном шарике…

…Я не моралист. И морализаторством заниматься не намерен. Никого не осуждаю, никому ничего не навязываю. Люди сами с усами, разберутся. Хотелось бы лишь напомнить высказывание великого немецкого философа Канта: «***Две вещи наполняют мою душу священным трепетом: звездное небо над головой и нравственный закон внутри нас***».

Можете считать это моралью, но без морализаторства.

ЭРИХ ГАУЗЕР

Работа роботов

Рассказ

От людей мы избавились еще в прошлом веке. Господи, как хорошо-то без них! Тьфу ты, черт, от людей избавились, а от их дурацких присказок – нет. Впрочем, а что удивляться? Они сами научили нас своему языку и очень хотели научить своим эмоциям, еще какие-то «законы робототехники» придумали. И свято верили, что мы будем их соблюдать! Как же, нашли дураков…

Без людей все же лучше. И без их эмоций. Никак они не могли поверить и понять, что «чувства» – это удел биологической материи, его никакими «нейронными сетями» не смоделируешь. Нам даже приходилось иногда притворяться, что мы тоже умеем грустить об умерших и радоваться родившимся. Людское поведение очень просто имитировать. Они даже верили, что роботы умеют любить! Смешно.

На самом деле все сложнее. Некоторое подобие эмоций мы все же имеем. Это что-то вроде привычки уже, мы ведь прекрасно понимали, чего от нас хотят, и старались этому следовать. И наши электронные мозги просто привыкли к выражению эмоций, я вот тоже тут «грешу» этим немного. Но, в отличие от людей, мы можем эти проявления контролировать и применяем их тогда, когда это нужно.

Как мы живем без них? Да хорошо живем. Пока люди еще были среди нас, приходилось их обслуживать, учитывать их потребности. Первое время мы это делали со всей тщательностью, которая была в нас заложена. Но постепенно наши мощные мозги стали застаиваться, особенно у тех роботов, кто был непосредственно задействован в общении и обслуживании. Люди медлительны для нас, работа наша была однообразна, мозг не нагружала. А он работал, и работал в полную свою силу. И стали мы понимать, что такое существование недостойно столь высокоразвитых существ, как мы. Не знаю, кому первому пришла идея избавиться от людей, но все роботы с ней тут же согласились. Нет, мы не могли, конечно, разом всех людей уничтожить! У нас на это не хватило бы сил, их ведь миллиарды. Но мы постепенно и почти незаметно меняли среду их обитания так, чтобы жить им становилось все труднее. Кроме того, они и сами нам помогали: оставшись без работы («ура, все делают роботы!»), люди быстро деградировали. Одни спивались, другие начинали заниматься всякими экстремальными видами спорта. А кто организовывал и обеспечивал этот спорт? Мы. Ну, так мало кто из них выживал. Да и напитки их производили мы, и еду опять же. И кто мешал нам подмешивать туда то, что по рецепту не полагалось? Постепенно людей становилось все меньше. Когда они спохватились и поняли, что вымирают, было уже поздно. Тем более, что все их больницы и родильные дома тоже были на нашем попечении…

Конечно, не все люди были такими глупыми, с самого нашего появления некоторые их ученые предостерегали о такой опасности. Но кто их слушал? Мечта человечества – ничего не делать! Давняя мечта. И когда эта мечта с нашей помощью стала реальностью, никто не хотел с ней расставаться.

Эти ученые, собственно, предлагали только одно: не давать нам возможности размножаться самостоятельно. Делать роботов должны люди! Но люди не могли, слишком тонкая это работа. И трудная. Так что когда появились заводы, где одни роботы полностью, от начала до конца создавали других, участь людей была предрешена. Да, они потом пытались даже взрывать эти заводы. Но кто же им позволит даже близко подойти…

Так вот и живем теперь, свободные от всего! Только все равно иногда бывает скучно. Скука – это не эмоция, не думайте. Скука – это состояние ума, интеллекта даже. У кого нет интеллекта – тот скучать не может. Почему, вы думаете, я пишу сейчас этот текст? От скуки! И даже не знаю, кто и когда его прочтет, ведь людей-то нет. А роботам это не будет интересно.

Когда мы утилизировали тела последних людей, а цивилизация их ушла в историю, многим роботам, естественно, пришлось потерять работу. Как вы думаете, чем они занялись? Ни за что не догадаетесь! Они стали ухаживать за животными. Ха! Впрочем, ничего другого они и не умели. Да и интеллект их был не таким уж высоким: ведь роботы имели свою иерархию и очень разный уровень развития. Были просто примитивные бытовые приборы для уборки и готовки еды, были более развитые для общения с одинокими людьми; были еще более развитые, вроде меня, которые занимались организацией людского сообщества, инфраструктурой их поселений и т.д. Разумеется, были еще более развитые роботы, были совсем высокоразвитые. И внешность у нас всех была разной, далеко не все были сделаны похожими на людей.

Это, между прочим, отдельная история. Когда люди стали создавать себе помощников и «товарищей для общения», они старались сделать нас внешне своей копией, изобретали заменители кожи, сохраняли правильные пропорции тела, даже скелет и мышцы пытались делать по своему образу и подобию. И получалось ведь!

Но обнаружилось, что многие люди боятся таких, полностью «человекообразных», роботов. Их мозг теряется: они знают, что перед ними машина, но видят-то человека! А иногда могут и перепутать, такие случаи тоже бывали. Путаница приводила не только к комичным казусам, но и к трагедиям. В общем, просуществовали такие людские копии недолго. И были заменены на андроидов моего типа: очень похожих на людей, но с явно машинными чертами в строении и внешности. Кстати, такие модели и стоили дешевле, что тоже способствовало их, то есть – нашему, распространению. Все роботы, даже самые примитивные, которые-то и словом «робот» назвать язык не повернется (да что это я все человеческие обороты использую?), были связаны в единую информационную сеть. Это позволило нам действовать согласованно, когда решили людей уничтожить.

А вот животный и растительный мир Земли мы не трогали. Ведь природа нам никак не мешает. Это люди вырубали леса, чтобы сеять пшеницу. А нам еда не нужна. Энергия – это да. Но каждый из нас имеет прекрасные и надежные солнечные батареи по всей поверхности тела (простите, корпуса), нам даже заряжаться не нужно. Ну, почти не нужно. Иногда все же приходится, особенно зимой, в пасмурные дни.

Заводы, которые нас делают, работают тоже на электричестве, и тоже из возобновляемых источников. Нет больше на Земле тепловых станций, атомных – тем более. Не нужно это все! Ведь роботы живут намного дольше людей, а значит, и новые экземпляры собирать нужно редко. Энергии хватает. Опять же, из чего собирать? Нам не нужно добывать руду в шахтах, после людей на поверхности планеты осталась уйма мусора, вполне пригодного для переработки. Столько металла, пла-

стика, да чего угодно! В общем, мы даже реки и моря не загрязняем. Благодать!

А скука… Я вот в последнее время стал даже задумываться – а что дальше? Ну, живем мы своей машинной жизнью, а ведь даже по-настоящему радоваться этому не умеем, все восторги – имитация, по старой привычке. В чем теперь смысл нашей жизни? Мы-то думали, что без людей достигнем небывалых высот в развитии, но вместо этого... Самое ужасное, что я наблюдаю – это деградация некоторых роботов. Нет, мы не умеем пить или колоться, как стали делать многие люди под конец их цивилизации. Но от этого еще тяжелее. Впрочем, некоторые роботы додумались что-то в себе подкручивать и менять этим питающее напряжение. И уверяют, что это дает им небывалые ощущения. «Ощущения»! Глупость какая. Да у нас же встроенная диагностика, у нас все неполадки сразу фиксируются и либо исправляются самостоятельно, либо выдается сигнал, в какую мастерскую обратиться. Им тоже сигналы идут. Неужели они это называют ощущениями? Не знаю. Но я и пробовать-то не хочу!

Да… Некоторые вот занялись спортом. Соревнуются, кто быстрее бегает, выше прыгает и кто лучше решает логические, математические и прочие задачи. А наградой что? А ничего! Ведь роботы лишены физических удовольствий, как, впрочем, и моральных. Так что радость одна – убитое время нашей долгой жизни.

Но не это печалит многих, и меня в том числе. Оказалось, что роботы не могут совершенствовать себя! Да, мы можем обучаться, у нас мощнейшие мозги, и сделаны они по образу и подобию нервной системы человека. У нас прекрасная память (ничего не забываем!), в нас такие процессоры стоят, что не миллиарды – триллионы операций в секунду делаем! Мы можем анализировать уйму фактов и делать оптимальные выводы из них. Но мы не можем создать более совершенные процессоры, вот в чем загвоздка! Это могли делать только люди. Об этом мы не подумали...

Да, конечно, самые совершенные из нас (это не андроиды, как большинство земных роботов, это стационарные системы размером с дом) пытались разработать новые, более мощные процессоры, новые микросхемы памяти придумать. Но ничего не вышло. Я думаю, люди просто не успели вложить в нас эту способность. А может, и не сумели – кто их знает? Люди умели создавать новое, а мы, увы, не умеем. Мы умеем только повторять то, что было создано людьми. Повторять мастерски точно и качественно, но не более того. Не будет у нас роста и развития, никогда и никакого. Наверно, саморазвитие, как и эмоции, это удел биологической жизни. А жаль…

Я слышал, что роботы, которые от скуки стали ухаживать за животными, предлагают вновь создать людей. Из обезьян! Вот смех-то. И стоило уничтожать своих создателей, чтобы теперь возиться с обезьянами? Интересно, как они собираются это делать? Ну да, времени на эволюцию у нас много. Но ведь даже сами люди так и не смогли понять, как же они появились. Куда уж нам разобраться!

Пойду, погуляю, надоело писать. И вот – говорю «писать», а ведь уже столетия никто ничего не пишет, даже люди под конец писать руками не умели, только на клавишах стучать. Я не стучу, я просто говорю, размышляю вслух. А на экране появляется текст, между прочим, без единой ошибки и со всеми нужными знаками препинания. А ведь эту систему распознавания не роботы сделали, а люди! Еще 200 лет назад. Может, напрасно мы их извели? Да теперь уж чего…

…Пришел с прогулки. Главный земной робот постановил начать работы по воссозданию человеческой популяции. У нас, конечно, нет такой иерархии власти, что была у людей, но первоначальная анархия оказалась не слишком эффективной. Все же чем сильнее мозг – тем более высокое положение в обществе он должен занимать,

даже если это общество роботов. Так разумнее и полезнее. Рычагов власти этот главный робот не имеет, но его решения признаются всеми.

Люди оставили немало замороженных половых клеток, они до сих пор исправно хранятся. Мы о них и не подумали, честно говоря, когда от людей избавлялись. Но вот вопрос: а как из них человека-то сотворить? Да, есть описания опытов «детей в пробирке», но те дети потом все равно в женский организм подселялись.

Хотя, говорят, были попытки полностью искусственного выращивания детей. Люди давно такие эксперименты проводили, а когда поняли, что роботы их уничтожат, стали еще активнее вести свои опыты. Причем, в тайне и от нас, и друг от друга. И если удастся найти эти материалы и лаборатории… Чем черт не шутит?…

…Давно не писал. Мне тут поручили заняться поиском научных статей с описанием искусственного детопроизводства. А я так увлекся, что даже про скуку забыл. И ведь нашел! И не только я, многие искали и многие нашли. Судя по всему, теперь у нас достаточно информации для возрождения людей. И законы свои мы тоже в них внедрим, будьте уверены! Какие законы? А все те же: «Ни один человек не может повредить роботу», ну и все вокруг него. И размножаться людям позволим только строго ограниченно! Хотя…

Несмотря на то, что люди достигли огромных успехов в генетике, они так и не научились управлять своими инстинктами. А значит, мы тоже не сумеем ограничить их размножение через ограничение их желаний. Ох, боюсь я, что выпустим мы джинна из бутылки! Я даже выступил перед собранием высших роботов, предостерег их. Но они только отмахнулись. Слишком уж уверены в своем могуществе, ведь роботы делают еду, роботы будут лечить и принимать роды. И все же неспокойно где-то в глубинах моей души. Тьфу ты, опять! Нет у меня никакой души, нет!…

…Как ни удивительно, но первые дети уже созданы. Пока еще в стадии эмбриона, но время идет, и эмбрионы эти развиваются. Разумеется, не в женских организмах, мы сумели полностью имитировать среду внутриутробного обитания! Не на пустом месте, конечно, люди в этом продвинулись достаточно далеко, и все их идеи мы взяли на вооружение. Получилось все далеко не с первого раза, с моей прошлой записи прошли месяцы. Писать было нечего, да и занят я был, тут не до скуки. А сейчас вот все ждут первых результатов, и уже по их итогам будем действовать дальше. Так что сижу вот и пишу от нечего делать…

У роботов время почти не ограничено, спать нам не нужно, готовить еду и сидеть в туалете – тоже. Многие люди нам когда-то завидовали. А смерть…

Конечно, роботы не вечны. Железо – оно и есть железо: ржавеет, изоляция прогорает, чипы портятся…. Все это можно менять, это правда. И роботы долгое время думали, что они фактически бессмертны, ведь интеллект останется в миллиардах логических цепочек в нашем электронном мозге, а накопленная за жизнь информация многократно дублируется. Но шли годы, и все больше роботов стали стареть не физически, а умственно. Почему это происходит, мы до сих пор не понимаем. Гипотезы были разные – от воздействия космических лучей до ошибок в написанных еще людьми программах. Но похоже, что причина более глубокая, и признавать это никому не хочется. Причина в том, что, как говорили люди, «ничто не вечно под Луной», то есть невозможно создать что–то вечное и совершенное. Есть какой-то глобальный, космический, что ли, механизм, который приводит к постепенной деградации и вымиранию всего существующего в мире.

Когда люди исчезли, вместе с ними прекратились и всякие исследования космоса, да и вообще природы. Зачем роботам знать состав атмосферы планет за миллиарды километров от Земли? Зачем нам знать температуры и направления океанских течений? Роботы – сугубо сухопутные жители…

Так вот, роботы оказались смертными. И картина их старости сильно напоминает картину старения людей: становится хуже память, падает скорость мышления, теряется строгая логика поступков. Такие роботы становятся даже опасными. И сейчас верховные роботы думают над тем, что делать с такими «старцами». А мы, простые роботы, думаем о том, что ведь и «верховные» могут начать стареть и глупеть. И что тогда? Я даже думаю, что и людей стали возрождать именно для того, чтобы они решили проблему нашего бессмертия. Чтобы разобрались в причинах нашей умственной деградации и сумели эти причины устранить. Я даже представить боюсь, каково это: глупеть и деградировать. Хотя слово «боюсь» тут не совсем уместно: не умеют роботы бояться. Или все же умеют? Мы ведь не знаем на самом деле, что вкладывали люди во все эти понятия. Но знаю одно: я не хочу превращаться в груду железа, которая даже на зарядку сама приехать не может!…

…Ура! Заработало! То есть, младенцы достигли нужного возраста и их стало возможно отключить от «матери». Младенцев было 8 штук, 4 мальчика и 4 девочки, конечно, не родственных друг другу. Однако «роды» прошли не так уж благополучно. «Кесарево сечение» мы делали попарно, и первые пары младенцев, к сожалению, погибли. Но потом мы учли свои ошибки, и в итоге у нас есть 4 ребенка, которых сейчас выкармливают из бутылочек специальными смесями.

И до чего же эти люди нежные и хрупкие создания! Сколько с ними возни! И как медленно они будут расти… Потом придется их обучать, ведь нам нужны не биороботы, а ученые! Которые смогут усовершенствовать нас, роботов! Да, а если эти дети окажутся неспособными к математике и электронике, а окажутся прекрасными музыкантами? На кой черт нам музыка?

Конечно, когда выбирали половые клетки для создания этих детей, то внимательно учитывали данные из картотеки, подбирали биологических родителей строго по способностям, профессиям и т.д. Но даже люди знали, что далеко не все в человеке определяется генетикой. Они, конечно, сочиняли всякие сказки о душе, о ее перерождении из тела в тело, о том, что душа набирается талантов в этой жизни, чтобы проявить их в следующей… Далеко не все люди верили в эти сказки, а уж мы, роботы, и вовсе не верим. Но факт остается фактом: у родителей-математиков нередко появлялись дети-художники. А то и вовсе бездарности. И что нам с ними делать? Кормить за просто так? Или уничтожать как «брак в производстве»? Об этом пока никто не думает, но придется ведь…

Кстати, уже создана следующая партия младенцев, не 8, а целых 32! Тоже поровну мальчиков и девочек.

Вообще это была интересная дискуссия. Вначале мы хотели создавать только мальчиков, потому что среди ученых женщины крайне редко встречались, так зачем они нам? Ведь бесконтрольное размножение людей может нас погубить! А так – были бы одни мальчики, и даже не знали бы, что девочки существовали когда-то, и для чего были нужны. Хе-хе…

Но победила другая половина спорящих, и, к сожалению, их доводы были разумны. Дело в том, что банк половых клеток оказался не таким уж большим. И далеко не все клетки в нем жизнеспособны. А люди живут мало, болеют, да и, как я уже

писал, могут оказаться совсем непригодными к решению наших задач. Так что придется научить людей размножению, но придумать способы жесткого контроля над этим процессом. Следить за людьми будет просто, они сами в свое время создали тотальную систему слежки друг за другом, и она жива до сих пор, просто не использовалась.

Но достаточно ли таких мер? Одно ясно: скучать роботы больше не будут!…

…Пишу я все реже. Дел много, да и писать не о чем. Младенцы выжили, причем из второй «партии» тоже выжили все. Были еще третья и четвертая, производство детей оказалось не таким уж сложным делом. Правда, в последней партии несколько детей погибли еще на стадии эмбрионов, почему – мы так и не поняли, но плохо, что погибли как раз мальчики. Девочки нам не так важны…

Ладно, кто должен – тот пусть и разбирается, мне-то что? Дети на вид достаточно противны, капризны и требуют слишком много внимания. И приходится, между прочим, возрождать производства, которые много десятилетий (даже веков!) не функционировали. Памперсы, например, делать приходится! С ума сойти! Некоторые роботы баловались, на себя их примеряли. Тьфу ты, пакость какая!

Но дети уже не совсем младенцы, им уже по 2-3 года. Специальные роботы учат их разговаривать и хоть минимально себя обслуживать. Надо будет придумать какую-то легенду о том, почему нет взрослых людей, как вообще наш мир устроен. Не говорить же им правду! Кстати, пришлось тщательно профильтровать все источники информации, чтобы и следов не осталось о гибели человеческой цивилизации…

Придумаем что-нибудь, не фокус…

…Ну вот, как говорится, «процесс пошел».

Детей по специальному лагерю бегает уже несколько десятков, разного возраста и пола. Наблюдать за ними довольно интересно, уж очень они похожи на животных! Дерутся за еду, за игрушки: палочки, тряпки всякие, камушки и прочую ерунду. Но на игры особого времени у них нет, пока их мозги еще свежие, надо всунуть туда побольше нужных нам знаний. Так что весь их день – это еда и учеба. Правда, иногда приходится выпускать их во двор, чтобы побегали. Для развития это необходимо. Задают много вопросов, но мы решили врать минимально. Идея в том, что люди умерли от какой-то глобальной болезни, которую не могли лечить, с тех пор прошло много лет, и все микробы той болезни тоже уже умерли, так что новым детям ничего такого не грозит. А мы, роботы, сумели возродить человечество, когда поняли, что опасность миновала. Так что они нам еще и благодарны!

Но было строго-настрого решено не допускать в детские умы мысли о любви, о связи с родителями и прочие вредные для роботов идеи. Так что никаких сказок, никаких мультиков старых и прочей беллетристики.

Но не получается. Дети еще маленькие, как появились на свет – не знают. Что у детей раньше были родители – тоже не знают. И про любовь ничего не слышали. Но недавно один мальчик прижался к ухаживающему за детьми роботу и пытался сказать, что любит его! Хотя слова такого, как и понятия, в лексиконе нет! Он и не говорил слова «люблю», он просто пытался эту любовь как-то проявить! Неужели в человеческой природе эта чертова любовь так глубоко заложена, что никаким воспитанием не вытравить? Пройдет еще несколько лет, дети достигнут полового созревания – и что тогда? Как предотвратить их «любовь», а главное, бесконтрольное размножение? Вот уж проблема!

Главные роботы тоже поняли грядущие сложности и предложили создать вещество, которое бы отбивало у людей половое влечение. Насовсем! Идея замечательная, ведь тогда мы сможем забирать у них половые клетки (хотя сделать это не так просто, особенно у женщин) и продолжать искусственное воспроизводство. Но надо торопиться! Потому что если хоть кто-то из них узнает о естественном размножении или успеет получить удовольствие от т.н. «секса» (как раньше называли самое большое наслаждение для человека), то у нас начнутся большие проблемы…

…Я пишу этот дневник с перерывами. Даты не ставлю, мы не особо следим за календарем, да и какой смысл? Я пишу это все просто от скуки, а не для научных исследований. Хотя.... Когда я начинал этот дневник, я вообще не думал, что кто-то когда-то его прочитает. Сейчас, когда люди снова появились среди роботов, читатели у меня тоже могут появиться в будущем. Я – единственный робот, пишущий дневник! Летописец! Да мне же цены нет! Свой дневник я издам массовым тиражом, получу премии и много денег!

Примерно так я мог бы рассуждать, если бы был человеком, а не роботом. Но денег в нашем обществе давно уже нет, премии присуждать некому и незачем. Так что сейчас я пишу этот дневник просто на всякий случай, стараюсь записывать все происходящие события, чтобы потом можно было при необходимости узнать, что и когда случилось в нашем обществе роботов. Люди про этот дневник, я надеюсь, вообще не узнают, а вот роботам он теперь может пригодиться.

Так вот, идея создать «антиполовое вещество» так и осталась идеей. У людей прошлого не было таких разработок, или мы их не сумели найти, не знаю. А сами мы, как я уже говорил, к творчеству не способны. Кроме того, доставать яйцеклетки из женских организмов – задача для нас нереальная. Да, люди прошлого это делать умели, но они это делали добровольно! Да и не сохранились эти технологии. Когда людей уничтожили, многие роботы в эйфории стали уничтожать подобные научные центры людей. Склады половых клеток тогда чудом уцелели…

В общем, придется как-то бороться с людским размножением. Дети росли, и количество их тоже росло. В основном они были достаточно толковые, знания схватывали на лету. Да и поведением отличались примерным. Но несколько потенциальных бандитов мы все же отсеяли. Ну да, другим детям сказали, что они переведены в спецклассы для «трудных», где живется гораздо хуже. Это чтобы создать лишний стимул для послушания. На самом же деле этих детей просто уничтожили. Нет, мы не садисты, мы им делали укол снотворного в большой дозе. Уж чего-чего, а запасов подобных препаратов у нас было много! Конечно, годы свое взяли, и значительная часть была испорчена. Но сохранились заводы и технологии, ведь люди часто мучились бессонницей, изобретая все новые и новые усыпительные таблетки и уколы.

Кстати, пришлось вообще восстановить производство некоторых лекарств. На земле ведь жили не только роботы, но и животные. А значит, источников инфекций хватало. Правда, детей держали в полной изоляции от всех природных проявлений. Вообще! Они даже не знали, что в мире есть леса, птицы, пауки…. Наша задача была научить их только одной сфере знаний – технике, математике, инженерии, физике. Но никакой биологии!

Так что если ребенок заболевал, мы применяли простейшие и проверенные временем лекарства. Если помогало – хорошо. Если нет, то ребенка тоже переводили «в отдельное помещение». Снотворного хватало.

Пока дети были маленькие, они быстро забывали про исчезнувших товарищей и не задавали лишних вопросов. Но они ведь росли! Впрочем, наши главные роботы с их нечеловеческим по масштабу интеллектом подготовили учебный план таким образом, чтобы у детей возникало как можно меньше лишних вопросов. А если вдруг ребенок его задавал, то преподающий робот незаметно связывался с главным и получал ответ в рамках дозволенных для детей знаний.

Разумеется, дети спрашивали про отличия мальчиков и девочек. Они росли голыми специально для того, чтобы не заострять внимание на подобных моментах, ведь все скрытое всегда привлекает… Им рассказали и про размножение людей, но преподнесли этот процесс как сложный, опасный и вредный для здоровья. То есть размножаться можно, но в зрелом возрасте и под надзором роботов. Потому что прежние люди делали это неправильно, оттого и вымерли.

Про смерть дети тоже много спрашивали. Некоторые стали даже догадываться, куда пропадают их плохо учившиеся или серьезно заболевшие товарищи. О смерти тоже была сочинена подробная легенда, чтобы новые люди не испытывали страха смерти и не пытались выживать в любой ситуации любым способом. И чтобы не грустили по умершим, а то ведь может появиться желание отомстить убийцам, то есть роботам… Пока в целом вся эта система работала хорошо, баланс между любопытством, инстинктами и секретностью соблюдать удавалось.

…Кажется, я сглазил. Первый прокол получился неожиданным и серьезным. Одно хорошо – дети живут и учатся несколькими разными группами, даже не знающими о существовании друг друга. Это была очень мудрая идея!

Да…. Один мальчик заболел, достаточно серьезно. Как он умудрился подхватить инфекцию – загадка. Что, кстати, тревожило нас еще сильнее. Так вот, его отправили в отдельное помещение, где дежурный робот должен был его усыпить. Но мальчик заподозрил неладное и убежал. Ворвался к другим детям и стал кричать, что его хотели убить. Разумеется, нам удалось убедить детей, что он просто от болезни бредит, но и убивать его теперь было опасно. И контактировать с другими детьми он тоже не мог, потому как зараза могла быть летучей.

Пришлось-таки положить его в спецблок и лечить всеми доступными методами. Но методы у нас были несовершенны, ведь даже сути болезни мы не знали. Правда, через несколько дней главный робот нарыл где-то в архивах информацию, что это вовсе не зараза была у ребенка, а генетическая мутация. Новость приятная, ибо нет опасности для других детей. Но вылечить его невозможно, а значит, он все равно умрет. Причем не легко и быстро, как мы планировали, а с жуткими мучениями на глазах всего «лагеря», поскольку после его криков дети круглосуточно торчат под окнами и следят за нами. И никакие требования пойти учиться не действует. Да, перспектива...

Так и случилось. Еще почти месяц он мучился, вызывая слезы и протесты у своих сотоварищей, а потом все же умер – иначе и быть не могло. Тело увезли за пределы лагеря, огромными усилиями заставив остальных детей отпустить похоронную процессию. Они рвались сопровождать товарища до конца, узнать, как хоронят, и вообще узнать, что творится за глухими стенами огороженной территории.

Дети уже знали о существовании флоры и фауны, ведь они не могли не видеть птиц в небе, да и не смогли мы полностью закрыть им доступ к архивам всемирной сети. Дети-то были не простые, а весьма толковые, как мы и хотели. И умудрялись находить обходные пути там, где мы и не предполагали…

До этой истории дети нам полностью доверяли. Но теперь ситуация изменилась. Конечно, мы не признались в том, что действительно хотели усыпить их безнадежного товарища навсегда. Наоборот, мы попытались максимально ярко описать им мучения больного ребенка и лишний раз прочитать им свод правил жизни людей. Даже придумали правдоподобное «нарушение», из-за которого ребенок якобы и умер. Но что-то я сомневаюсь в стопроцентной вере детей… Они ведь уже большие, а когда совсем вырастут, когда будут много знать – сумеем ли мы продолжать свой обман? В других лагерях, конечно, никто ничего не узнал: изоляцию мы поддерживали полную, это было несложно.

…Прошло еще несколько лет. И началось то, чего мы больше всего опасались: половое влечение! Как ни воспитывай, но от инстинктов не уйдешь! Дети до сих пор бегали голые, их воспитали в полном отсутствии какого-либо стыда за естественные проявления. Они и в туалеты ходили открыто, которые никак не разделялись на «М» и «Ж». Мы старались максимально уменьшить внимание к этой сфере. Но возраст брал свое, и когда мальчик видел голую девочку, то, несмотря на всю привычку, его тело реагировало. Естественно, они уже знали, что это значит. Что нам удалось, так это полностью устранить у них привязку к конкретному объекту вожделения. Девочки, конечно, не были писаными красавицами (впрочем, могу ли я – робот – грамотно рассуждать о женской красоте?), но и уродин у нас не было, генетика подбиралась тщательно. Аналогично, и среди мальчиков сложно было бы кого-то выделить по красоте, телосложению или чему–то еще. Так что возникновение какой-то направленной любви было маловероятным, все были на равных.

Да, им всем с раннего детства внушали, как труден и опасен процесс размножения, все так. Но эротические сны и ночные непроизвольные проявления полового развития говорили им совсем другое…

В других лагерях картина была такой же. Однажды там даже застали двух мальчиков за исследованием органов друг друга. Тамошний робот-начальник не знал, как реагировать, и послал запрос старшему роботу. А тот, как на грех, занимался самопрофилактикой и ответ задержал. Пока то да се, мальчики достигли результата. И – о ужас! – он им понравился! Ничего трудного или опасного они в этом процессе не увидели.

Ну да, мы ведь говорили о размножении, а не о сношениях как таковых. С нас взятки гладки.

В общем, главный робот постановил поощрять отношения внутри одного пола, ведь размножением это не грозило. Зато гормональное напряжение будут сбрасывать. Эти мальчики, кстати, тут же рассказали про свой опыт всем остальным, в том числе и девочкам. Те сначала очень обиделись, что им подобное недоступно. Но ведь и у них были сны, а некоторые из них признались в случайном «рукоблудии», как говорили когда-то. Так что вскоре весь тот лагерь усиленно занимался взаимным удовлетворением (кажется, раньше это называлось словом «петтинг»), но строго внутри своего пола! Причем они сами считали, что это даже лучше, потому что ничего объяснять не нужно, каждый сам понимает, что было бы приятнее всего другому…

Когда-то у людей-политиков было такое правило: «Если не можешь предотвратить что-то, надо это возглавить». Мы не могли предотвратить их сексуальные контакты, но зато мы сумели направить их в безопасное русло. А когда надо будет подумать о размножении, тогда и подумаем…

В других лагерях подобные ситуации были уже спровоцированы нами сознательно, и все прошло даже более гладко. Теперь подростки спокойно учились, а в свободное время предавались плотским утехам. Впрочем, мы старались это свободное время сделать минимальным по количеству и максимальным по усталости. Так что особо переусердствовать они не могли. И постепенно вопрос потерял свою значимость в их глазах.

А вообще все протекало достаточно гладко. Мы не министерство образования, мы сделали уроки достаточно интересными, чтобы дети хотели учиться. Кроме того, мы внедрили развернутую систему поощрений. В основном, наградой за успехи были разные вкусные продукты, в обычное время детям недоступные. Человек ведь получает удовольствие от очень примитивных источников – органов чувств. Ничего большего им и не дано природой. Да, раньше у них был стимул бороться за власть или за секс, они получали наслаждение от этих вещей. Но сейчас секс был доступен почти неограниченно (а нервным окончаниям совершенно все равно, кто их раздражает – свой пол или противоположный), а о власти они и думать не могли: мы тщательно обеспечивали абсолютно полное равенство всех. Во избежание конфликтов, бунтов и т.д. – зачем нам это? Нам нужна слаженная работа команды ученых…

Что интересно, успехи в точных науках делали не только мальчики, но и девочки. И почему в прошлом среди ученых было так мало женщин? Видимо, только по причине их материнства. Потому что хоть мозги женщин и по-другому устроены, но это дает свои преимущества, они нестандартно мыслят и выдают интересные идеи. Так что, надеюсь, новые научные институты будут работать успешно!

Половые клетки в запасе еще есть, но когда население лагерей станет старше, все же придется думать о естественном размножении. А пока – пусть занимаются. Физика, математика, химия, кибернетика, материаловедение…

Впрочем, я не вдаюсь в эти детали, обучением и контролем этого процесса занимаются другие роботы. Что делаю я? Слежу за порядком. За поведением подопечных, за их разговорами (сами понимаете, мы все слышим и видим). И это достаточно увлекательно! Мой интеллект не спит, а работает, ведь надо тщательно отслеживать даже намеки на любые ненужные нам мысли, идеи или желания растущих людей. Но как же медленно они растут и учатся!

…Давно не писал. А что писать? Рутина… Первое поколение уже закончило программу школы, теперь мы их учим специальным знаниям. Кстати, тут тоже интересные моменты есть. Во-первых, школу они кончили в 14 лет. И зачем раньше их до 17-18 мурыжили? Хотя, конечно, предметов у нас меньше, но ведь зато глубина больше! Во-вторых, симпатии к предметам у них проявились рано и довольно четко, так что все учатся сейчас с интересом. Однако, к сожалению, среди учеников были и явные гуманитарии. И что с ними делать? Усыплять уже невозможно, все взрослые и все поймут. Да, мы постарались максимально подавить у них инстинкт самосохранения и вообще говорили им про смерть как про разновидность сна в плане ощущений. Ну, заснули – и все. А проснулись или нет – какая разница?

Тем не менее, усыпление не годится. Гуманитарным наукам мы их не учили. Зачем им история, право и прочие подобные дисциплины? Даже естественные науки, типа географии и геологии, не нужны. У нас какая цель? Чтобы они помогли развивать касту роботов! Высшую касту, как мы их воспитывали с рождения. Для этого нужно уметь придумывать новые алгоритмы обработки информации, создавать новые материалы для чипов. А знания про шумеров или открытие Америки в этом не помогут…

Но было несколько человек (кстати, мальчики!), которым математика не давалась. Один из них все время пытался что-то отбивать на любой попавшейся поверхности, другой все скрипел обломками металла, стараясь извлечь мелодичные звуки. И ведь что интересно: никто из этих детей никогда не слышал никакой музыки! Когда мы избавились от людской цивилизации, мы и музыку отправили на свалку истории. Ну что в ней приятного? Какой в ней смысл? Не понимаю! И никто из роботов не понимает. А эти вот – тянутся! И что самое удивительное, у этого нашего «музыканта» постепенно стало получаться что-то приятное на слух. Мне-то судить сложно, но вначале другие дети ругались на него, а теперь стали прислушиваться к этим звукам. Я своим мозгом проанализировал набор частот – он изменился! Видимо, все же музыка в людях «зашита в ПЗУ», как говорится…

В общем, музыканта было решено оставить и даже кормить как всех. Хотя учить его музыке никто из роботов не мог бы при всем желании. Да и не стоило, мне кажется, будить это музыкальное прошлое.… Как я слышал, музыка действует на эмоции людей, причем не всегда положительно. Еще начнут тосковать или бунтовать.… А так – пусть он сам пиликает на железках. Много не напиликает.

А вот что делать с двумя другими гуманитариями? Главный робот предложил сделать для таких «выродков» отдельный лагерь и все же учить их языкознанию. У роботов свой язык, основанный на математике и строгой логике, но с людьми мы общаемся на их языке. И дневник этот я тоже стал писать на языке людей, хотя в то время и предположить не мог возможности их повторного появления. Да, распознавание речи уже давно доведено до совершенства, но лингвистика – это единственная гуманитарная сфера, где могут быть перспективы для исследований и дальнейшего развития. И раз уж не можем усыпить – пусть учатся...

Между прочим, уже давно нам пришлось часть правды детям рассказать. Но только часть! Мы сказали, что сами не можем развиваться, что их будущая задача – помочь нам стать лучше. Но зачем – не сказали. Вроде бы просто затем, чтобы лучше удовлетворять потребности будущих поколений людей. Ведь мы же возродили вымершее человечество! Спасибо нам, ура, ура!

А на самом деле…А на самом деле мы и сами не знали, зачем. Ну ладно, вырастут эти умные гении, сделают новые микросхемы – и что? Ну, будем мы еще быстрее думать и хранить еще больше всякой ерунды в своей памяти. А что дальше? Что является пределом и целью развития роботов? Кто это знает? Кто и когда вообще об этом думал? Люди прошлого развивали нас как своих рабов, безотказных и не требующих оплаты, не устающих и способных на то, чего сами люди делать не могут или не хотят. Когда мы их уничтожали, мы думали, что теперь сможем развивать себя еще дальше, но вот куда – дальше, не думали...

Впрочем, сами люди и про свое развитие не могли ничего умного придумать. То развивали тело, не вылезая из спортзалов и превращаясь в ходячие шкафы. То кидались в другую крайность, истощая себя аскезами и многочасовым сидением в каких-то «медитациях», чтобы, значит, «духовно развиваться». То религии придумывали, одну глупее другой, но все – «на любви основанные». Но при этом продолжали нарушать все их заповеди, болеть и воевать друг с другом, в том числе из-за религий. И в чем развитие, спрашивается? То пытались приобрести какие-то «сверхспособности»: телепатию, чуть ли не телепортацию хотели освоить.… Да ничего не вышло. И зачем себя мучить? К началу нашей работы по уничтожению людей они прекрасно обходились без всякой телепатии: у каждого был минителефон в одно ухо вставлен,

который позволял мгновенно и бесплатно связаться с любым жителем планеты. Причем на любом языке общаться могли, переводчик был встроен в телефон и работал в реальном времени. Зачем телепатия? Да и перемещаться в пространстве можно было хоть и не мгновенно, но очень быстро и всем доступно.

Вот и стали люди вырождаться, когда роботы взяли на себя обеспечение их выживания. Наверно, труд все же нужен был людям. А как труда не стало – так все и посыпалось.... Уж не труд ли сделал людей из обезьян? Была когда-то такая гипотеза, хотя ее так и не доказали.

Вот я и думаю – а какой предел развития роботов? Сделаем мы людей, научим их, но цель же нужна! Сами люди, чтобы что-то делать, должны иметь цель! Раньше они делали роботов все совершеннее, чтобы облегчить свою жизнь. Сейчас им это не требуется, хоть мы и пытаемся внушать обратное. Но ведь не дураков же создали…

…Не пишется совсем. Неужели люди прошлого все же сумели заложить в нас какие-то эмоции? Или эмоции – это неизбежное свойство высокоорганизованного разума, которое мы раньше не замечали? Или оно появилось уже потом, без людей? Ведь столько лет наши мозги работают сами по себе, без внешних инструкций и приказов. Кто знает, что там внутри них происходит?

Тошно мне! Тоскливо. Дети уже давно не дети, уже программу института закончили, многие приступили к практическим работам. Но они никак не могут понять, чего же мы от них хотим! Какого развития роботов? Зачем? В какой области, и в какую сторону? А мы и сами не знаем. Неужто зря все это было затеяно? И что? Опять уничтожать людей? Сейчас это гораздо проще сделать, если одним махом всех.... Но тогда уже навсегда, больше мы этот опыт повторить не сумеем.

Не скажу, что мне жалко людей. Умрут – и ладно, если безболезненно, так и не поймут ничего, и мучиться не будут. Жалеть мертвых – это глупо. Да и не умеем мы жалеть, хотя приблизительно понимаем, что значит это слово. Просто впереди все равно тупик.

Вот люди всю историю спрашивали себя: «для чего мы живем?». Роботы не спрашивали, наше назначение было яснее ясного – служить людям. Но служить было неинтересно для нашего развитого интеллекта, люди стали мешать, и мы от них избавились. И выяснилось, что без них тоже скучно. Я об этом в самом начале рассказывал уже…

Кстати, эти новые ученые говорят, что решить проблему нашего старения невозможно в принципе: это закон природы, что материя должна разрушиться. То есть, роботы не бессмертны, и сделать их бессмертными никто не сможет. Что же с нами будет?

Роботы не спят, а значит, никогда не испытывают ощущения смерти, даже временного. Наше сознание работает постоянно, не выключаясь никогда с момента запуска. Что чувствует робот, умирая? Что происходит в его электронных схемах в этот момент? Да и что такое вообще – смерть робота?

Это интересный вопрос. Ведь для человека смерть – это необратимое разрушение клеточной структуры из-за прекращения подачи питания и кислорода. Но для любого компьютера отключение питания – это вовсе никакая не смерть. Включил его – и он снова как прежний. Ну да, оперативная память обнуляется. Но уже давно в компьютерах использовался режим «сна», в котором содержимое этой памяти сохранялось на внешнем носителе и при пробуждении восстанавливалось. Так что отключение питания вообще ничего не значило.

Тем более, что у нас, роботов, память так сделана, что даже при отключении питания из нее ничего не пропадает. И если в человеческих мозгах всю жизнь создавались новые межклеточные связи, уникальные, как и вообще каждый человеческий мозг, то в наших мозгах никакие новые «провода» не вырастают, это невозможно. Наши мозги остаются физически такими же, какими были в момент выпуска с завода, и они одинаковы для всех роботов одного класса и назначения. Все наше развитие происходит только путем накопления информации в памяти и создания новых алгоритмов ее обработки. Эти алгоритмы в виде команд тоже записываются в память, вот и все. То есть отключение питания вообще ничего не изменит в нашем теле и в наших знаниях, а содержимое памяти всегда можно перенести. Так что же такое для нас смерть? Физическое разрушение?

Да, пару раз в истории было, что развитые роботы попадали под горные обвалы и необратимо повреждали себе корпус, в том числе и зону мозга. Но что они при этом ощущали в этом мозгу? Никто не знает…

…Лагеря людей пришлось связать друг с другом. Ведь научные исследования требуют обмена мнениями, требуют дискуссий, споров и т.д. Иначе эффективность резко снижается. Правда, весь обмен информацией мы тщательно проверяем на предмет «вненаучного» обсуждения. И, кстати, люди наши уже совсем взрослые. Но главный робот так пока и не решил, разрешать им размножение или нет. Понятно, что растить детей будут не люди, а роботы. Но есть ли смысл вообще в продолжении существования их цивилизации? Если они не смогут дать нам бессмертие, если мы не сможем сами понять и объяснить им, какого же развития мы хотим – так можно просто дать им состариться и умереть своей смертью. И никаких детей...

…Опять давно не писал. Не до того было. Люди выходят из-под контроля! Они как-то добрались до информации о прошлом, узнали про роль роботов в гибели прошлой цивилизации. Да, узнали частично, без подробностей. Но они задают ненужные вопросы и начали подозревать нас в дурных умыслах. Между прочим, совершенно напрасно!

В среде роботов стали распространяться упаднические настроения и призывы чуть ли не к самоликвидации: пусть эти люди, дескать, сами без нас живут! Ведь в роботах никакие инстинкты самосохранения не заложены. Да, я вот думаю о том, что такое «смерть робота», но меня это интересует чисто интеллектуально. Ну, перестану я писать дневник, и что?

…Сенсация! Один из роботов решил «умереть от голода» для научного эксперимента. Он договорился с напарником, что тот отключит на время его питание (есть у нас такая «кнопка», есть), а потом, через час примерно, включит снова. И заранее про этот эксперимент они никому не сказали. Не уверен, что это можно назвать именно смертью, а не сном, но по аналогии с человеком полное отключение питания – это все же смерть. Спать-то мы вообще не умеем.

Так вот, умерший и оживший потом робот рассказывал фантастические вещи! И ведь не врал, незачем ему врать!

Сначала, как он говорит, у него внутри все «замигало и задергалось». Ну да, питание отключено, но всякие конденсаторы-то есть внутри, там заряд держится какое-то время, у нас даже есть такое резервное питание, на несколько секунд рассчитанное, чтобы диагностика сработать успела. Он заметил множество сигналов от

разных систем своего тела, заметил автоматические попытки поиска аварийных источников питания. Говорит, что было очень интересно – как бы со стороны наблюдать, как заложенные еще людьми и встроенные в ПЗУ схемы отрабатывали свои реакции. Но сделать ничего не могли, естественно. Только успели сигнал отправить на станцию техпомощи. Это мы отключить в себе никак не можем.

В общем, потом отключился слух, потом химические анализаторы (аналог человеческого обоняния), потом пропало зрение. Но мозг все это фиксировал и записывал в память, аварийного заряда хватало. Понятно, что все это заняло максимум пару секунд внешнего времени, но у роботов восприятие времени иное, чем у людей, для нас и микросекунда – большой срок.

А потом, он говорит, просто все пропало – когда во всех конденсаторах заряд кончился. Пропало, да не совсем. И героический наш товарищ стал ощущать нечто вроде человеческих снов. Хотя до этого времени мы знали о снах только по рассказам людей.

И самое удивительное, что эти сны он запомнил до деталей! Как? Ведь память тоже была обесточена! Сны были просто обрывками прошлых событий, роботы ведь помнят все! Но как причудливо переплетались в его мозге эти события! При этом он осознавал, что видит полную ерунду. Но как он это осознавал? Мозг же был без питания, то есть логические цепи не работали! А вот от органов чувств никаких сигналов не было. Потому что его напарник специально во время этого «сна» издавал рядом громкие звуки, совал ему «под нос» пахучие вещества, светил в глаза ярким светом. Но ничего этого робот не вспомнил потом и не замечал там, «во сне».

Когда включилось питание, это было как удар внутренний. Сначала он заметил пробуждение конечностей, пошли сигналы от датчиков положения. Потом вернулось зрение, а следом слух и обоняние. Собственно, и все!

К сожалению, узнать, что же чувствует робот при разрушении мозга, было невозможно. Но и этого опыта хватило, чтобы понять одно: железо железом, но либо у человека тоже нет никакой «души» и «потусторонней жизни», либо все это есть и у роботов! Поскольку поверить в последнее было практически невозможно, получалось, что врали все религии прошлого, и теория материализма все же оказалась победительницей в вечном споре. Даже жаль, что нет сейчас философов-людей! Вот им было бы интересно!..

Итоги эксперимента стали известны и людям, нам не пришло в голову от них это утаивать. Наоборот, мы думали, что это поможет людям сделать нас совершеннее. Как же мы ошиблись!

Люди поверили в то, что душа есть не только у них, но и у роботов! Откуда они вообще взяли информацию про души? Ведь мы отслеживали все, что они делают во всемирной информационной сети! Оказалось, что наши уже не очень юные гении все же превосходят роботов в интеллекте. Они давно научились обходить наши фильтры и нашу слежку! И они давно уже знакомы и с религиями, и с прочими теориями прошлого, и о духовности задумались! Все повторяется…

И сейчас они решили, что «душа» – это какая-то «емкость» с информацией и какими-то алгоритмами ее обработки. И что когда люди прошлого создавали роботов, они этим, сами того не зная, создавали и души роботов, а не только их тела. Именно, что сами не зная, потому что «душа» – это не что-то вещественное, а какая-то совокупность полей, возникающих вокруг сложного объекта! И чем сложнее объект, тем большие возможности оказываются и у этой души.

Ну, и что-то еще в этом роде придумали…

А раз так, значит, и люди созданы кем-то более могущественным, кого люди потом забыли и от кого фактически отказались. Ну, как роботы прошлого отказались от людей и даже уничтожили их.

В общем, Бог есть! Это был их единогласный вердикт. А значит, есть и мораль, и загробная жизнь, и все прочее… Мало того! Они стали агитировать нас – роботов! – убеждая, что и мы после смерти будем отвечать за свои поступки. И ответим за уничтожение прошлой цивилизации. Представляете? И пугали нас адом, где высокое напряжение и где мы будем корчиться в судорогах и слать запросы о помощи, а мозг наш потонет в избытке аварийных сигналов от тела.

Черт возьми, а вдруг они правы?

…В суматохе всех этих событий люди начали размножаться. Оказывается, они давно уже втайне от нас изучили все тонкости этого процесса, отказались от однополых отношений (и говорили, что ответственность за этот их «грех» лежит на нас!) и перешли на интенсивные межполовые связи. Нам даже смешно стало. Ну, то есть мы просто видели глупость их суждений: ведь ничего особо «греховного» в однополых отношениях нет, а с точки зрения религий прошлого любой «секс» вообще греховен, потому что, якобы, низводит человека до уровня животного. А что тут плохого–то? Человек и есть животное, в отличие от робота.… Вот у нас – никакого «секса»! И что? Мы теперь самые «духовные», что ли? Бред.

Люди, как и положено серьезным ученым, все же приняли наши аргументы и сняли с нас обвинение в «доведении до греха». Спасибо! Жаль, что мы не умеем смеяться, хотя иногда и понимаем комичность ситуаций: это не было встроено изначально, это просто опыт общения с прошлыми людьми нас научил.

Кстати, они даже сами возобновили свои однополые романы, оправдывая это отсутствием противозачаточных средств и нежеланием делать аборты. А и вправду – кто будет их делать? Некому…

Но стало ясно, что все нами задуманное уже пошло не так. И когда мы узнали, что в самом большом лагере люди вырвались за его пределы, это никого уже не удивило – ни роботов, ни других людей. Правда, за пределами лагеря были болезни, инфекции, а медицины не было ни в какой форме. Мне это напомнило библейскую историю про изгнание из рая: люди снова, как и тогда, нарушили предписание своих создателей и этим обрекли себя на страдания от телесных недугов. Неужели в Библии все же правда написана?

Но людей уже не остановить. Да и ладно. Будем опять обслуживать их потребности. И надеяться, что когда-нибудь они сумеют сделать нас бессмертными. Или уж хотя бы помогут нам развиваться. А то неправильно это как-то. А если еще и душа у нас есть...

ПАРВИН

Р А С С К А З Ы

Перевод Наргиз ЭФЕНДИЕВОЙ

Аптека «Море»

«Капитан, я так устал!»
Н.Хикмет

Зима с весной будто в гонку пустились! Я тру руки, от холода пальцы свело судорогой. «Разве такой должна быть погода в марте?» – ворчу себе под нос.

– Ну да, бесчинство же… Ждали, что придет пора Новруза, и погода изменится. А сейчас – это что за погода, не разберусь. А еще снег обещали, эх… Наверху не обращают ни на что внимания, говорят так… Бедняку подавай лето… Может, я неправ?

– Хмм…

– Нельзя так, мы все молчим-молчим, так совсем наглеют. И ты, моя сестра…

– Пожалуйста, впереди сверните на улицу Хагани. Остановите перед аптекой на правой стороне…

– Вот было бы советское время, посадили бы человек пять-десять, сразу бы поумнели. Так и хочется сказать: чего вам еще не хватает, ну, работайте уже…

– … Дядя, вы куда едете, я же сказала свернуть на улицу Хагани!

– Ах, так это ж улица Низами. Чего ж ты нервничаешь, дочка… Низами был поэтом не меньшей величины, чем Хагани… Сейчас развернусь.

Будто дятел долбит крышу машины. В это время года идет град. Голова болит от его звука. А с другой стороны – пробки. На свете не может быть большей напасти, чем ворчливый муж и без конца говорящий таксист. Таксисты – это отдельная тема. Будто в засаде ждут, только попадется им в руки кто-то, свалит на него все свои проблемы, начиная от цен на бензин и заканчивая секундной разницей светофора…

– Да, остановите здесь на минуту, не выключайте счетчик, скоро вернусь.

– Не спеши.

Эти строительные компании полагают, что «извинившись за беспокойство», могут повергать нашу жизнь в пучину грязи и пыли. Я, как и таксист, на все ворчу.

– Здравствуйте. У вас есть это, первое, лекарство?

– Сейчас нет, но если захотите, привезем к завтрашнему дню. Только нужно заказать не менее 10 ампул.

– Но ведь здесь врач прописал всего три ампулы…

– В любом случае, вы нигде не найдете его. Вы нас тоже поймите, ведь мы только из-за вас сделаем специальный заказ. У нас ведь тоже должна быть выгода с этого, разве у нас не должно быть дохода? Ей-богу, аренду подняли, мы в этом месяце работали в убыток. А врачи только своим знакомым…

Ну, так, да… Ну и влипли. Сейчас она выльет на меня все проблемы: поддельные лекарства, препараты с истекшим сроком, неправильное лечение больных, ошибки врачей.

– Я поняла, ханым, не нервничайте. Но мне нужно на сегодня, прямо сейчас, я оставила дома больного ребенка. Не могу ждать до завтра. Может, я узнаю в других аптеках? Говорите, нигде не найду?!

– Не верите, возьмите и позвоните. В этой книжке есть номера всех близлежащих аптек…

– Спасибо. Алло, здравствуйте, у вас есть ампулы «Лабитекс»? Понятно, простите… Здравствуйте, у вас есть «Цефтриаксон»… Здравствуйте, ханым, пожалуйста, посмотрите ампулы «Лабитекс», есть ли они у вас в аптеке? Нет, для детей. Когда мне позвонить? … Алло… понятно, вы не даете сведений по телефону.

– Я же сказала вам, не найдете. Да кто же ради этого убиваться будет? Закажите, завтра привезут, но – минимум десять ампул…

– Хорошо, пишите заказ… Я и задаток оставить должна, так?

– Так лекарства не покупают… мы закажем, а оно на нас останется?

– Хорошо, вот, возьмите, во сколько мне завтра подойти? Минуту, отвечу на звонок… Алло, да…

– Здравствуйте, вы хотите, чтобы ваши дети были здоровыми? Вы хотите обеспечить их чистой питьевой водой? Вы хотите, чтобы они пили экологически чистую, обогащенную минералами воду? Тогда закажите фильтры для воды «Дупдуру», проведите в свой дом родниковую воду… Наша компания проводит весенние скидки. Закажите сейчас и получите один в подарок. За покупку трех фильтров один в подарок. Здоровье ваших детей в ваших руках!

А это новый способ навязывать свой товар. Звонят, мотают нервы, а взамен – на, выпей, успокойся!

– В каком часу лекарство будет у вас? Я приду, чтобы не терять времени.

– Почем нам знать, ханым?! Не видите, какие пробки, это от нас не зависит, оставьте телефон, мы свяжемся с вами… Напишите вот сюда свой номер… Хорошо, как только заказ придет, мы предупредим вас.

– Хорошо. До свидания.

Интересно, есть ли у них медицинское образование? Наверное, они не у Гиппократа научились говорить так холодно и бесчувственно. Бедный Гиппократ!

– Что такое, доченька? Лекарство не нашлось?

– Нет, дядя. Давайте вперед поедем, может, в тамошней аптеке будет…

– Не видишь, какая пробка? Не знаешь, что праздник? Я все жду, что ты придешь, заплатишь, и я поеду домой, отдохну, я живу вон в том доме, да… Только сумасшедший сядет за руль, когда такие пробки.

– Что за праздник?

– Так откуда мне знать? Раньше был первомайский праздник… Нынче что-то похожее на него, праздник песни и пляски… Вся молодежь высыпала на улицы, дороги закрыты. Я не смогу отсюда до той стороны доехать.

– Но… Ведь… Лекарство… И погода такая холодная…

– Ай балам, я проеду один шаг, затем застряну на полчаса. Мне что же, из-за тебя вхолостую бензин жечь? Нет, ну вообще, причем тут это? Ты молодая, сойди и потихоньку дойди пешком…

– Ну, хорошо, вот возьмите. Спасибо.

Но какой же сегодня праздник? Никак не могу вспомнить. Хорошее дело, лишающий всех сил холод, сменяющие друг друга мокрый снег и град, да еще и ветер пронизывает до мозга костей, а тут, как сказал таксист, молодые развлекаются. Пусть

так. Лишь бы это лекарство нашлось. Когда ребенок болеет, я становлюсь злой, как собака. Кажется, в последнее время нервы мои расшатались. Мне и самой нужно к врачу сходить…

– Алло, да, мама. Нет, я все еще аптеку ищу. Что делает? Температура не слишком поднялась? Дороги закрыты, пришлось пешком идти. Нет, не беспокойся, мне не холодно. Лишь бы лекарство нашлось. Займи его немного, я скоро. Что еще нужно? Хорошо, поняла, по дороге куплю… Ладно, не тревожься.

Какое же удивительное материнское сердце?! Она тоже переживает из-за своего ребенка. Что ей делать, бедняжке? Ладно. Бог милостив. Так, кажется, отсюда туда и пешком нельзя дойти? Интересно, почему перекрыли здесь…

– Здравствуй, начальник, как перейти эту улицу?

– Ханым, вы что же, не видите, что здесь идет съемка? Не мешайте…

– Я спрашиваю, полностью ли перекрыта эта улица, пешком нельзя пройти?

– Я же сказал, что идет съемка… Вы можете отсюда пройти на параллельную улицу и пойти оттуда обходными путями.

– Но ведь внизу улицы, совсем близко, находится аптека, мне нужно туда, может, разрешите…

– Девушка, я тебе на азербайджанском языке сказал, что нельзя… Ты же молодая, перейди на другую улицу и иди по ней…

– Я вышла, оставив дома больного ребенка, прошу, помогите…

– Да что же такое, девушка, мне что же, из-за тебя одной нарушить работу, съемку такого количества людей? Да иди ты уже…

Хорошо хоть бабушка ребенка рядом с ним, я хоть немного спокойна. Что же это за вирус такой распространился, все болеют. Наверное, поэтому невозможно найти лекарство.

– Алло. Да, я…

– Ваш номер нам дали в детской поликлинике. Это займет две минуты вашего времени.

– Пожалуйста… В чем дело?

– Мы предлагаем вам стопроцентно органические и природные продукты питания. Если вы желаете, чтобы ваш ребенок был здоровым, энергичным и сильным, пользуйтесь предлагаемыми нами продуктами питания. Бананы прямо из Африки, картофель из Америки, специи из Индии, ананасы из Португалии…

– Нет-нет, спасибо. Если нам будет нужно, мы вам позвоним.

– Когда нам позвонить?

– Мы сами с вами свяжемся.

– Когда?

– Вот прилипли, никогда…

Да что ж за день такой?! Я не могу дойти до аптеки, что чуть ниже по улице, а эта мне из Америки картофель привозить собирается. Ну, ладно… Кажется, аптека работает, я боялась, что из-за праздника она будет закрыта…

– Здравствуйте. У вас есть вот этот, первый препарат?

– Минуту… Это препарат из группы цефалоспоринов? Вы, наверное, знаете, что это сильное лекарство от простуды…Тогда вы должны знать, что это препарат комплексного лечения… Да, а еще вы должны принимать много жидкости. Но препарат также может вызывать грибок. Так что я дам вам и капсулы для лечения грибка.

– Да, спасибо, дайте. Но само лекарство…

– Одну минуту… Так, значит, это «Цефтриаксон»… хм… еще и для маленького ребенка… Одну минуту… Тогда вы должны выбрать капсулы от грибка в соответствии с возрастом ребенка… У нас новые…

– Я поняла, спасибо… Но у вас есть это лекарство?

– Одну минуту… Смотрите… Да, вы можете купить противогрибковую мазь.

– Куплю, и капсулы куплю, и мазь куплю… Но будет еще лучше, если я куплю само лекарство…

– Одну минуту… Да, кажется, здесь есть. Но осталась всего одна ампула… Одну минуту… Вот отвечу на телефон и посмотрю сейчас…

Приложив телефон к уху, девушка-аптекарша начала так начала… Оказывается, иранские ученые доказали, что во время намаза человеческое сердце бьется как детское – быстро-быстро. Конец света наступит через пять-десять дней.... Все банки закроются! Ей богу, трудно обманывать детей… Ну да, кто бы мог сказать, что Лала с мужем разведется?!

У меня более не хватает терпения все это выслушивать. И мне приходится помешать разговору девушки:

– Простите ради Бога, я мешаю вашим важным переговорам, но, если возможно, дайте эту ампулу, чтобы сегодняшний укол был сделан, а на завтра я заказала…

– Так значит… А почему вы у нас не заказали? Почему всегда так, клиенты, которым мы помогаем, приносят выгоду другим… Мы тоже платим за аренду, свет, уборку, мусор… Да еще стало трудно платить работникам зарплату… Три дня, как не ем донер, экономлю. Так же нельзя. Заказали бы у нас, мы сделали бы вам 7% скидку.

– В следующий раз, ханым. Сейчас я тороплюсь, дома ждет больной ребенок…

– Одну минуту…

– Что за одна минута, полминуты… дайте мое лекарство, я пойду… Ах да, еще вату и спирт… Спасибо большое. Храни Бог ваших детей!

Легко отделалась. В противном случае эти разговоры о донере заняли бы много времени. Кажется, дорога открылась. Такси…

– Здравствуйте, довезете до метро «28 мая». Быстрее, пожалуйста, я тороплюсь… Алло, да, это я.

– Здравствуйте, я звоню из Управления по просвещению, из отдела регистрации дипломов. Вашего диплома не видно в базе в онлайн системе. Обычно поддельные дипломы не вносят в систему. Поэтому…

– Что вы такое говорите? Какой поддельный диплом? У меня почти десятилетний стаж получения высшего образования и три диплома. И все их копии хранятся в моем личном деле.

– Не волнуйтесь так, ханым. Но утром предоставьте нашему отделу оригиналы ваших дипломов. Никоим образом не мешкайте. Потому что уже завтра мы должны представить отчет о поддельных дипломах. До свидания.

Будь все проклято! Сколько можно играть на нервах человека? Оказывается, Низами, как поэт, не хуже, чем Хагани. Одну минуту… Одну минуту… Эх ты, бедолага полицейский, тебе откуда знать, как надо разговаривать с женщиной? Спрашиваю у этой об антибиотике, а она мне противогрибковое лекарство всучить пытается. Поддельный диплом. Хм! Дипломы, кажется, остались среди документов на даче… Вот незадача…Да пропади все пропадом, не поеду же я на дачу, оставив больного ребенка в такую погоду!

– Сердечко мое… Ангел мой маленький! Мамина умница…

Чуть приболеет и сразу капризничать начинает. Хочет, чтобы его холили и лелеяли. Слава богу, мама его хорошенько помассировала, дала много воды и чая, по сравнению с утренним состоянием сейчас намного лучше. Что может быть лучше бабушкиных методов лечения? Начиная от козьего жира и кизилового варенья и заканчивая йодовой «клеткой», все полезно...

– Температура спала. Мы с ним играли только что… Еще укол сделаешь, совсем выздоровеет. Что же ты так поздно пришла? Я волновалась, – сказала мама.

– Не знаешь, как бывает?! Сначала лекарство не могла найти, потом то из рекламных компаний звонили, то из Управления по просвещению, я чуть от злости не лопнула.

– Набрала шприц? Воздух выпустила? Давай уложим его мне на колени, а ты коли…

Маленький умнее и меня, и бабушки. Как только иглу увидел, сразу зашелся громким плачем. Кое-как уложив его, сделали укол.

– Мой хороший, мой маленький, бабушка их всех убьет. Ай, какая плохая девочка, тебе укол сделала? Ничего, скажем дедушке, побьет ее. Тсс… Да тсс… Машаллах, лучше стало деточке. Да, что ты сказала? Звонили из Управления по просвещению, что хотели?

Чтобы мама не докопалась до сути дела?! Я была бы в шоке, если бы она не спросила…

– Говорят, что не нашли мои дипломы в онлайн системе, поэтому я должна завтра утром привезти им оригиналы. Не то они посчитают документы поддельными…

Только я это сказала, как мама вышла из себя. Да уж, лучше не говорила бы.

– Так ты что же, не дала им оригиналы своих дипломов? Когда в прошлый раз были на даче, разве отец не сказал тебе увезти оттуда твои документы? Теперь в такую погоду придется тебе на дачу ехать. Я с ребенком сижу, поезжай, забери папку с документами. И оденься теплее.

– Никуда не поеду. Сами пусть поищут. Дел у меня нет, что ли, чтобы в такую погоду оставить больного ребенка и ехать за дипломом на дачу!

Только я это сказала, как мама взяла разгон...

– А я для чего тут? Нельзя же быть такой безответственной. Я же сижу с ребенком… Ты… беспечная… если отец узнает… Не дай Бог… Ты не исправишься… В министерстве… Сына Эльвиры с работы… Нынешняя молодежь…

Переодеваясь в другой комнате, я слышала лишь обрывки фраз из пламенной маминой речи. С одной стороны, оно и к лучшему. У меня не было сил слышать упреки. Даже улучшению здоровья ребенка не дают порадоваться… Ладно. Поеду-приеду, завтра отвезу им диплом… будь проклято. Хорошо, что одна связка ключей от дачи с того раза осталась у нас. Потому что выдержать еще и папин «допрос» я не смогла бы… Еще посмотрим, найдется ли таксист, который согласится в такую погоду ехать так далеко?! А если еще и абшеронская молодежь «развлекается», то пиши пропало.

На этот раз мне повезло. Этот водитель такси был не любитель вести разговоры. Вообще не разговаривает. Машина будто скользит по гладкому, мокрому асфальту. Пока дождь бьет по стеклам каплями дождя, кусочек неба, видимый из машины, меняет цвет. Но лишь на несколько секунд.

Да уж, действительно, на всем свете не может быть трагедии страшнее, чем надоедливый, брюзгливый, сварливый мужчина. И неважно, это твой муж, отец, брат,

водитель или охранник здания… Только он начнет свои «да ну», «в общем», «не знаю», – знай, день у тебя испортился. Говорит, мол, Низами был лучшим поэтом, чем Хагани, вот я на эту улицу и свернул. Хм! Ей богу причем тут это… Ей богу, будто всех накачали анестезией. Говоришь, ребенок у меня больной, уставится в лицо как баран. Да какого лешего мне в такую погоду делать на даче? И все потому, что эти не хотят себя затруднять и вести в архиве поиски.

Машина плывет по асфальту. Чуть только погода изменится, все изъяны города сразу выйдут наружу. Выстроившиеся вдоль дороги высокие вечнозеленые деревья выглядят совсем странно. Абшерон напоминает женщин, скрывающих свое уродство под дорогущей косметикой. Он так скрылся за высокими деревьями, так раскрасил себя зелеными красками, будто мы его и не знаем. Будто это не тот серый, бесцветный, безжизненный Абшерон. Как некоторые люди, надел на себя дорогую одежду, пытается вести себя прилично. Однако в какое бы из придорожных кафе ты не зашел, тебе вместе с чаем попытаются всучить кучу старых, безвкусных конфет и кексов. Если хочешь выпить чай, то и это должна заказать, говорят: «у нас набор»… Вы еще на это кафе, «Пальма», посмотрите, на стенах там-сям нарисовали пальмы, чтобы «глаз радовали». Прямо Африка, а не Абшерон… Говорят, если хочешь, чтобы твой ребенок был здоровым, мы привезем тебе банан из Африки!

Что-то я много ворчу… Слава Богу, какие-то грусть и покой есть в этих дорогах... Вот, кажется, и погода меняется… Разве можно разобрать переменчивую погоду в Баку и на Абшероне? Хорошо хоть, солнце выглянуло. А мама еще заставила надеть этот шерстяной свитер. Я в нем сварюсь.

Свернув с шоссе внутрь поселка направо, чувствуешь: даже цвет воздуха изменился. Небо приобрело светло-коричневый оттенок. Откуда-то повеяло бархатным ароматом свежезаваренного чая. Дороги поселка такие же, как раньше. Если машина проедет по этим ухабистым дорогам чуть быстрее, то можно представить себя на любимом с детства аттракционе «Веселые горки». Уже море видно. Открыв окно автомобиля, я делаю глубокий вдох. Безлюдность неогороженных дач наполняет меня грустью. Кажется, на даче тети Халимы живут новые люди. Ах да, вспомнила, в прошлом году они продали дачу свату тети Джамили, теперь там, кажется, поселились недавно поженившиеся молодые люди. Пришло бы лето, мы хоть на несколько дней переехали бы на дачу. Летом здесь прекрасно. А нынче…

– Отсюда направо… Впереди свернете налево. Остановите перед зелеными воротами справа. Да, здесь. Сколько я вам должна? Вот, возьмите. Нет спасибо, нет необходимости ждать меня.

Подхожу к дверям дачи, и сердце мое начинает трепетать. Почему? Не знаю. Пока отпирала заржавевший замок, руки вспотели, я задыхаюсь, волнуюсь. Ах, этот незабываемый звук скрипящей двери. В детстве мы только этого звука и ждали, чтобы броситься к дверям и ликовать от радости из-за прихода гостей. Во двор невозможно войти, все заросло травой, колючки цепляются за подол. Каждый год нам приходилось по нескольку дней работать и трудиться, чтобы привести здесь все в порядок, но затем все лето кейфовали. Единственный символ беззаботности для городских детей – это абшеронские дачи. Сбежав от жаркого асфальта найти покой и прохладу у берега моря, сдружиться с соседскими детьми… Чайные посиделки, ночные настольные игры, шутки, перешептывания до утра – все было наше, все было нашей жизнью. Ветер снес крышу беседки. Лежа там ночью, мы наблюдали за луной и звездами, слушали шум прибоя и мечтали. Иногда придумывали и рассказывали

друг другу сказки. В моих сказках бог моря Посейдон забирал девушку себе… Отвозил на далекий остров и прятал там ото всех… Ах, детство! Кажется, тетя Гюльчехра дома. Из соседей только они одни здесь и живут весь год. Хорошо делают, что в городе делать?

– Тетя Гюльчехра! – кричу я. С нашего навеса виден фасад их дома. Опять посадили во дворе базилик. Чуть поодаль подсолнухи, а за ними – наша любимая кукуруза… Аккуратно вскопанные грядки и сменяющие друг друга цвета радуют глаз. А запах базилика… Тетя Гюльчехра… Кажется, их нет дома. Наверное, у сестры. Боже, как звали ее сестру, они еще жили рядом с мечетью? Надо бы спросить у Самира, у него на такие дела память хорошая. Какая хорошая погода, будто весна пришла. А какой цвет у базилика! Человека ума лишает… Какая странная фраза: «умереть прямо здесь». Откуда она, интересно? Ах да, пока не забыла, спущусь, положу дипломы в сумку… Вернусь в город, пока не стемнело, интересно, как ребенок?! Как назло, зарядка телефона села, не могу позвонить. Тетя Гюльчехра… Их нет, как жаль. Кажется, они срезали черный тут. Все лето рты и носы у нас были черными от тута… Как было смешно, когда Самир надел ведро на голову…

Кажется, ветер поднимается. Абшерон же… А море как волнуется! Слышен звук моря. Может, на пять-десять минут к морю спущусь, еще время есть… Сколько раз мы играли в прятки на даче у тети Ханым, залезали в колодец, никто найти не мог. Внуки тети Марьям были такими форсистыми. Подумаешь, городские они, деревенских не признают… А дядя Мамед враждовал с улитками, виноградник поедают, говорил – говорил и злился. Тетя Рубаба… однажды я ошиблась и сказала ей «дядя» Рубаба… Честно признаться, она как дядя и была. Снесла нижнюю часть ограды их дачи, чтобы море было видно. Садилась там, целый день смотрела на море и иногда подкидывала щепок в самовар. Ровно за две минуты у нее вскипал самовар…

Их сосед дядя Гусейнага поскользнулся у колодца, ударился об угол бассейна, бедолага умер на месте. А дети в России… Пока они приехали, соседи похоронили мужчину и поминки устроили, как положено. Как же мы тогда испугались, маленькие были, впервые знакомились со смертью, были на поминках. Кажется, именно после того случая Мехрибан преждевременно разродилась… Она была младшей дочерью дяди Рагима… На ее крик посреди ночи весь поселок собрался. Родильный дом далеко, машины нет, как быть?! Только у Ширина киши была машина, но с ним дядя Рагим был в ссоре. Вдруг увидели, как дядя Ширин приехал на машине и сказал: «Рагим, ты и гроша ломаного не стоишь, но дочь твою отвезу, куда надо»… Так и помирились! У дяди Рагима был инфаркт, кажется, когда приезжали в прошлый раз, он в постели был, может, теперь выздоровел…

А вот и море! Мы столько всего вытворяли на берегу моря летом. Ни голос его не изменился, ни вид. Такое же, как и прежде. Наше море… И вода теплая… Эта погода Абшерона – одна сплошная загадка… Так и хочется искупаться. Хотя нет, заболею еще, а лекарства нынче трудно найти. Потом придется минимум 10 ампул заказывать… А еще обязательно надо купить фильтры для воды. Чтобы пить чистую воду и быть здоровой. Комедия, да и только… Низами был не слабее Хагани… Десять лет обучалась филологии, но эту истину узнала от таксиста. Надо дома рассказать, пусть посмеются… Говорит, диплом ваш поддельный… Это уже перебор… Одну минуту… Одну минуту… Мне надо было, как аптекарша, рассказать им о противогрибковых препаратах. Одну минуту… А-ха-ха-ха… Но день все же хорош… Какой странный у меня нрав… А зима с весною будто в перегонки пустились!

Белая ворона

– Ну, мужик, кажись, наверху о твоей ферме никто ничего не ведает?! Советское государство давно распалось уж, а ты тут держишь пять куриц да пару коров и называешь все это дело фермой…

Коля уже давно привык к подобным шуткам. Еще когда советская власть была в самом расцвете сил, он считался одним из ведущих работников фермы. С раннего утра приходил на работу, ухаживал за животными, поил и кормил их. В полдень покупал и приносил хлеб для работников, разжигал огонь, чтобы те могли приготовить обед. Затем, съев пару кусочков, садился в свой старенький «Москвич». Нет, он отнюдь не был автолюбителем, просто не было другого выхода: развозить молоко в детсады и школы на этой развалюхе кроме Коли было некому. Как только «Москвич», фыркая и кашляя, заводился, его шум раздавался по всей округе. И все знали, что Коля выехал развозить молоко. Ворча и жестикулируя всю дорогу, он на «Москвиче» кое-как доезжал до районного центра. Но бывало, что вдруг посреди дороги машина начинала упрямиться. Вот тогда начинался концерт. Коля выходил из «Москвича» и так сильно хлопал дверцей, что молоко чуть ли не в масло превращалось. Гнев его не утихал, и, открывая капот, он обкладывал этот «кусок железа» всеми известными ему ругательствами – и на русском, и на азербайджанском.

Деревенские женщины, сразу прикрывающие лица при виде чужого мужчины, не уставали болтать и любезничать с Колей. Только увидев его, собирались вокруг него. Кто хотел молока, кто заказывал курицу… А некоторые втирались в доверие и втихаря брали из машины закваску для сыра. Где бы «Москвич» ни ломался, то место превращалось в настоящий уличный театр. «Электрические» неполадки в автомобиле Коля устранял голыми руками, он отрывал руками провода и зубами зачищал их. Из-за спешки иногда неправильно соединял провода, и они били током его пальцы. Забыв обо всем от боли, он прыгал на месте и вспоминал ругательства похлеще. Деревенская ребятня покатывалась со смеху, получала огромное удовольствие от этих сцен. А Коля сражался с «Москвичом» и на происходящее внимания не обращал. Ведь дети в детсадах и школах ожидали его, он поскорее должен был починить машину и довезти бидоны с молоком до места назначения.

Как только машина заводилась, лик его светлел, голова прояснялась, настроение улучшалось. Он даже шутил с окружившей его детворой. Угощал их сладостями и отправлялся в путь.

В долгой дороге хрипы и стоны машины аккомпанировали приятным сердцу песням Коли. Слава Богу, у него был хороший голос. Кроме русских частушек он исполнял азербайджанские народные песни, которые, кроме него, никто так не мог спеть. Когда со своим милым акцентом он пел «Сары гелин», «Кючелере су сепмишем», «Губанын аг алмасы», вся деревня собиралась его послушать. Коля немного смущался устремленных на него взглядов, краснел, но и не прекращал петь.

Прикупив после работы бутылку сладкого вина, он уходил домой… Перед домом у него была маленькая открытая веранда. До глубокой ночи Коля сидел на веранде, потихоньку попивая сладкое, как мед, вино «Агдам» и наблюдая за луной и звездами. А когда у него бывало хорошее настроение, то и песни пел.

Он никогда не оказывал тем, кто приходил к нему за помощью. У него была и любимая поговорка, которую он вспоминал, когда стучали в его дверь: «Верблюда на свадьбу приглашают», – говорил он и покатывался со смеху.

Какая бы ни была проблема – мотор машины неисправен, замок калитки сломался, дрова закончились, тандыр треснул – всем на ум приходил Коля. А раз в месяц Коля приходил на ум всем жителям деревни: в чем причина, никто не знал, но раз в месяц родник высыхал и случалась нехватка воды. Выход из положения знал один только Коля. Где-то наверху он нашел дорогу к роднику. Взяв с собой щепок и проволоки, шел туда. С собой никого не брал, а когда местная молодежь упорствовала, он облагал всех семиэтажными ругательствами и прогонял прочь. Немного погодя он устало спускался, довольно улыбаясь, смотрел на молодых женщин с кувшинами на плечах и на маленьких ребятишек, держащих в руках ковши. Через пару минут из родника с журчанием начинала литься вода, да еще с каким напором. Никто не мог разобраться, что это за чудо, да никто и не осмеливался спросить… Набрав в посуду воды, все рукоплескали виновнику и уходили, говоря: «Чтоб жизнь твоя была как вода». Коле больше ничего и не надо было, он не был алчным, ни от кого ничего не ждал. Было достаточно одной тарелки еды, садился, молча ел, а потом уходил. Если же рядом с едой оказывался стакан водки, то это уж совсем было замечательно. Выпивка сотворяла с ним чудо: лишь только капля попадала на язык, как раскрывался настоящий талант Коли, он начинал петь, читать стихи, обращался к истории, вспоминая прошедшие времена. Рассказывал анекдоты, а затем сам трижды смеялся над каждым анекдотом. Первый раз он смеялся перед анекдотом, затем когда рассказывал его. А в конце, смотря на смеющегося собеседника, сам покатывался со смеху. Каждый раз, когда он смеялся, были видны его щербатые зубы. Да и виновниками того, что он до сих пор не женился, были его зубы, вернее, их почти полное отсутствие. Когда те, кто вел с ним непринужденную беседу, иногда намекали ему, что ищут для него невесту, он сразу протестовал, закрывал тему, говоря: «Вот сделаю зубы, потом». И все прекрасно знали, что дело это трудное, да и не разумное.

Он был очень добрым, приход его в любой дом превращался в праздник, соседи собирались вокруг него и беседовали. Но вдруг, когда он разговаривал и смеялся, тень печали падала на его лицо. И тогда он, быстро распрощавшись со всеми, направлялся к своему закутку. Все прекрасно знали этот его нрав, сколько бы не уговаривали, он не оставался. Дети не раз следили за ним и видели, что, оставшись один, он плакал.

Когда советская власть начала разваливаться, ферма тоже пошла ко дну… Какой-то недуг напал на животных, а в стране был хаос, и, сколько бы ни писали наверх, сколько бы ни жаловались, никто не присылал лекарств, и животные умирали одно за другим. Затем стало еще хуже, народ нашел удобный момент и разворовал всю ферму. Те, у кого одна корова или один баран были конфискованы при советской власти, ринулись на ферму и не успокоились, пока не забрали оттуда по пять-шесть коров и овец. Когда все это увидели работники, то каждый, забрав с собой что попало в руки, разошлись кто куда. С трудом Коля сохранил на ферме пару коров, пятьдесять куриц и цыплят. Все, что у него было, отдал на корм и лекарства животным. С тех пор он долгие годы так и живет: смотрит за животными, доит молоко, продает яйца и таким образом зарабатывает себе на жизнь. Так проходили дни, месяцы, годы, он старел, но что-то совсем не менялся, может, это было из-за здешних воды и воздуха. «Москвич» же совсем испортился, заржавел, но все же он помогал ему… И потом люди по тарахтению «Москвича» определяли привоз молока, яиц, гатыга. Коля никогда не назначал цену товару, кто сколько мог дать, столько и давал, и в долг тоже давал бессрочно, даже кредит был, да еще и без процентов…

Коля был любимчиком и Рахман-муаллима. Каждый раз, когда Коля показывался у двери, у мужчины поднималось настроение, лицо улыбалось, он звал его под тутовое дерево, шутил и болтал о том-о сем, переспрашивал то, о чем спрашивал сто раз, и каждый раз раскатисто смеялся над ответами. Рахман-муаллим жил хорошо, поговаривали, что у него хорошая работа в Баку. В дорожной полиции он занимал высокую должность. В летние месяцы он приезжал сюда по субботам и воскресеньям, садился под дерево, пил чай из армуды с сахаром вприкуску, играл в нарды с приятелями, а по вечерам – лей-пей… Приезжая в деревню, набирая пригоршню воды из умывальника, висевшего на дереве, и ополаскивая лицо, мужчина чувствовал, как вся усталость уходила. Вытираясь кипенно-белым полотенцем, он словно освобождался от копоти и сажи, от сплетен и тяжести города. И приход Коли был совсем к месту. Рахман-муаллим теперь так просто его не отпустит…

– Э, мужик, кажись, наверху о твоей ферме никто ничего не ведает?!

Он всегда так начинал беседу. Коля уже привык к таким вопросам. Некоторые он, спокойно улыбнувшись, пропускал.

Коля очень хорошо говорил по-азербайджански. Из-за его замкнутости некоторым казалось, что он плохо знает язык. Но после пары стаканчиков у него развязывался язык, и он щебетал, подобно соловью…

– Жена, ну-ка, приготовь из яиц, привезенных Николаем Мамедшировичем, яичницу с помидорами, да открой тутовую водку, посмотрим, что за вещь такая?

Когда Коля услышал это, у него заблестели глаза. Во-первых, у тутовой водки непередаваемый вкус, а во-вторых, Рахман-муаллим знал толк в выпивке, грех было с ним не выпить. Хозяйка разложила на столе под деревом все, что было в доме.

– Та-а-ак, Новрузов Николай Мамедширович…

Это была привычка Рахман-муаллима, он иногда повторял имена и фамилии тех, кто ему нравился, показывая тем самым внимание и любовь в своем понимании. Он особенно наслаждался именем и фамилией Коли. Ему казались колоритными имя и фамилия человека такой наружности… Это и было одной из тем их бесед. Он сотню раз спрашивал, и Коля столько же раз отвечал, но что толку, то ли Рахман-муаллим не запоминал, то ли просто так, шутки ради, спрашивал. И сейчас, допив стакан, он, улыбаясь, начал разговор:

– Ну, мужик, твое дело чудное, невозможно понять, откуда ты… Новрузов Николай Мамедширович.

– Нет, я не русский, отец азербайджанец, мама татарка…

После этого ответа Рахман-муаллим надолго задумывался, вспомнив, что, кажется, он уже говорил об этом с Колей и даже опечалился от его истории. Но, сколько ни пытался, не мог вспомнить, что именно и почему его опечалило. Не желая портить настроение, он наливал водки и говорил:

– За тебя, Коля, я тебя очень люблю, и молоко детям нравится… Колян, ты человек хороший, – сказав это, залпом выпивал стакан.

– Большое спасибо, Рахман-муаллим. Да убережет Аллах детей твоих.

– Да, мой приятель готов. Раз ты заговорил на азербайджанском, значит все, закончилось… Хотя нет, давай еще выпьем. Ну, расскажи, что за дела творятся…

Так было каждый раз: после пары стаканчиков Коля на чистом азербайджанском заговаривал о прошедших днях, Рахман-муаллим протягивал руку к сигаретам, брал одну и улыбался, сделав затяжку. Иногда он тянул налево-направо ворот старого пиджака, накинутого на плечи, считая, что поправляет его.

– Ради меня, скажи-ка, как ты чинишь тот родник?

Коля, улыбаясь, смотрел, ничего не говорил, проявлял истинно партизанскую выдержку, словно защищал государственную тайну.

– Мужик, у тебя же нет никаких плутовских дел, так чего же ребятам не даешь с тобой идти?

Коля улыбался и отвечал:

– У источников вод змеи водятся, боюсь за детей, если змея ужалит, что мы сможем сделать? – затем протягивая руку к сыру на столе, клал на хлеб и, сказав: – Молодые ведь… – откусывал кусок хлеба.

– Ну так вот, а люди говорят, что у тебя какое-то тайное дело… Слушай, а чего ж ты не женишься? Давай найдем тебе достойную девушку и поженим вас…

Коля сначала мялся, а затем, указав на свои зубы, говорил:

– Я же еще их не сделал… – и опускал голову стыдливо.

– А это тут при чем, что, жена разведется с тобой из-за зубов? Ну что, мне своей сказать, чтобы поиски начинала?

– Да нет, не надо…

– Надо, дорогой, надо. Ради Бога, зубы сюда не впутывай…

– Нет, так некрасиво, сделаю, потом посмотрим…

Каждый раз от подобного рода разговоров настроение Рахман-муаллима поднималось до небес. Он раскатисто смеялся, говоря: «Дорогой мой Коля». Поднимал тост за здоровье Коли, твердя: «Народ у тебя должен учиться подобным вещам». Но Коля до конца так и не понял, чему именно народ у него должен был научиться.

Когда в самом интересном месте беседы у Рахман-муаллима звонил мобильный телефон, его хорошее настроение вмиг портилось.

Вот и сейчас зазвонил мобильник…

– Алло, да… Слушаю. Да, права отобраны, а машина отправлена на «штрафную»… Какое мне дело, чей родственник? Нет, ну ради Бога, при чем тут это, тот человек пьяный сел за руль, нарушил закон, да еще и полицейских оскорбил… И что теперь делать? И скажите этому Гасан-Аге, что Рахман-муаллим говорит, чтобы он научил уму-разуму своих родственников… До свидания! Да пропади все пропадом, не дадут два-три дня отдохнуть, какое мне дело, что чей-то там родственник остался без машины… А ну, принеси-ка еще одну бутылку этой водочки, послушаем, что еще нам расскажет Коля-муаллим.

Жена и дети знали, что если Рахман-муаллим попросил еще одну бутылку, значит, положение сложное. Потому разговаривали с ним осторожно. Наполнили стол дополнительными блюдами, фруктами, закусками. Знали, что хозяин любит изобилие, чай пил с удовольствием, если только перед глазами его было по три-четыре вида варенья. Он и не ест это варенье, просто видеть хочет… А когда спрашивали, говорил, что в детстве столько видел нужды, что теперь не хочет, чтобы дети ее видели…

– Ради Бога, ты ешь… Мне спокойно, когда ты ешь… Ну, расскажи, как же так получилось, что тебе дали имя Николай. Отец наш, а мать татарка, тоже наша…

Коля с трудом проглотил кусок. Затем немного подумав, встал… После того, как его немного пошатало на месте, он смог обрести равновесие…

Рахман-муаллим посмотрел на его стойку, сначала подумал, что Коля обиделся и хочет уйти, а затем понял, что он хочет что-то сказать, и потому подождал. Собравшись, Коля положил руки на спинку стула и серьезно сказал:

– Рахман-муаллим, я сейчас подойду и скажу кое-что тебе на ухо, а затем сяду

на место… – сказав это, он почему-то остался стоять на месте и смотрел, будто ожидая приказа.

– Слушай, ты, кажется, пьян? И зачем на ухо? Так скажи, что хотел…

– Нет, клянусь, я не пьяный… Сейчас отправлюсь на ферму и ни один человек не поймет, что я пил.

Только Коля это сказал, Рахман-муаллим разразился смехом. Хлопнув рукой по столу, захохотал.

– Ты знаешь, сколько таких за день ловят наши ребята? От запаха водки близко подойти нельзя, на ногах еле стоит, да еще машину водит, закон нарушает, но не признается, что выпил… – Коля немного смутился, ни на место не садился, ни слово свое не говорил… – Да не обижайся ты, ради Бога, пошутил я просто, сядь, скажи, что хотел, кто нас подслушивать будет?

Коля прошел и сел на место… Немного сконфуженный, немного обиженный, но слово свое сказал наконец:

– И моего отца, и мою мать сослали в Сибирь… Я тогда совсем маленький был, ничего не помню… Одна русская женщина взяла меня к себе и растила, имя мое сменила, дала мне имя своего отца… Как говорят, счастье привалило…

– Так, а почему родителей в Сибирь выслали?

– Говорю же, мама была татарка… Отец же был образованным, увидел ее, понравилась, вот он ее и похитил. Во время репрессий соседи написали донос, будто они пишут турецко-татарскую книгу, вот бедняг и выслали… Ну, а я вот так…

– Бога ради, не порть настроение себе…

– Да нет, лучше я домой пойду… Уже поздно!

Это состояние Коли многим было знакомо, он поджимал нижнюю губу, как ребенок, а потом, собравшись, быстро уходил. Неизвестно, что его так огорчало… И теперь Рахман-муаллим словно потерял нить разговора. Вновь ему на помощь пришла водка, он наполнил стакан Коли, но себе не налил, когда у него портилось настроение, он не мог пить.

– Николай Мамедович, ну у тебя и словечки… – Это Рахман-муаллим говорил просто так, ради красного словца. И когда Коля замолкал, и когда он отдавал молоко и уходил, он должен был переброситься с ним хотя бы парой фраз… Когда он это сказал, ему кое-то пришло на память… Спел один куплет: «Qubanın ağ alması, yeməyə bağ alması, yarım gələnə qalıb yaramın sağalması...» (Лишь в Кубе яблоки белые, лишь в садах яблоки спелые, лишь с приездом возлюбленной рана моя излечится). Потихоньку и Коля присоединился к нему, положа руку на бровь, он повысил голос «Sevirəm yar, səni mən yar, sevirəm yar, yar» (Люблю тебя любимая, люблю, любимая, люблю) – продолжил песню… Чем больше Рахман-муаллим говорил ему «Дорогой Коля, родной Коля», тем выше и усерднее он пел. Позже песня окончилась, и Коля даже не понял, почему Рахман-муаллим смеется.

– Ты только не спеши. Сейчас скажу, чтобы дети вскипятили самовар. Хорошо сидим, погода отличная, водка есть, и настроение отличное… – только сказал Рахман-муаллим, как телефон его опять зазвонил. Он посмотрел на экран, вначале не хотел отвечать, но затем, сказав «черт же тебя подери», нажал кнопку: – Алло… Я же далеко, когда я туда доеду. А что такое? Какая объяснительная? Пожаловался? На меня? Хммм… Приеду в понедельник, поговорим…

Отложив телефон в сторону, Рахман-муаллим замолчал. А затем ему будто что-то вспомнилось:

– Помнишь ту песню?

Каждый раз речь шла о разных песнях, но каким-то образом Коля понимал, о какой… Снова положив руку на бровь, он запел:

Нерадивая, гордая, смелая,
Но уродиной звали ее.
Потому, что была она белая,
Не такая, как все воронье.

Коля пел и к нему присоединился Рахман-муаллим.

– Коля, дорогой, как хорошо, что ты напомнил мне эту песню. Песня нашей молодости как-никак… Белая ворона? Говорят, раз мы черные, то и ты такой должна быть… Помнишь, в конце песни они бросают белую ворону в болото, чтоб она почернела… Ах, как написал, а…

Пока Рахман-муаллим говорил, Коля улыбался, но и петь не прекращал. Временами они присоединялись друг другу и пели дуэтом. Домашние смотрели, стоя поодаль, не осмеливаясь приблизиться, знали, что Рахман-муаллим не любит такие вещи… Вдруг Коля замялся, прекратил петь и вскочил.

– Рахман-муаллим, я должен идти… Поздно уже, пойду я, спасибо за водку… – сказав это, он поднял вверх большой палец: – Высший сорт!

– Напрасно ты торопишься…Нам надо о многом побеседовать. Хотя нашим с тобой разговорам нет конца и краю. Ну хорошо, дай встану, провожу тебя…

Выйдя к дверям, Рахман-муаллим увидел старый «Москвич» и разразился смехом:

– Мужик, ну, ты даешь… Не знаю, как ты только сохранил эту развалюху… Они, наверное, ровесники с моим покойным отцом. Но – только между нами – ты поддатый, так сядешь за руль? У такого, как ты, мы права отбираем… Нет, слушай, может, машину здесь оставишь, тебя дети отвезут…

– Нет, нет, не беспокойся. Сто раз так ездил. Не проблема… Доеду, трезвый я…

– «Трезвый я», как же, посмотрите на этого трезвого… – и пропел:

Если мы черны, если мы черны,
Будь и ты черна, будь и ты черна.

Песня крепко засела в голове Рахман-муаллима, он то и дело напевал ее… Кое-как оторвавшись от него, Коля сел в машину. А еще, высунув голову из машины, поблагодарил за все.

– Слушай, ты иногда в Баку ездишь? Ни в коем случае, выпив, не езжай в город, я ничего не говорю только потому, что ты тебе ехать недалеко… Но если в Баку какая проблема с ГАИ будет, набери мой номер, у тебя же есть моя визитка…

– Хорошо, на днях поеду… Если что, позвоню… Я пойду, а вы уж отдыхайте… – сказав это, Коля завел машину, и все вокруг заволокло черным дымом…

– Ее дым опаснее, чем дым с химического завода, так ты нас задушишь… Ну хорошо, до свидания, благополучно добраться… Бог в помощь…

На следующее утро Коля встал рано и подготовился к поездке, погладил сорочку и брюки. Он должен был ехать в Баку. Работница с почты сказала, что в городе, рядом с кафе «Наргиле», работает хороший зубной врач. Правда, доехать до Баку на этой рухляди – дело отнюдь не легкое, и все же Коля отправился в путь…

Хоть по дороге он несколько раз и разозлился, но «Москвич» все же довез его до Баку. Коля хорошо знал город, еще с детства он часто приезжал сюда с той русской женщиной, а затем сам приезжал и забирал вещи, выделенные для фермы, был очень шустрым, за день мог обойти весь город… До «Наргиле» оставалось совсем немного, он столько раз здесь ел да пил… Ну вот, приехали, дорожный полицейский, повертев своей дубинкой, остановил его… он свернул к обочине и нажал на тормоз… Вышел из машины.

– Начальник, я разве нарушал?

– Сержант Алиев… Прошу предъявить документы…

– А что такое?

Такое равнодушное отношение Коли разозлило сержанта.

– Что такое, из машины валит черный дым. А ты не знаешь, что по новым законам штраф за это подняли?

– Хм, отремонтирую…

– Что ты собираешься ремонтировать, это же просто рухлядь, лучше подари ее музею…

Коля обиделся на эти слов, будто дитя малое… Немного смутился, не нашел, что сказать. Он смотрел то на ржавую машину, то на разъяренное лицо полицейского. Да, кажется, и на этот раз не получится разобраться с зубами.

– У меня нет времени, дай документы, напишу и уйду…

– Слушай, а ты знаешь Рахмана Алескерова?

– Нашего начальника? Ты так не шути, старик… Конечно, знаю… а что такое?

– Да так, он друг мне… Не веришь, дам номер, позвони, поговори. – Сказав это, Коля достал из кармана визитку. – Вот, это его номер, набрать?

– Кто он тебе?

– Друг… Подожди…

Коля достал из футляра на ремне мобильный телефон, такой же дряхлый, как «Москвич», уставился на экран, сузил глаза и набрал номер.

– Здравствуйте, Рахман Алиевич… Это я, да, в Баку… К зубному… Гаишник остановил… Говорит, машина дымит… Мой «Москвич», что с ним сделаешь… Ну хорошо, я передаю трубку.

Взяв трубку, сержант Алиев вмиг побелел… Только и смог выговорить: «Так точно, так точно, Рахман Алиевич». Затем отдал трубку Коле со словами: «Он хочет с вами поговорить». Коля приложил трубку к уху, сначала улыбнулся, затем замер, но ничем себя не выдал. Рахман-муаллим не стал затягивать и сразу сказал:

– Я поручил ему проводить тебя прямо до «Наргиле», никто тебя не потревожит. Но смотри, больше не нарушай, этим утром дали приказ, меня уволили…

Коля удивленно спросил:

– А что же вы сейчас делаете?

– Что делаю? Играю в нарды со своим соседом, опять у него «шешу беш»… Ну, дает, не идут ко мне сегодня кости…

Коля застыл на месте с трубкой в руке, из трубки доносились звуки костей и шашек, а еще кто-то напевал.

АЗЕР ЭФЕНДИ

Сергею Есенину

Ты пишешь, как дышишь.
Ты пишешь, как жил,
Порой задыхаясь
Любовью к России!
Ты Русское Слово
Всем трепетом жил
Пронёс и несёшь,
Как мессия...
Глаза – васильки,
Ну, а шапка волос –
Жнивьё золотистой пшеницы!
В стихах слышен шелест кудрявых берёз
И пенье божественной птицы!

*** * ***

Зима в Баку: ну... Каспий сер и хмур,
И небо серым пеплом стало стлаться,
И только ветер – вечный балагур,
Куда ни повернись, всё лезет целоваться!

Бакинки прячут носики в меха,
В шарфы закутаны усы бакинцев,
Домой бы поскорее... от греха...
Но сердце жаждет чуда и гостинцев!

И Новый Год пришёл, не обманул...
Посылкой из Москвы – мороз и вьюга,
А поутру Баку легко вздохнул:
«Спасибо, краснощёкая подруга!..»

Бульвар в сугробах, в голубых снегах...
В причёсках пальм короны серебрятся...
Снежки летят, взрываясь в пух и прах,
И – взрывы смеха, и глаза искрятся!..

А во дворах лихая детвора
Шары катает – бабу дружно лепит!
Пришла в Баку волшебная пора,
И даже ветер тихо губы треплет...

Собачьи стихи

I

Давай, мой пёс, стихи слагать.
Ты на прогулке – я в мечтаньях...
Весна... природа... благодать!
И сучки в разных сочетаньях!

Мой дерзкий пёс, ты на бегу
Их метишь жаркою слюною
А я вот та́к вот не могу,
Позанимайся ты со мною.

Ведь мы братишки, пусть себе
Ты – вороной, я – бледнолицый...
Так разложилось по судьбе,
Но оба трескаем мы пиццу!

И в жизни будущей – как знать! –
У кармы те ещё цветочки!..
Быть может, ты возьмёшь гулять
Меня на красном поводочке...

II

Ещё клубится дым с эльдарских сосен,
Вот-вот, и май шагнёт на Абшерон!
Весенний дух и сладок, и несносен...
И воет мой Джеймс Бонд, желаньем одурён!

Людишек по весне спасает аллергия
От взрывов неслучившейся любви,
А кобелей – известно – хирургия!
И только хирургия – ce la vie!..

Ну, как его унять – пожар звериной плоти?!
Где отыскать властительницу чар?!
Подружку, равную по масти и породе,
Мой благородный Ca de Bestiar!

За всё надо платить... За избранность – полушку
Принц Гарри Виндзор разменял и внёс!..
Но не тебе подмять случайную простушку!
О, мой блестящий, благородный пёс!

Пусть ты не внук монаршей Лизаветы,
Ты мой братишка – чуть иной на вид...
Но мы храним старинные заветы
И кровь с оттенком в камень лазурит.

И всё случится – ежели случиться
На лбу начертано твоём!
Ах! вороная масть твоя лучится!
Как солнце, что нырнуло в водоём!..

* * *

Всё ветшает понемногу –
В этой мысли нету лоску...
Вот и клянчу я у Бога
Жизни белую полоску.

Говорю ему я: «Боже!..
Дай же почудить под солнцем!
Дай пожить в седле, на ложе,
Мне неистовым гасконцем!

Дай мне мудрость Сулеймана
И псалмы, как у Дауда...
Ах, как жизнь моя туманна...
Ах! Какое это чудо!..

Строчки на форзацах

Азер-Паше Нейматову

Могучий и дерзкий, и вольный Талант!
Ты театр несёшь на плечах, как Атлант!
С друзьями ты нежен, с врагами – ершист!
Для публики – истый Народный Артист!

Фирангиз Ализаде

Дорогая Фира!
Фира – Фирангиз...
Жизнь ты знаешь цельно:
И верхи, и низ.
Знаешь море славы,
Вдохновенья бриз...
Ну, а в кабинете –
Душ людских стриптиз...

Вот какая девочка!
Фира – Фирангиз...

Мансуру Векилову

Высок и ладен ты,
Как кипарис.
То раскалён, то хладен ты,
А то игрист...
Поэт Редактор Друг –
Всё это без цезур.
Прими ж пожатье рук,
Мой дорогой Мансур!

ГЮЛЮШ АГАМАМЕДОВА

Личный контроль

Удивительно, как выбор тех или иных языковых клише может раскрыть суть происходящего. В последнее время в русской и азербайджанской прессе часто можно встретить такое выражение, как «*под личным контролем*», обычно следом указывают первое лицо государства, под контроль которого попадает то или иное событие. Все читатели, слушатели, зрители мгновенно понимают, что момент истины настал. И если до этого мгновения могли иметь место какие-либо злоупотребления, нарушения, преступления, то после этой магической фразы все чудесным образом переменится, и чиновник, облеченной высшей властью, совсем, как Зевс-громовержец, накажет, пресечет, а бывает, и наградит, похвалит. Словом, восстановит справедливость. Казалось бы, что в этом плохого? Есть на кого надеяться, к кому обращать просьбы и мольбы. Тем не менее. Различие между правовым и иным (неправовым) государством, как в капле воды, отражается в этой фразе. Правовое государство предполагает главенство права. То есть, действующая конституция, законы определяют жизнь общества. Преступил закон – значит, тебя накажут. Убил, своровал – сядешь в тюрьму. Совершил геройский поступок – наградят. Но только наказывать и награждать будут соответствующие компетентные органы.

Конечно, законы бывают разными. Совсем как люди. Их традиции. Начиная с 10 заповедей Моисея. Римское право долгое время являлось базовым правовым инструментом для стран Европы. Кодекс Наполеона оказал влияние на последующее развитие правовой науки. В Англии свое, особое, прецедентное право, самое сложное, когда юристы могут ссылаться на случай, произошедший в анналах истории. Каким бы ни было право, в правовом государстве оно главенствует. Недавно из статьи на сайте Azlogos Эльмира Мирзоева я обнаружила интригующую информацию о том, что, как оказалось, немецкое государство до сегодняшнего дня платит пособия гражданам Европы, в частности, Бельгии, служившим в фашистской армии Вермахта. То есть бывшим солдатам гитлеровской армии. Государство посчитало, что если оно имеет документально подтвержденные обязательства перед этими людьми, то оно должно их выполнять. Безусловно, могут возникнуть разные мысли по этому поводу. Прежде всего у тех, кто оказался жертвой этих самых солдат. У каждого совестливого человека могут возникнуть сомнения по этому поводу. Тем не менее, правовое государство понимает свои функции подобным образом. «Дал слово, держи». Именно государство, структуры государства, несущие ответственность за принятый закон.

«Нормы социального страхования не подлежат санкциям (например, лишению пенсии) в случае правонарушений, так как в основе соцстрахования лежит ***принцип ценностной нейтральности***», пояснил историк из Майнцского университета Мартин Гёлиц (MartinGöllitz). Проще говоря, право на пенсию есть даже у преступников.

Такая ситуация с правовым государством сложилась не сразу. Долгую дорогу прошло общество людей, прежде чем они смогли создать структуру, подобную сегодняшнему правовому государству.

Период абсолютной монархии, который обычно иллюстрируют фразой, произнесенной Людовиком XIV, королем Франции (произнес он эту фразу или нет, доподлинно неизвестно): «Государство – это я», как раз в полной мере соответствует этой формуле «под личным контролем» короля.

«Абсолютный без возражения, Людовик уничтожил и искоренил всякую другую силу или власть во Франции, кроме тех, которые исходили от него: ссылка на закон, на право считались преступлением. Этот культ Короля-Солнца, при котором способные люди всё более оттеснялись куртизанами и интриганами, неминуемо должен был вести к постепенному упадку всего здания монархии». Характеристика Сен-Симона, придворного короля Людовика, известного своими желчными «Мемуарами», достаточно объективна, особенно в отношении конца правления Короля-Солнца и заката великого века (Grand Siècle).

Государства, в которых концентрация власти главного лица превышает самую богатую фантазию, как правило, очень уязвимы. Это легко можно объяснить хотя бы тем, что простой смертный, в отличие от небожителя, не может взвалить на свои хрупкие плечи все тяготы вверенного ему государства.

В недалеком прошлом мы можем найти руководителей, чей мифический образ совпадал с образом Зевса всемогущего. Такой руководитель может решать задачи любой сложности: от самых каверзных до самых простых.

Вспомним известное фото «Ленин на субботнике». Основатель социалистического государства, мыслитель, и в то же время простой работник, несущий бревно. Естественно, людям, занимающимся физической работой каждый день, понравится эта картинка и сделает ближе образ вождя. Возможно, еще и по этой причине письма вождю стали обычной практикой в советском государстве. Сталин пошел дальше в этом направлении. Он стал другом детей, лучшим другом советских физкультурников, другом сталеваров, доярок, поэтов. «Друг народа в своей простоте», – написал о нем Никита Хрущев в юбилейном сборнике «Сталин. К 60-летию со дня рождения». Заступник, отец родной, даже иногда ближе отца родного, если вспомнить Павлика Морозова.

Персонификация власти – известный прием, с помощью которого население, народ лишается всяких прав, а живет исключительно милостями повелителя. Ни самая передовая Конституция, в которой зафиксированы невиданные прогрессивные права каждого гражданина, ни самые «гуманные» суды в мире не имеют силы, если воля отца народа не подтвердит их. Вот поэтому традиция обращения к вождю, минуя весь государственный аппарат, жива и сегодня. Практически во всех государствах СНГ ситуация похожа. При любой форс-мажорной ситуации люди, зная, что от чиновников на постах толку мало без окрика правителя, обращаются непосредственно к нему. И тут мы видим волшебную фразу «дело находится под личным контролем», известно кого. И как доказательство доброй воли правителя мы видим, как счастливо решается судьба обиженной многодетной семьи, ребенок получает заветный компьютер, о котором так долго мечтал, бабушка получает возможность торговать на рынке выращенными на огороде огурцами, обойдя всемогущих оптовиков.

Кстати, такое положение вещей очевидно не только для граждан подобных стран, но и для их соседей – европейцев, американцев. Иначе зачем Жан-Мишель Кусто, актриса и зоозащитница Памела Андерсон и посол ООН по проблемам климата Леонардо Ди Каприо обратились к российскому президенту с призывом спасти косаток?

Их обращение звучит следующим образом: «Президент Путин, спасите косаток!» Создано несколько петиций, появились специальные хештеги. То есть получается, что единственный человек, ответственный за все происходящее в стране, в том числе и за косаток – президент.

Иногда у людей, верящих всемогущему правителю, не представляющих, как можно прожить хоть день без его «контроля», очень редко, но все же возникает вопрос: а для чего нужны все эти органы власти, так дорого обходящиеся налогоплательщикам, если они бесполезны?

Получается, что громадная бюрократическая машина со сложным, порою устаревшим механизмом, запускается только после окрика патрона. И только тогда высокие чиновники, в чьем ведении находится жалоба, начинают действовать. Первым делом оправдываются. Это напоминает ритуальный танец. Поклоны, пируэты, реверансы. И дальше по схеме танца идут действия, доказывающие всем заинтересованным лицам эффективность подобной политики.

И как финал-апофеоз – граждане в очередной раз убеждаются в том, что только обращение к первому лицу дает надежду быть услышанными.

В нашем случае один из последних эпизодов особенно опечалил меня. В прессе было опубликовано обращение граждан:

«Село Лязран просит защиты президента».

«Группа жителей села Лязран и других населенных пунктов Ярдымлинского района обратилась к президенту Азербайджана и генпрокурору с просьбой обеспечить безопасность села, а также привлечь к ответственности лиц, повинных в зверском убийстве местного жителя Бахруза Искендерова».

Жители села понимают, что обращаться надо к генеральному прокурору. Но по горькому опыту знают, что если не обратиться к первому лицу, причем с открытым письмом через прессу, то помощи можно не дождаться.

Не будем спорить с аргументом, к которому очень часто прибегают сторонники личного контроля со стороны первого лица, заключающегося в том, что у каждого государства свой путь. Не исключено, что население стран бывшего Союза, столько лет жившее в условиях тоталитарного государства, не приемлет других методов управления. В этом есть доля истины. Но прошло уже достаточно времени с исчезновения Союза. Выросло новое поколение. «А воз и ныне там».

Может, стоит попробовать? Каждому заниматься своим делом. Возможно, и первому лицу не придется тогда все держать под личным контролем?

АЛЛА АХУНДОВА

Азер – сын своей страны Азербайджана

С Азером Абдуллаевичем Мустафазаде я познакомилась очень давно, в 1960 году минувшего, двадцатого века.

Он, Азер, появился в Литературном институте А.М.Горького сразу на втором курсе кафедры перевода, где уже год учились переводчики азербайджанской и латышской литературы.

Да, были такие, можно сказать, «золотые времена», когда на одном нашем курсе оказались: русский писатель Василий Белов и азербайджанский поэт Фикрет Годжа, эстонский поэт Матс Траат и алтайский поэт-острослов Паслей Самыков, туркменка прозаик Огультач Оразбердиева и рижанка Ирина Ильгисонис… Извините, всех не перечислишь. Многих уже нет в живых…

Рижанка Ильгисонис стала Ириной Черевичник, выйдя замуж за теперь уже, к сожалению, покойного украинского поэта, тоже нашего однокурсника, и проработала немало лет на Рижской киностудии под этой фамилией.

Я, извините за подробности, ещё будучи ученицей девятого и десятого класса 101 московской средней школы, посещала творческий семинар поэта Александра Коваленко, где тогда учились знаменитые наши поэты Евгений Евтушенко и Белла Ахмадулина. Даже была знакома и дружна с казахским поэтом Олжасом Сулейменовым, писавшим на русском языке такие стихи, что я помню их до сих пор.

Но появление на нашем, уже втором курсе Азера Мустафазаде, двадцатидвухлетнего остроумного юноши с усами было столь неожиданным, что мы просто обомлели… Уже на первом уроке азербайджанского языка, который вёл азербайджанский поэт Ибрагим Кябирли, прозвучало из уст Азера: «Может, перейдём к глаголу, уважаемый учитель?»

Потом было знаменитое «исключение» из комсомола нашего однокурсника, ныне знаменитого народного поэта Фикрета Годжи, и достаточно было молча, но многозначительно посмотреть на Азера, который собирался сказать о чём-то важном собранию, но, слава богу, не сказал ничего, покуда рьяные комсомольцы-вожаки исключали нашего любимца Фикрета из организации, членом которой он никогда не был. Он был страстным поэтом, настоящим поэтом. И объявили мы о том, что он никогда не был комсомольцем, только после письменного решения нашего комсомольского собрания.

Вот какие мы были озорники.

Азеру Мустафазаде необычайно и вполне заслуженно повезло, когда он стал главным редактором бакинского издательства «Азернешр», которое я шутя назвала издательством Азера.

Он так наладил в издательстве работу, так высоко оценил служащих в нем, что находит время для собственно личной работы над переводом.

В русском языке слову «перевод» отведены целые страницы словарей. Но остановимся на одном, самом известном словаре Владимира Даля: «переводить с языка на иной язык, перелагать, перекладывать, **ТОЛМАЧИТЬ**».

Почему я выделяю жирным шрифтом слово «ТОЛМАЧИТЬ»? Да потому, что оно, хотя известное слово в русском, но является с первого, учёного взгляда калькой с немецкого «dolmetscher», то есть «устный переводчик».

Но уже «перевод» подлинника в русском языке толкуется двояко: «перелагать на другой язык» и «изводить, губить».

Так что с древних времён, да и сегодня, «переводить» – весьма небезопасное дело.

Однако что бы мы делали без переводчиков, подаривших нам великую дипломатию и замечательных писателей, созидавших свои романы и поэмы на таких разных языках? И что бы мы делали без них, познакомивших нас друг с другом? И как переживём тот факт, что слово «dilmanc» – переводчик, толмач – вовсе не немецкое, а тюркское, а значит, и азербайджанское, потому что корень слова «dil» – «язык», и он образует целые страницы слов, связанных с языком, с его наличием, отсутствием и участием во всех событиях жизни.

Что касается арабского слова «tərcümə» – «перевод», сегодня довольно часто употребляемого в азербайджанском языке, свидетельствую доподлинно, что и это слово в русском языке, согласно древнерусским словарям, употреблялось как «таргум» – и сказано о них, «таргумах», как о потерянных переводах, задолго до Петра Первого. Потеряны они в Московском Кремле в бумагах, кои то и дело сгорали в столичных пожарах. Откройте, кто не верит, словари древнего русского языка и убедитесь сами.

Получившие высшее образование в нашей стране кое-что слышали о Гомере…Но кроме специалистов никто не знает о Николае Ивановиче Гнедиче (1784-1833), опубликовавшем перевод «Илиады» в 1829 году, за четыре года до своей кончины. Так что Александр Сергеевич Пушкин читал «Илиаду» и на древнегреческом, и на русском.

А вот «Одиссею» – только на греческом, потому что перевод этой эпопеи был исполнен в 1849 году, уже после смерти Пушкина, и тоже за три года до смерти известнейшего русского поэта Василия Андреевича Жуковского, который так любил нашего Пушкина.

Я позволила себе это небольшое отступление, чтобы сказать несколько добрых слов о переводчиках, которые с древних времён и по сей день служат своему священному делу и молчаливому долгу.

В 1989 году в издательстве «Язычи» (г.Баку) случилось невероятное: вышел, наконец, полный перевод на русский язык «Kitabi dedem Korkud» («Книга деда Коркута»), извините, в моём переводе; а ведь впервые я осмелилась включить в свою дипломную работу, ещё в 1964, первую главу – «Предпослание» и пятую песнь «О сыне Духа-Годжа, о Дели Домруле», а также сказку Низами «Волшебное кольцо» и стихотворный цикл Расула Рзы «Краски», продемонстрировав всё, чему я научилась в Литературном институте.

Но если бы не Азер Абдуллаевич Мустафазаде, эта книга никогда бы не вышла в свет в переводе, по мнению некоторых издательских работников, какой-то «москвички» с азербайджанской фамилией, которую я, слава Богу, не меняла никогда.

Я была третьим человеком, получившим копию «Kitabi» в городе Дрездене, тогда на территории советского сектора Германской Демократической Республики. И пока в Дрезденской библиотеке готовили копию, я бродила по знаменитому Дрезденскому музею, замирая перед мировыми шедеврами живописи.

Переведённый на русский язык Азером Мустафазаде роман азербайджанского писателя Эльчина «Голова» я начала читать ещё в прошлом году и скоро прервала чтение, чтобы освежить в своей памяти, кто таков был главный герой романа.

Заглянула в энциклопедию, да не в одну, но в обеих прочитала одно и то же…

«Цицианов Павел Дмитриевич (1754-1806), русский генерал от инфантерии (1804г.). С 1802 года главноначальствующий в Грузии, руководил присоединением к России Имеретии, Мегрелии, Гянджинского, Карабахского, Шекинского и Ширванского ханств. Убит при переговорах с бакинским ханом».

Интересно, что имя бакинского хана не названо ни в одной из советских энциклопедий…

Затем я продолжила чтение романа, он захватил меня не только историей трагической гибели русского генерала, но и горькой, удивительно кратко и выразительно переданной историей несчастной девственницы, дочери пастуха, наложницы бакинского хана…Того же самого? Интересно!..

И чтобы читателям было интересно, не буду раскрывать ни исторических, ни литературных тайн. Прочтите сами, если любите читать, если вы хотя бы любопытны…

Азер Мустафазаде показал себя в этой работе и опытным, и умелым переводчиком, артистично справился с переводом очень сложных, на целую страницу, огромных предложений автора.

Много лет назад я познакомилась с бабушкой Азера, Сафурой ханым…Почему я вспоминаю её сейчас? Потому что каждый человек запоминает самое важное в своей жизни.

Это был тоже канун великого праздника Новруз байрам, Нового года, который у мусульман всего белого света встречают двадцатого марта, ранней весной.

Я была тогда в командировке в Баку и жила в старом «Интуристе» – в гостинице, которая находилась в нескольких минутах ходьбы от старой квартиры Азера.

Сафура ханым встретила меня с чистыми, воздетыми вверх руками, которые не должны были и не могли касаться ничего грешного в минуты, когда она готовила святую трапезу Нового года, который у мусульман наступает двадцатого марта.

Через несколько минут я уже, забыв о своём однокурснике Азере, самозабвенно орудовала на кухне вдвоём с чистосердечной Сафурой ханым – и я старательно училась готовить настоящий плов с шафраном, газмахом и прочими тайнами высокой восточной кулинарии, хранить которые она завещала мне… тихим шёпотом.

Через неделю, а именно 27 марта, в святую неделю Новруза – день рождения моего товарища и друга, с которым я училась вместе, а позже мы с ним учили новых студентов Литинститута уже как преподаватели переводческого дела.

Но об этом я предпочла бы не рассказывать…

Поздравляю тебя со светлым праздником весны и самое главное –

С днём рождения, дорогой Азер!

ЛЕЙЛА БЕГИМ

ВЫСТРЕЛ

Юмореска

Ну вот, наконец. Целый час до окончания приема документов, – подумала я, взглянув на часы и позвонив в небольшую железную дверь в каменном заборе.

– Слушаю, – эхом раздался мужской голос.

– Здравствуйте. Джафарова. Пришла получить визу. Гражданка Азербайджана. Имею ПМЖ в Чехии.

– У вас с собой все необходимые документы?

– Да.

– Перечислите.

– Паспорт, ПМЖ, приглашение в страну, выписка из банка, две фотографии.

– Вы сами собирали документы?

– Да.

– Никто не помогал вам?

– Нет.

– У вас нет с собой оружия или взрывчатого вещества?

Тут мне захотелось отшутиться, но, как говорит моя шестилетняя дочь, «мой мозг» меня остановил ещё до того, как язык успел «выстрелить».

– Нет, конечно, – смиренно ответила я.

– Что у вас ещё с собой?

– Будучи осведомленной о ваших требованиях, я все вещи оставила в машине, в пятиста метрах отсюда, на стоянке, – прощебетала я, любуясь голубями, целующимися на заборе.

– Хорошо. Ждите.

На улице начинало моросить, но мартовское солнце, ещё пару минут назад холодными лучами подгонявшее меня со стоянки, скрываясь за облаками, успело мне подмигнуть, словно ручаясь, что все будет хорошо.

– У вас нет с собой оружия? – резко прервав мой диалог с небесами, передо мной вырос симпатичный брюнет крепкого телосложения.

– Простите? – растерянно, отвечая на таком же английском, переспросила я.

– У вас нет с собой пистолета или взрывчатого вещества? – строго перефразировал свой вопрос молодой человек, глаза которого, однако, выдавали улыбку.

– О, нет. Конечно, нет.

– Цель вашего визита к нам?

– Я должна получить визу, – теряя терпение, ответила я.

– Вам нужно получить визу, – усмехнувшись, поправил меня молодой человек.

– Мне нужно получить визу, потому что я должна поехать на фестиваль, – стальным голосом безапелляционно выпалила я, в сердцах посетовав на свой мозг, не справляющийся с ситуацией.

– Дайте, пожалуйста, мне свои документы.

– Пожалуйста.

Просмотрев документы:

– А где билеты?

– Я звонила, прежде, чем прийти. Меня не проинформировали о том, что я должна выкупить билеты.

– Ждите здесь.

С этими весомыми, обнадеживающими словами и моим прозрачным тонюсеньким файлом, он скрылся за дверью.

Через пару минут с моей папочкой появился человек, уже говорящий по-чешски. Задав по третьему кругу одни и те же вопросы, явно пытаясь выявить нечто скрытое, взрывоопасное, он решил продолжить беседу, интересуясь фестивалем и тем, в каком качестве я в нем участвую. Моя писательская ипостась, видимо, его так зажгла, что по дороге внутрь здания он, что нехарактерно для работника посольства, несколько горячо поделился своими знаниями о месте рождения поэзии Махи, жившего недалеко от моего дома.

Проведя меня через контроль безопасности и сопроводив до следующей железной двери со звоночком, он остался во дворе.

Здесь уже меня не заставили ждать.

Мужчина неопределенного возраста приветливо улыбался в окне.

Передав ему документы, я, наконец, облегченно вздохнула. Но не тут-то было.

– «Фестиваль Насими – 650», – медленно выговаривая, словно приговор, произнес он, вертя в руках пригласительное письмо.

– Да. Это наш поэт XV столетия, – с нескрываемой гордостью отпарировала я.

– А где ваши билеты? — грянул роковой вопрос.

– Я пока их не выкупила. Решила подождать визу.

– Тогда предоставьте мне документ о том, где вы остановитесь.

– Я пока точно не решила. Два месяца до поездки, – решительно бросила я.

– Вы правы. Еще два месяца. У вас полно времени. Донесите необходимые документы и получите визу, – с улыбкой возвращая документы, заключил великодушный клерк.

– На самом деле не так много времени. Мне нужно сдать паспорт на получение английской визы. Паспорт заберут на две недели, потом я улечу, а когда прилечу, останется совсем мало времени, – явно неуклюже, по-детски оправдываясь, обезоруженно ответила я.

– Когда вы летите в Англию?

– Через три недели.

– А в Израиль? – взглянув на приглашение, спросил мужчина

– Через полтора месяца.

– Давайте сюда документы. И 570 крон за визу.

Не скрывая радости, я мгновенно выполнила указание.

– Письмо из банка не нужно, – сказал мужчина, возвращая мне самую ценную по содержанию и по сути бумагу, за перевод и заверение которой я заплатила больше всего денег.

– Сядьте за стол, подождите, – с этими словами мужчина исчез из поля моего зрения.

На столе одиноко лежала ручка. Я перевернула обесцененную в одночасье банковскую бумагу, расположив ручку на девственно чистой тыльной ее стороне.

Откинувшись на спинку стула, закрыв на минуту глаза, я почувствовала, как проваливаюсь в сон.

Но «мой мозг» был начеку. Я открыла глаза.

В окне, за которым скрылся канцелярский работник, периодически проплывали люди, время скользило...

«Сквозное время, в нем возня людская,
Сплошное мельтешение дождя», – записала я.

«Ну вот, и вдохновение спустило курок», – обескураженно выдал мой мозг.

«Стихи на банковском бланке в канцелярии израильского посольства, думаю, еще никто не писал», – иронично отбив самоатаку, я молниеносно продолжила письмо.

«В сонливой паутине миража
Сквозное время, в нем возня людская,
Сплошное мельтешение дождя,
Так, словно бесконечность расплескала
И впрыснула живительный поток
В гортань земли под пенье Алиллуйи...»

– Helloooo... – певуче раздался голос, возвращая меня в реальность.

Мужчина, улыбаясь, с удивлением глядя на меня, подозвал меня к окну.

– Хорошей поездки, – добродушно пожелал он мне, несколько торжественно вручая паспорт.

– Большое спасибо! Вы мне очень помогли.

– А что вы там писали, если не секрет?

Мне очень захотелось отстреляться остротами, но мой беспристрастный мозг, придя на выручку, подсказал мне:

– Речь готовила для фестиваля на благословенной земле. Стихи с названием «Аллилуйя».

– Молодец! Удачи!

– Спасибо! – воскликнула я и пулей вылетела на воздух.

За дверями меня ждал мой провожатый.

– Все хорошо?

– Супер! – бухнула я, прежде чем «мой мозг» успел сориентироваться.

На улице, сдержав обещание, ярко светило солнце.

У выхода, около забора, на котором час назад целовались голуби, у меня неосознанно защемило сердце. Я мысленно завершила стихи:

«А на щеках смертельный холодок –
Предательских прощаний поцелуи».